ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:
В. Н. Бараков
Н. В. Возжаева
В. В. Гончарова
В. Г. Захарченко
Е. А. Золотова
Н. А. Ивеншев
В. В. Касьянов
Д. А. Ковальчук
Ю. В. Козлов
В. Ю. Лапина
Ю. М. Лощиц
Ю. В. Лучинский
С. Н. Макарова
А. В. Пиценко
Н. Г. Пугачёва
Л. А. Сычёва
А. В. Татаринов
А. А. Фокин
Е. В. Хомутов
В. И. Шульженко

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Юрий Михайлович Павлов

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Н. И. Крижановский

РЕДАКТОР ОТДЕЛА
Д. К. Диденко

ДИЗАЙН
И КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЁРСТКА
Е. А. Быковченко

КОРРЕКТОР
Л. А. Мирошникова

РОДНАЯ КУБАНЬ

Литературно-исторический журнал
№ 2 (107) 2025 г.

Адрес редакции:
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.
Тел./факс 259-60-27; e-mail: r-kuban@inbox.ru
Подписной индекс: 31899.

СОУЧРЕДИТЕЛИ: администрация Краснодарского края, ООО «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости».

ИЗДАТЕЛЬ: ООО «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости».
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением автора публикации.

Заказ № 690
Тираж номера 877 экз. **Свободная цена.**

Подписано в печать 30.05.2025 г. Формат 84x106/16.

Дата выхода 13.06.2025 г.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.

Отпечатано АО «Издательство «Советская Кубань».
Адрес типографии:
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 106

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Южному федеральному округу ПИ № ТУ23-01250 от 29 января 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

НАТАЛЬЯ ВОЗЖАЕВА
«ЖИВИ, ДЫШИ И ДО КОНЦА НАДЕЙСЯ…» 6

ИВАН ПЕРЕСВЕТОВ
«Я ПИШУ ТЕБЕ СВОЙ СТИХ» 16

РОМАН БАШКАРДИН
«РОССИЯ УКРОЕТ СВОИМ КРЫЛОМ» 20

ОЛЬГА КОРОП-КРИЖАНОВСКАЯ
«ЗДЕСЬ В ГАРМОНИИ СЕРДЦЕ ЖИВЁТ» 24

ЛЕЙЛА ГАДЖЫЕВА
«ТАК МНОГО НА ЗЕМЛЕ НЕ В НАШЕЙ ВЛАСТИ…» 28

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР МОЖАЕВ
СМУТНЫЕ ДНИ 36

ВИКТОР ОЗЕРСКИЙ
МЁРТВАЯ ПЕТЛЯ ТКАЧЁВА 46

АНАСТАСИЯ ЛОМАЕВА
НЕЗАБУДКИ 58
ТИШИНА 61

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ИСТОРИИ

ВЛАДИМИР КАЗАНКОВ
НЕРАССКАЗАННАЯ ВОЙНА МОЕГО ОТЦА 64

ИВАН ОЗЕРСКИЙ
МАРШРУТ «ГУЛЬКЕВИЧИ – БЕРЛИН» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ 72

РОДИНОВЕДЕНИЕ

ОЛЕГ МАТВЕЕВ
СТАНИЦА ТРУЖЕНИКОВ И ГЕРОЕВ 80

СЕРГЕЙ ШАПОВАЛОВ
ОСТРОВНЫЕ ЖИТЕЛИ АНАПСКОГО РАЙОНА В XIX ВЕКЕ 88

ГОСТЬ НОМЕРА

«МОЙ КОСМОС ДОЛЖЕН БЫТЬ ОБИТАЕМ»
Беседа Даниила Диденко с Натальей Возжаевой 96

ПРОГУЛКИ ПО КРАСНОДАРУ

СКВОЗЬ ЖИЗНЬ НЕОБЪЯТНУЮ
Прогулка Андрея Нейжмака с писателем Андреем Пиценко по Краснодару 104

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ЮРИЙ БОРОДИН
ДОМАШНИЙ ОГОНЬ: ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР НАТАЛЬИ ВОЗЖАЕВОЙ 118

ЛЮДМИЛА ХОРЕВА
ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ ЖЕНСКИЙ МИР ПОЭЗИИ НАТАЛЬИ ВОЗЖАЕВОЙ 126

ВИКТОРИЯ ГУРЕЕВА
РУССКИЕ РОЗЫ ДОНБАССА 134

ЛИЛИАНА ХАШБА
ИХ ВЫБОР – ДЕНЬГИ: «МОНОХРОМ» И ЦИНИЧНОЕ
ОТНОШЕНИЕ КО ДНЮ ПОБЕДЫ 136

КУБАНЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

..... 140

Что любовь – вода в пригоршне –
Не споткнувшись, донести.
Донесем ли, мой хороший,
До последнего «прости»?
Романтические бредни –
Ужин, свечи, лепестки –
То по юности не вредно,
А у нас белы виски.
Друг о друге небо молим.
Дым – ромашковое сито.
Уж пошли гулять на воле
Дочки наши да сыны.

ПОЭЗИЯ

ru.freepik.com

Архив Натальи Возжаевой

НАТАЛЬЯ ВОЗЖАЕВА

Родилась в городе Грозном.
Окончила в 1993 году Ростовский государственный университет.
Автор трёх стихотворных сборников.
Публиковалась в журналах «Родная Кубань», «Москва», «Нева» и других СМИ.
Лауреат литературных премий.
Живёт в Новороссийске.

«ЖИВИ, ДЫШИ И ДО КОНЦА НАДЕЙСЯ...»

****

А нас учили – Бога нет.
Прабабушка, усмешку пряча,
В себе таила тихий свет.
Да было и нельзя иначе.

Молилась в кухне по ночам,
Кутью готовила в Сочельник,
И грелся старый дом в лучах
Ее негромкого свеченья.

Сейчас, смотря на долгий снег,
Вдруг вспомню, как она молчала
Тому, кого как будто нет,
О тяжкой доле за плечами.

Вся жизнь, что ноша – и не скинь,
Не поделись – откуда силы
У тех, что жили по-людски,
Но так по-божески любили.

2025

****

Все тянется и тянется за мной,
Как долгий шлейф из старой занавески –
Так я играла маленькой в невесту
Или царевну – голос твой родной.

То был мне сон – секретик под стеклом,
Обрывки смеха, солнце в старых липах –
Не часто просыпаешься от всхлипа,
Но почему? О чем? Или о ком?

Звала меня, а я в ответ: «Ну, баааа!
Пожалуйста, еще чуть-чуть, немного!»
Но ты звала настойчиво и строго,
И горько мне до соли на губах.

А двор звенит и лупит по мячу,
Воюет с липой, спрятавшей воланчик…
Проснулась, понимаю все и плачу:
«Пожалуйста, бабуль, еще чуть-чуть»…

2025

БАБУШКИ

Любят пословицы, делятся байками.
И на колени, прикрытые байковым
Ковриком, собранным по лоскуту,
Каждой дано по коту.
Тихо, не споря с учеными мамами,
Йодистой сеточкой, медом и травами,
Жгучим горчичником и молоком
Снимут недуг, как рукой.
Временем согнуты, сердцем ведомые,
Гладят макушки сухими ладонями,
Сколько бы ни было детоньке лет.

Взрослых для бабушек нет.
Пахнут блинами и добрыми сказками,
Шапку напялят, накажут не стаскивать,
Перекрестив, отпускают и ждут.
Ценят тепло и уют.
Умник, тихоня, шалун или врединка –
В тощих карманах халатов, передников
Спрятаны ими на случай любой
Денежка, пряник, любовь.
Длинные ночи, да только не спится им,
Бабушки вяжут блестящими спицами
Шарфики длинные лунных дорог.
Ближе становится Бог.
Он опускает небесные помочи,
В кофтах растянутых, в тапочках войлочных
– Петелька к петельке вьются пути –
Бабушки смогут уйти.

2020

ДЕДУ

А память детства все еще свежа.
Вдруг вспомнишь: дед на кончике ножа
Держал осу, упавшую в варенье.
Так ковыряешь корку на колене,
Такую бесполезную на вид,
Но нет, кровит, пока еще кровит.
Ты вся из этих добрых мелочей:
Сачок, в сарае удочки, «качель».
Тебя, козявку, окружал заботой
И ласковым теплом незримый кто-то.
И так берег, ах, как тебя берег
С иконки на тебя глядящий Бог.
И кто-то дул на ранку на коленке,
И спать укладывал, конечно же, у стенки.
И мир был сжат периметром двора,
Но ширилась в штакетнике дыра.
Пока жива, несу в себе, несу
В сиропе утонувшую осу
И нежность пальцев твердых, заскорузлых,
Что не на бантик, а всегда на узел
Завязывали «уши» у кулька,
И как прикуривал смешно от уголька,
Алевшего в золе, веселый дед,
И врал, смеясь: жизнь вечна, смерти нет.

2022

СНЕГОПАД

Снегопад плывет на белом ялике.
В козью шаль обернута, кульком,
Я стою в зашитых, старых валенках
И ловлю снежинки языком.

Маленькая, толстая, щекастая.
Клюква со сгущенкой – не лицо.
Горе ты мое, ну где ты шастала!
Бьет ладонью мама пальтецо.

Озорной, смешливый, щеки алые.
Боже мой, не мальчик – снеговик!
Теплыми ладонями сбивала я
Затвердевший снег на половик.

Снегопад плывет на белом ялике
Где-то по-над Северским Донцом.
И стоит и смотрит вверх, как маленький,
Младший лейтенант с моим лицом.

2022

***

Вот двор, вот старенький подъезд –
Вся дверь в кошачьих междометках.
Вот старый клен, подлец, подлез,
Гнет козырек упругой веткой.
Забор упал, лежит ничком,
Сарайчик, как Христовы ясли.
И пахнет жареным лучком
На солнечном, конечно, масле.
А дом серьезен, стар и строг.
Без спинки длинная скамейка –
Там бабушки, им лет по сто.
На доме крыша, как скуфейка.
Шу! Полетели воробьи
Гурьбой на шиферный наплешник.
Тут квинтэссенция любви.
К цветам, котам, ко всем нам, грешным.
Неспешно доживают век
Среди бетонных монолитов.
И вдруг всплывает в голове
Короткая, как жизнь, молитва.
Мол, Отче наш, иже еси…
И даждь нам днесь… и что-то с хлебом…
Но старый дом уходит в синь
Осеннего, большого неба.

2022

***

Поднимаю ватную руку, стучу в ворота.
Завитушки кованые по краям.
За воротами речь знакомая, горловая –
«кто там?»
Отвечаю растерянно, односложно – «я».
А на мне косынка, платье в пол
и слезы градом,
Я смотрю во двор и по-русски так: «Боже мой!»
И хозяйке нынешней объяснять не надо –
Понимает – я вернулась домой.
Тише, память. Не выдержать все и сразу.
Тут был кран, там – дедов верстак,
тут – крыльцо.
А хозяйка тихо: «Зови меня "Аза"».
И идет за водой, взглянув на мое лицо.

Приглашает в дом, но этого слишком много.
Мы сидим во дворе и тихо с ней говорим:
– Очень долгой была у тебя дорога?
– Очень. Тридцать с лишним лет.
Почти тридцать три…
Тут был шкаф, где хранил
свои акварели мальчик.
Мой отец. Под тем железным настилом.
Пожилая чеченка обнимает меня и плачет.
Ничего, – говорю ей, – ничего. Отпустило.

2023

АННА ИВАНОВНА

Маленькая была, но запомнилось это мне:
Каждую зиму в один из морозных дней,
Когда белье на веревке стояло колом,
Анна Ивановна выходила на улицу голой.
И с неподвижным взглядом двигалась
в никуда.
Помню, на кухне громко текла вода.
Бабушка все бросала и, схватив одеяло,

Хлопнув дверью, за Анной бежала.
Или соседка Тая, или сосед дядя Коля –
Кто первый заметит. А та шла в поле.

В нашем поселке ее историю знали все.
Анна Ивановна так уходила в снег.
Бабушка рассказала.
Немцы согнали раздетых в холодную баню
И подожгли. Птичье окошко.
Выбралась только Аня.
Кем-то подобрана, чьим-то теплом согрета
Старая-старая девочка.
Был сорок третий.
Вот из него она и брела в восьмидесятый,
Мимо домов, сквозь прозрачные палисады.
Маленький, тихий поселок.
За двухэтажками – поле.
Белое-белое. Голое. Аж до боли.

2025

****

Не кори меня за то, что молчу.
Было много меня, осталось чуть.
Говорить об этом ни дара, ни сил,
И не спрашивать лучше, да ты спросил,
Отчего стихи мои не о том.
В них коты, беседки, вино и дом.
И ни слова о горестях, о войне.
Возмущен и зол, предъявляешь мне –
Все в строю, а ты не у дела.
Отвечаю: липа-то пожелтела.
В общем, как могу, ухожу от ответа.
Ты настойчив, ты хочешь услышать это?
Что о горьком молчании знаешь ты,
Доверяя грохочущим и пустым?
Я ношу это все под сердцем. Как?
Догадайся, друже мой, не дурак.
Девять месяцев бабы обычно носят.
Только я ношу… две зимы и осень.

2024

****

В белых соцветиях ветка,
Брызги барвинка в траве,
Два молодых человека
Шли голова к голове.

Март устаканился прочно,
Воют хмельные коты,
Так пригревает, что почки
Выпустит даже костыль…

Ковшик ладони на веки –
Солнце игриво слепит –
Смотришь вослед человекам –
Господи, благослови…

Вот же не молишься Богу,
Так объясни, отчего,
Стоя у края дороги
Вспомнила имя его?

Господи, раз не оставил,
Значит, и впредь береги,
Пусть на двоих и осталось
Три с половиной ноги…

Вся в голубом и зеленом
Улочки тонкая нить…
Госпиталь в нашем районе,
В нашем районе «Магнит».

2025

****

Слегка пошаркивая ботами,
Ходила быстро и легко.
Мой мир нестрашный и заботливый –
Малина, мед и молоко.

Горячий лоб – рука прохладная,
В глазах тревога и любовь.
Из неприятного-досадного –
Горчичники, компресс, люголь.

А я мечусь в жару удушливом,
И рвутся, рвутся бредом сны.
Она перевернет подушку и…
«Спи. Лишь бы не было войны».

«Война – беда, а хворь – безделица».
Устало сядет на кровать
И вспомнит страшный год, метелицу,
Двух младших братиков и мать.

Мигал светильник, речь баюкала,
Но, как живая, в страшных снах,
Худая женщина двух куколок
Недвижных тянет на санях.

Метель со мной играет в салочки
И я бегу, бегу, бегу!
Нет, не догнать мне эти саночки.
И отпустить их не могу.

2023

****

Мы собирались. Пели птицы,
По дворику плескалась синь.
Трава смотрела в наши лица
Глазами влажными росы.

И было стыдно разговоров,
И было страшно тишины.
И синеве той был укором
Платок на голове жены.

Она не выла, не кричала.
Черней платка ее глаза.
И только дрогнула плечами,
Когда раздался первый залп.

Шли от погоста до подъезда.
Роса исчезла в знойный час.
Мы не заглядывали в бездну
Сухих и страшных вдовьих глаз.

2023

****

А у тебя весна на мордочку
Стряхнула солнечную кисть.
Подснежники сидят на корточках
И смотрят в голубую высь.

Вьюнок мой, детка, март обманчивый,
Еще не время для плаща.
Но ты спешишь на встречу с мальчиком,
Март и тебе наобещал.

А я стою засохшим деревцем,
И мне шесть сотен полных лун,
Но подо мной лужайка стелется,
И обниматься лезет вьюн.

Твоя весна – мое убежище.
Стою, качаясь и скрипя.
Нет, то не ты за ветки держишься –
То я цепляюсь за тебя.

2020

****

Шатаются, наполнившись сухим,
Тюльпаны – тонконогие бокалы.
Закатный луч неимоверно алый –
В такие вечера читать стихи

И пить весну. Немного захмелев,
Ты будешь говорить, что мир настанет,
А я скажу: «Ну разве что местами».
Ты будешь прав, а я, конечно, Лев.

Но я хочу обычный разговор –
Простой, пустой и сниженный до сплетен –
Мели, Емеля, обо всех на свете
И наперед не думай ничего.

Кто от кого, где, почему и с кем –
Разводы, роды, свадьбы, адюльтеры –
Беззлобно потрепаться и без меры –
Какая куча интересных тем.

Вот промелькнули март, апрель… Весна
Уже берет прощальные аккорды.
Уткнется ночь собачьей милой мордой
В мои колени – наслаждайся, на.

И мы тогда разговорим свечу,
Сверчка-тырчка и костерок в мангале.
Я столько весен в жизни проморгала,
Что больше торопиться не хочу.

Остановить бы стрелки на часах
И теплый, ароматный снег черешни…
Скажи, не он ли в этой тьме кромешной
Мерцает белым в наших волосах?

2025

****

А за окном штормит, как никогда,
Гудят «Беда!» тугие провода.
Напротив дом, и в доме теплый свет,
Но на звонки ответа нет и нет…
Бегу туда – какой там одеваться!
Бог в помощь и, конечно, сто двенадцать…
А там тепло, а там белым бело,
Мукой на кухне столик замело.
Уймитесь, дребезжащие колени.
А мне: «Пришла? Садись лепить пельмени!»
«Чего?»

Но все становится на место,
Я выдыхаю, вижу – руки в тесте.
Не нужен оправданий детский лепет –
Здоровы, живы, вон, пельмени лепят…

А телевизор что-то врет и врет,
Политика кривит нечистый рот.
Покажется, что мир в тартарары…
И мне казалось, но до сей поры.
Молитва, ритуал, священнодейство –
Живи, дыши и до конца надейся,
И формула окажется простой,
Как все, когда ходил пешком под стол –
Мир обрекая на грядущий день,
Лепи пельмень.

2024

ПРОГУЛОЧНОЕ

Что с ветром нынче? Какой-то шалый,
Но теплый, ластится, как кутек.
Поймать в охапку да за ушами
Его почухать, но нет – утек!

Неугомонный, несется резво,
Щенячий на бок свинтив язык.
А бухта, словно большая джезва –
Вскипает пеной морская зыбь.

Вот детка с глянцевыми губами
Раскрыла с семечками кулек.
Вот чайки лаются с голубями,
И «птица мира» на мир плюет.
Тут ветер пахнет рахат-лукумом,
Немного морем,
Чуть-чуть щенком –
В жемчужной дымке лежит лагуна
С подушкой галечной под щекой…

2025

НЕ ОДНА

Чуть дальше от шоссе – и мир иной.
Иду, но не одна – идет со мной
Нечастый снег. Не мельтеша, вполсилы.
Не «зимние осадки» снег в России,
Не где-то там замерзшая вода,
Он – таинство, священнодейство, дар.
И мы идем в бессловном диалоге,
А след один. Уже совсем немного
И будет дом, и чай, и тихий свет,
Но медлим расставаться я и снег.
А у соседей банька на дровах
И запах у дымка такой, что – ах!
Упитанный «британец» вислоухий
Лежит на подоконнике на брюхе,
Во всей своей ненашенской красе,
Вполне и безвозвратно обрусев.
И мысли легче пуха – ни о чем –
Что, будто освежив воротничок,
Стоит нарядный дом в тиши проулка,
Что коротка приятная прогулка,
Что будет чай, и тихий свет, и кот,
Что я уже пришла.

2025

ЛЮ...

Что любовь – вода в пригоршне –
Не споткнувшись, донести.
Донесем ли, мой хороший,
До последнего «прости»?
Романтические бредни –
Ужин, свечи, лепестки –
То по юности не вредно,
А у нас белы виски.
Друг о друге небо молим.
Дым – ромашковые сны.
Уж пошли гулять на воле
Дочки наши да сыны.
А лю... нет, не произносим!
Быт махровый – я да ты.
Ты уходишь ровно в восемь,
Я – чуть позже девяти.
Не увидеть и не тронуть,
Город – дока разводить.
Между нами телефонный
Мостик, тоненький, как нить.
Вечер, кухня, разговоры.
Как ты? Хорошо. А ты?
Два сообщника, два вора
Глубины у немоты.
Утром пялится яишня
Желтооко, горячо.
«Сахар в чашке», – говоришь мне.
Я – щекой тебе в плечо.
О любви с тобой ни слова.
Как ее в слова вместить?
Жизнь, как день, да быт махровый
До последнего «прости».

2020

****

Слова внутри, воспалена гортань,
А, впрочем, что тебе стихи и слезы?
Ты не такую принимала дань
От более, чем я, громкоголосых.
Но я люблю бездумно, вопреки,
Всю – от подземки до крестов соборных.
Надменный холодок Москвы-реки,
Скупую гжель березовых уборов –
Куда ж без них. К несчастью, не узнать,
Чем жертвуют влюбленные в столицу,
Чем нынче пополняется казна.
Я погостила. Нам пора проститься.
Вокзал Казанский, холодно, метель.
Вагоны, перегоны, переезды…
Москва, я отдаю тебе детей.
Доверчиво, бесслезно, безвозмездно.

2024

****

Когда ты там грустишь, в своей Москве,
Нечастый дождик окропляет сквер,
Кривые улочки и парапет, и порт,
За пару тысяч километров от…
Молчащий телефон – не друг, не враг,
И на мое банальное «ты как?»
Солжешь мне во спасение, смеясь,
Мол, «я в метро», мол,
«тут плохая связь»…
Гляжу в окно, в опаловую мглу
И во спокойствие тебе я тоже лгу,

Что, мол, кручусь, как белка в колесе,
Что некогда попить-поесть-присесть.
Не так.
На самом деле маета
В такие дни, и все совсем не так.
Себе, как ни старайся, не солжешь.
Без всякой цели выхожу под дождь –
Болезненно невыносим уют
Пустого дома, и тоску свою,
И мысли, и внезапные печали
Несу к Нему и, стоя на причале,
Молчу правдиво. Тут легко и просто,
Где чайки, как рассыпанное просо
Ненужных слов.
И лебедь – знак вопроса. ■

2025

Архив Ивана Пересветова

ИВАН ПЕРЕСВЕТОВ

Родился в Омске в 2002 году. В ранней юности переехал в Краснодар. Окончил факультет журналистики Кубанского государственного университета. Магистрант Санкт-Петербургского государственного университета. Поэт, публицист. Публиковался в «Родной Кубани» и других СМИ. Живёт в Санкт-Петербурге.

«Я ПИШУ ТЕБЕ СВОЙ СТИХ»

НИКОЛАЮ ГУМИЛЁВУ

Меня на фронт послать –
как жарить соловья,
Но я хочу погибнуть в штурмотряде,
Чтобы вокруг – укрепы и поля,
И ночи упоительные пряди.

Зачем я здесь – на ласковой земле,
Где все мучительно и так великолепно?
Моя душа томится, как в стекле,
В объятьях обаятельного плена.

К чему я здесь? Не лучше ли туда,
Где день и ночь сливаются в объятьях?
Где с промкой лобызается арта,
И от кассет спасаются Распятьем.

***

Илиада в гуле дронов,
Одиссея на вокзалах,
Агамемнон – без короны,
В галстуке, в овальных залах
Улыбается, однако
Нет в помине и Елены,
Есть панельная Итака –
Только газ да редкоземы,
Да рыданья, да морщины,
Бесконечная дорога,
Изможденные мужчины
И шевроны с Ликом Бога.

***

Ослепительная кровь,
И в самых венах синих-синих
Бритвы полоснули вновь,
И кто-то небо вскрыл России.

Сквозь отверстое польются,
Как святые,
Лейкоциты
О, солдаты-херувимы,
Стрептоциды,
Серафимы.
Небо – точно
Яркий иней,
Бритвы поцелуй –
И вылит
Танец струй,
Сияний ливень
На лицо моей России.

***

ПэВэО, не трогай ангела,
Он спустился к нам от неба:
Он принес нам осень алую,
На небо отнимет лето.

С солнца сок польет березовый,
И прохладой ветер веет,
Заструится запах меда
От деревьев в этот вечер.

Кто погибнул жарким летом,
Погребен в земли ладонях,
Сколько вас осталось бледных
До весны пасхальной в поле?

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

Дроны гуси-лебеди,
И восток алеет,
Усыпают тлением
Древние аллеи,
Где ветхозаветные
Города и нравы,
Глаз за глаз – ответные
Авиаудары,
Где исполосована
Газа артобстрелами –
Мучеников стонами,
Воплями, сиренами
Воздух переполнится,
Перепонки лопая,
Что за слово вспомнится,
Реченное
Пророками?

Всесожженья
Ярки,
Словно апельсины,
И огнем объята
Ветка
Палестины.

****

Бред безумного Петра,
Ослепительно прекрасно,
Милый царь, ты переврал
Амстердам в дурмане красок.

Город воли растерял
Волю создавать и рушить.
И осталось – потреблять,
Утонуть в комфорте душам.

Медный всадник, с места встань,
Оборви ризому оргий,
Пустоту пронзи и стань
Тем, кто есть, Святой Георгий.

ПЕТЕРБУРГ

Петербург! Какой пурпурный
Город трех переворотов,
Город весь усыпан пудрой.
Отрекался, словно Петр?

Как Святой Апостол Петр –
Трижды, а теперь – рыдает?
Или пьяный, рьяно-пестрый –
Точно финка глаз лобзает.

Запах вавилонски-темный
Из метро открытой пасти…
Он так густ, и умиленный
Турникет целует пластик,

Поезда скользят по венам –
Ветки зацветут метро,
И игла адмиралтейства
В небо целит – под ребро…

Но Исакий словно вспышка,
Он – последняя молитва.
Он звучит: «Им же вся быша…» –
Его светом все облито.

****

Берцы ноги обнимают,
И пальто струится вниз,
Я шатаюсь по Кубани,
Как Вергилий-проводник,
Я веду тебя по парку
И по центру на такси,
Я не знаю, ты ли Данте?
Где чистилище, где лимб?

Только знаю, мы погибнем,
Может, в баре от пера,
Может, пьяны будем ливнем,
Отлетая как пегас,
И проснемся, как будильник.
Трубный зов – и сон долой.
Я шагаю, как Вергилий,
И тебя веду с собой.

Мы проснемся, где – Бог знает.
И течет степенно Стикс,
Я шатаюсь по Кубани,
Я пишу тебе свой стих. ■

Архив Романа Башкардина

РОМАН БАШКАРДИН

Родился в 1984 году в городе Йошкар-Оле. Публиковался в «Родной Кубани», сборнике стихов «Симфония ночи», альманахах «Вольный лист», «Вдохновение», йошкар-олинской газете «Открытый взгляд» и других СМИ. Дипломант премии «Моё солнцестояние 2023» и четырёх литературных конкурсов.
Живёт в городе Йошкар-Оле.

«РОССИЯ УКРОЕТ СВОИМ КРЫЛОМ»

***

Не бойся, моя хорошая, страха нет.
Есть плач матерей у церковной
большой свечи
Под рокот снарядов. И кроткое имярек,
Что тихой молитвой
до первых лучей звучит.

Есть рык автомата,
рубиново-красный лист,
Упавший с рябины,
свинцовым дождем задет.
На нашей земле убивает детей – фашист –
Но страха, моя хорошая, страха – нет.

Немецкими «кошками»
к Волге прощупан путь,
Но видит в прицеле наводчик
фашистский крест:
И в этот момент что-то
русскую щемит грудь –
Поэтому, моя нежная, страха – нет!

Поэтому, моя милая, страх – труха
В глазницах пустынных домов –
за селом – село,
И будет еще украинская ночь тиха,
Когда их Россия укроет своим крылом.

Потом, через многие годы, придет весна,
В полях васильковых,
под небом, совьет букет
И вспомнит страна,
что сегодня была война.
Поэтому, моя милая, страха нет.

И детские слезы покуда горчат в груди,
И ждет тишины над полями
брусничный цвет.
Мы выстоим, сможем, прорвемся и победим...

Ведь смерти, моя хорошая… Смерти – нет!

***

Мне говорят:
Не нужно о войне,
Мол, там не так, как кажется извне,
И если я там не был, то вдвойне –
Писать ни строчки.

А я отвечу –
Видел я во сне,
Как прадед мой погиб на той войне,
И сердце памятью о том звучит во мне –
И точка.

Поэтому я буду о войне!
О памяти, что дорога вдвойне,
О доблести, что отдана стране –
Дышать по строчке.

О той и этой буду я войне! –
Писать стихи ночами в тишине –

Покуда смерть с крестами на коне,
Покуда курский лес горит в огне,
Покуда сердце русское во мне –

И точка!

***

А над городом запах черемух
Тает в утренней,
Розовой мгле,
И густой
Опьяняющий воздух
Невесомо струится
К земле.

Как не вечен
В своей ипостаси
Весной дымкой
Охваченный сад,

Так уходит и жизнь –
В одночасье –

Алой зорькой в последний закат.

***

Горит свеча. Горит – извне – во тьму,
Мерцающий огонь – первоначален:
Одним неяркий свет ее печален,
Другим сияет, вопреки всему.
Так чей-то голос добрый и родной
Когда темно – протягивает руку,
Так двери отворяются без стука,
Впустив благословенье и покой.
Так сердце узнает иную стать –
Приняв молитву – слышать голос Бога,
И над окном, у звездного порога,
Так льется неземная благодать.
Так, словно птицы, к вешнему цветку,
К свече Творца, умеющего слушать,
Слетаются истерзанные души
На горний свет к святому маяку.

Ведь ты же знаешь: птицы – это души,
Познавшие и счастье, и тоску.

***

В заброшенном храме, под куполом самым,
Пронзивши осанной бездонную высь,
Стоял у престола заоблачный ангел,
Печальные очи понуривший вниз.

У самого сердца в знамении крестном
Он присно и праведно руки сложил.
И плакало сердце, усталое сердце,
И в сердце болел человеческий мир.

Крылами укрытый, творил он молитвы,
Лучами свечи окоем обрамя –
О скором конце нескончаемой битвы,
О том, чтоб вернулись домой сыновья.

И тихо молясь все печальней и кротче –
О людях, взывая божественный свет,
Распевно просил: «Вседержитель наш, Отче,
Помилуй, их грешных, избави от бед».

И ангел шептал, и туманились блики,
И в отзвук молитвы вплеталась душа,
И свет неземной из окон базилики
На тот окоем нисходил, не спеша...

В заброшенном храме, под куполом самым,
Небесной свечой окоем обрамя,
Стоял у престола заоблачный ангел,
И горним покоем сияла Земля! ■

Архив Ольги Короп-Крижановской

ОЛЬГА КОРОП-КРИЖАНОВСКАЯ

Родилась в 1977 году в городе Армавире Краснодарского края. С отличием окончила художественно-графический факультет РГПУ. Художник и поэт. Участник многочисленных выставок. Публиковалась в различных СМИ. Живёт в Ростове-на-Дону.

«ЗДЕСЬ В ГАРМОНИИ СЕРДЦЕ ЖИВЁТ»

* * *

Холодным молоком туманного рассвета
Встречаешь новый день.
Неясный щебет птах
Уводит за собой в неведомое лето,
Где край иных красот и небывалых трав,

Где только окунешь в прохладу света руки,
Как вытянешь улов богатый малых сих,
Где можно уловить в колеблющемся звуке,
Пока еще не стих, пока еще не стих...

06.08.2024

* * *

Ищу единственный цветок
Средь непонятных ярких пятен.
Безумный мир мне непонятен,
Я жажду истины глоток.

1991

* * *

Научите меня летать
Величаво и так высоко,
Я хочу улететь далеко,
Улететь, чтоб вернуться опять.
И, вернувшись в родные края,
Я вдохну ароматы полей
И пойму: нет на свете милей
Той земли, где Отчизна моя.

1991

* * *

Посвящается участникам совместной выставки «Зеркало души»

Распахнулось окно – ветер, солнце и тучи,
Запах леса и запах земли!
Степь Донская моя, дальний Север могучий
В них свое вдохновенье нашли.

О любви, красоте, о судьбе, о семье
Напевает мне сердце в тиши.
Нежный утренний свет в глубине, в полынье
Отразило зерцало души.

Вот Отчизна моя: и поля, и леса,
И семья, что всегда меня ждет, –
В этом жизни роса, в этом Божья краса,
Здесь в гармонии сердце живет.

2013

КАМЧАТКА

Здесь начинается моя Россия!
Луч солнца первый, проливая свет,
Дает всему неведомую силу.
Сильней земли на свете больше нет!

Суровый край вулканов-великанов.
Туманным серым утром чаек грай
Захлестывают волны океана...
Здесь край земли, а может просто рай!

26.08.2024

*** * ***

Дремлет старая хатенка.
В поле ни огня...
Эх, лихая лошаденка,
Прокати меня!

Запрягу тебя в телегу:
Пыр-р, родная, пру!
Мы с тобой придем к ночлегу
Только поутру.

Довези меня до луга,
Здесь недалеко.
Ночью, старая подруга,
Дышится легко!

Вспомни, милая лошадка,
Как водилось мне
Проходить с тобой украдкой
В этой стороне.

Ночкой темной брали просо.
Грех было не брать –
До весеннего покоса
Долго зимовать.

Дремлет старая хатенка.
В поле ни огня...
Эх, лихая лошаденка,
Прокати меня!

2002–2003

*** * ***

Я буду спать, и сон приснится мне,
Как будто мы с тобою неразлучны.
И я верхом на сером скакуне,
А рядом ты усталый, но нескучный.

И ты идешь – дороге нет конца.
Вдруг остановишься, посмотришь робко,
Как будто ждешь: я спрыгнул с жеребца
На старую извилистую тропку...

Но слишком крепко я сижу в седле,
И слишком дальняя моя дорога,
Хоть ноги сами тянутся к земле,
Ты проведи коня еще немного.

Мерцают звезды в темной вышине.
Мы говорим с тобой попеременно...
Так длится сон пока я на коне,
А спрыгну – улетучится мгновенно.

Август 1996

*** * ***

Идет неделя за неделей.
Лист облетает за листом.
Дела, хоть делай – хоть не делай,
Переполняют старый дом.

Так быстро время не бежало,
Когда в безоблачном саду

Средь трав нескошенных лежала
У солнца с небом на виду...

Сокрыто небо пыльным сводом,
И прячет солнце яркий диск.
Мечты усталым хороводом
Несутся все куда-то вниз.

Но, может, луч преображенья
Мелькнет за тучами хламья.
И ты уйдешь без сожаленья,
Как ухожу теперь и я.

Апрель 2023

*** * ***

Н. К.
Ветер сдует пенный цвет акаций,
И погаснут свечи у каштанов,
Ирис перестанет изгибаться
В танце фиолетовых фонтанов.

Цветоароматонаважденье,
Трель-тинь-тень с заката до рассвета...
Кто придумал этот день рожденья
Рано пробудившегося лета?

30.05.2024

*** * ***

Н. Б.
Бог – скульптор, Бог – художник, Бог – творец,
Бог – добрый наставляющий учитель!
Бог – милостивый любящий отец,
А не суровый каменный властитель.

Мне есть чему учиться у Творца,
Мне есть что воспринять от Педагога.
Мне есть чем восторгаться без конца,
Кого любить. Любить и славить Бога!

4.05.2025

*** * ***

Нам Богом дан телесный плен.
И даже звезды – это тлен.
Но в бездне неба мнится нам
Далекий путь к иным мирам.

То память предков нас влечет
Искать иной Небесный свод
Недостижимой высоты,
Эдема райские сады...

Все суждено нам претерпеть:
Печаль, страдание и смерть.
Пока мы живы, он незрим –
Небесный Иерусалим. ■

Август 2013

Архив Лейлы Гаджыевой

ЛЕЙЛА ГАДЖЫЕВА

Родилась в 1999 году в городе Елизово Камчатского края. Выпускница факультета журналистики КубГУ. Публиковалась в газете «Православный голос Кубани», на официальном сайте Кубанской митрополии и в журнале «Родная Кубань». Живёт в Москве.

«ТАК МНОГО НА ЗЕМЛЕ НЕ В НАШЕЙ ВЛАСТИ…»

* * *

Как можно душу описать?
Начать с какого нужно края?
А может быть, она такая,
Что нет в ней края... как писать?

Заглянем в вечность: где-то там
Не счесть событий, поколений,
И будет тот же строй сомнений
И чувств, что слишком близок нам.

Так близок, что не описать.
Спустя века в сердцах все то же,
И быть к себе честнее, строже
Мы можем только обещать.

Что свято нам, чему верны?
К какому мчимся эпилогу?
Ведь выбирать свою дорогу
Мы волею небес вольны.

Декабрь 2018

* * *

Весна протягивает руку:
«Бери мое тепло, бери,
Забудь печаль, забудь разлуку
И прежним солнышком гори».

«Я не могу, Весна, мне трудно,
Потерян, грустен и промок.
Я непутевый поминутно,
И все мне в жизни невдомек».

«Согреешься. И лед растает,
Простишь себя, пойдешь вперед.
А сердце сладость всю познает…
Иди, Весна не пропадет».

Туман печали в сердце въелся,
Все охладила горечь слез…
Но неожиданно согрелся –
Моей Весной был мой Христос.

Март 2022

* * *

Нет, не хочу тебе я сделать больно,
Вершить судьбу – отнюдь не мой удел.
Возможно, ходишь где-то там, довольный,
Что струны тонкие ты с легкостью задел.

Пьешь крепкий чай, безудержно смеешься,
Шагаешь в такт капели по стеклу,
В рассветной лености
ты не спеша проснешься,
Забыв уже вчерашнюю золу.

А ведь она еще лежит в камине:
Зола, зола. Что взять с нее теперь?
Не подходи к молоденькой рябине,
Ее огни погасли от потерь.

Колышет ветер красные сережки,
Желая вырвать их из рук-ветвей.
И чувство есть, что вот, еще немножко –
И не видать рябинушки моей.

Пустой обман, сомненья и печали,
Не ждали вас, но вы уже в дверях.
Чего бы мы по жизни ни искали –
Придет. Но горько, если второпях.

Душа моя, чего же ты хотела?
Не позволяй себе в страстях тонуть.
Зола, зола… Горевшее – дотлело,
Пустым мечтам освободило путь.

Март 2025

*** * ***

Христос, мне так больно дышать,
Сковало отчаянье плечи.
Ты можешь закрыть и обнять?
Я грелась бы, глядя на свечи,
Я руки тянула бы ввысь,
Ища Твою теплую руку,
Шептала Тебе бы: «Вернись»,
Хоть знал бы и так мою муку.
Я шла бы за светом Твоим,
Смеясь, как дитя на качели,
Брела бы по травам сухим –
Кузнечики б нежно звенели.
Меня целовал бы туман,
Ласкал плечи ветер холодный.
Не тронул бы злой ураган,
Светил бы лишь месяц огромный.
Была бы я розой в саду,
Цвела бы у белой часовни
И если я вдруг опаду,
Ты жизнью наполнил бы корни.

Я вечно хочу быть с Тобой,
И, словно ребенку, мне страшно,
Когда гасят свет золотой
И звезды шагают так важно.

Ты встанешь со мной у свечи
Боль сердца тихонько ослабишь.
Я знаю, что в этой ночи
Без света меня не оставишь.

Апрель 2022

*** * ***

Не зови меня впредь, не зови,
Мне игра твоя так опостылела.
От настойчивой тесной любви
Мне невольно глаза замылило.

Да и кто произнес: «Любовь»?
Слишком святы шесть букв обманчивых.
Сколько сердце свое ни готовь,
Не услышишь советов вкрадчивых.

Слишком святы, ведь их дал Он,
Это жертва и верность вечная.
А ты мчишься, идешь на обгон,
Будто жизнь – антилопа беспечная.

Не хранишь, не боишься потерь,
Лишь уюта блаженного хочется.
Можешь крепко закрыть эту дверь,
Только правда за сердцем волочится.

Март 2025

*** * ***

Трусость – точно тонкая стрела
Над моим окошком пролетела.
Прятал руки, сидя у стола,
Смелость в белом воске тихо тлела.

Потерялся в сумрачном лесу,
Где блаженство достигает пика.
Что там обещали? Колбасу?
Сочную и спелую клубнику?

Голубые прячутся глаза,
Путаются мысли со смешками.
Очень трудно жать на тормоза,
Вымысла дотронувшись устами.

На заре растают миражи,
И развяжут крепкий узелочек.
«Что же хуже трусости, скажи?»
Я отвечу: «Ничего, дружочек».

Март 2025

ПОПЫТКА СОНЕТА

Так странно, мне всегда хватало слов,
Нередко разум сердце упрекает.
Но лишь коснусь случайно рукавов,
Взгляну в твои глаза – и не хватает.

Любить – так часто значит отпускать,
Всего скверней – лишать кого-то счастья.
Не перестанет сердце понимать –
Так много на земле не в нашей власти.

Пройдут года, стирая нежный след.
Взглянув тогда на прошлое украдкой,
Пойму: еще прекрасней стал рассвет,
Как мысль о том, что все с тобой в порядке.

Как мысль о том, что новый день настал,
А нежный след дороже сердцу стал.

Июнь 2018

*** * ***

Какая же мука ждать чуда напрасно
И каждый раз верить, что будет не так.
Я знал: опускать свои руки опасно,
Я веру закинул на темный чердак.

И вывернул душу свою наизнанку,
До боли сжимал одиноко виски.
Я вынул оттуда немую беглянку –
Не вынул оттуда я черной тоски.

Финала хорошего ждут все на свете
И верят, что утром проснется рассвет.
А мы так просты и светлы, словно дети,
А мы никогда не раскроем секрет.

Я думал: а что же в конце? Что же, мама?!
Как жить, бестолковому, в этих краях?
Я буду любить, буду верить упрямо,
И жить я не буду в трусливых цепях.

Я думал: а что впереди? Кто там видит,
Как я одиноко сжимаю виски?
А там только Он – мое горе похитит,
Лишь Он опалит море черной тоски.

Май 2022

*** * ***

Ножом по сердцу – разве это больно?
И разве я смогу тебя забыть?
Качают ветки снегом недовольно,
А мне осталось только быть да быть.

От берега до берега так много,
Но, кажется, могу я вечность ждать.
Смотри на меня нежно или строго –
Мне сердце молодое не унять.

Смотри – хотя бы изредка – глазами,
А я свои невольно опущу,
И хрупкие снежники под ногами
Промолвят, как же по тебе грущу.

Смиренной буду, непокорной тоже
Немилой для тебя навеки быть.
Мы душами, как дети, так похожи,
Не ясно только, вместе ли нам плыть.

Не буду я пытаться быть счастливой,
Не буду притворяться и вздыхать.
Пройду насквозь струной неторопливой,
Не поведу и бровью – не догнать

Меня уже, возможно, будет. Знаешь,
Не жду и не страдаю, не кричу.
Ты не жестокий, нет, ты не играешь,
Но знай: и я с тобою не шучу.

Живу я так, как знаю, как умею,
Люблю я жизнь и все, что дышит в ней.
Саму себя своим же жаром грею,
Смешу же себя так, что э-ге-гей.

Поэтому в душе я так спокойна.
Поэтому тебя я не держу.
Не привлекаю ближе, взглядом знойным
Не привлекаю и не провожу…

Прости меня, быть может, просто дура,
Бывает так со всеми в двадцать лет.

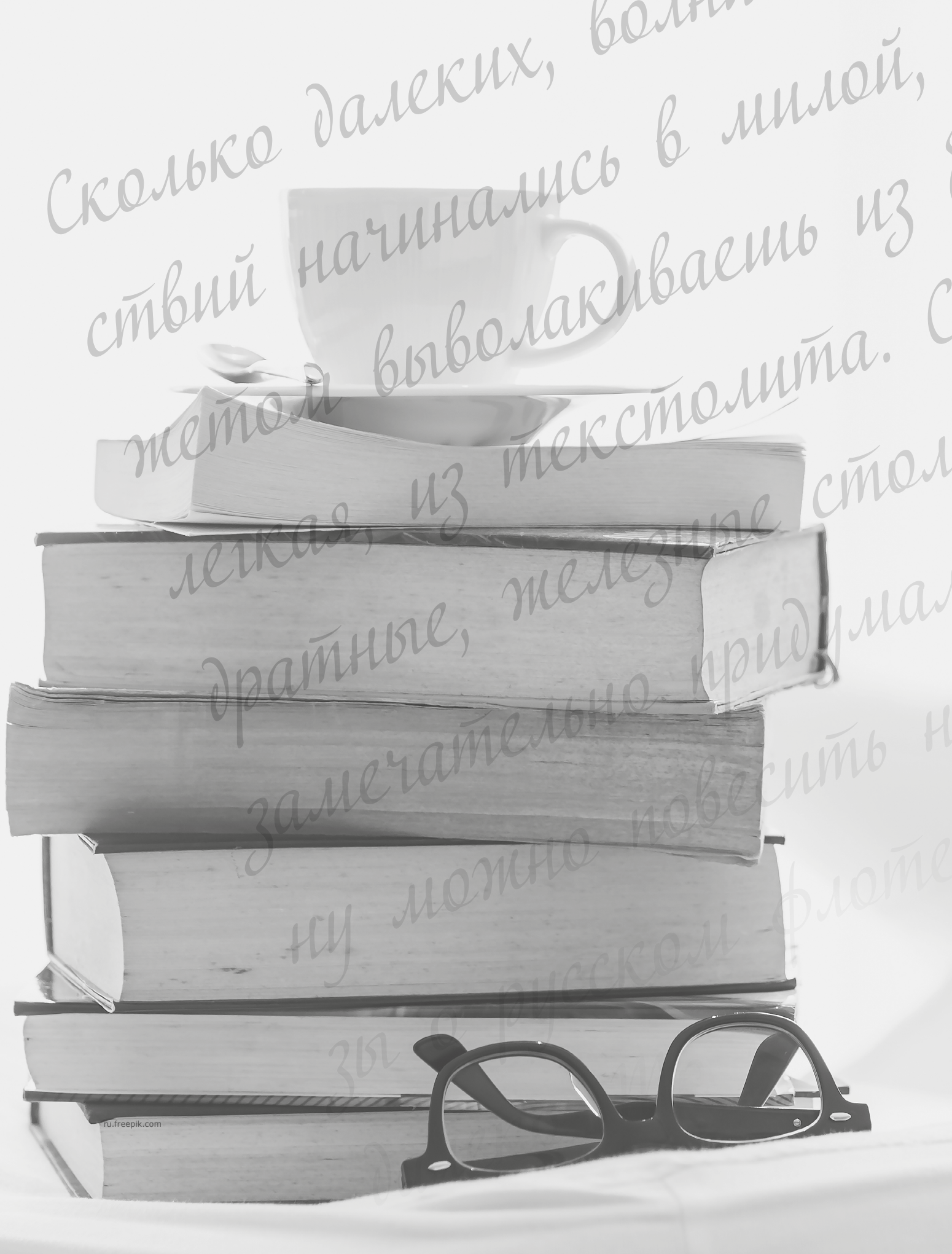
Вот только ветки осенью понурой
Качаясь, шлют тепло тебе привет.

Но ты не знаешь, от кого, не знаешь,
Кто шлет его и каждый Божий день
Все глубже в мое сердце проникаешь,
Бросая на него то свет, то тень.

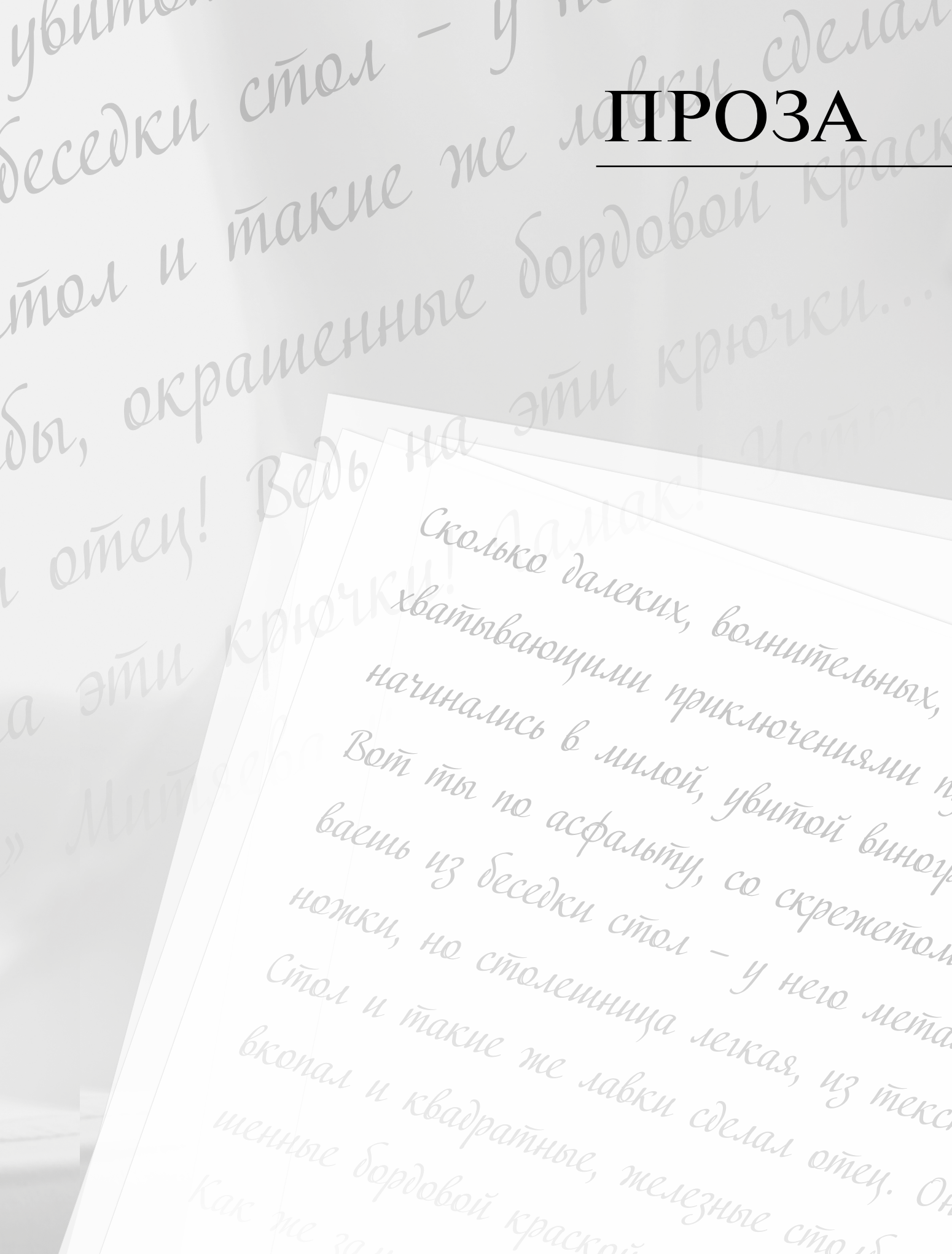
Прощай теперь. Прощай? Ну да, пожалуй.
Я не смогу быть тем же соловьем.
Лишь дай однажды осенью усталой
Пролиться на тебя косым дождем.

Дай ветром быть, что сдует с плеч листочки
И дай листочком быть, что улетел.
Ты летом стал среди холодных прочих,
Но песню соловей уже пропел. ■

Октябрь 2023

Сколько далеких, волн
ствий начинались в милой,
той выволакиваешь из
легкая, из текстолита. С
ратные, железные
замечательно придумал
ну можно повесить
зы с русском флоте
ru.freepik.com

ПРОЗА

Архив Александра Можаева

АЛЕКСАНДР МОЖАЕВ

Родился в 1955 г. на хуторе Можаевка Ростовской области. Член СП России, публиковался в журналах «Дон», «Наш современник», «Москва» и многих других СМИ. Лауреат многих всероссийских премий, финалист премии «Слово». Живёт на хуторе Можаевка.

СМУТНЫЕ ДНИ

Глава из романа «За чертой»

Выглядывая свою добычу, высоко в небе парит коршун. Его быстрая несоразмерно большая тень скользит по земле. Я стараюсь проследить за ее бегом, но она теряется в зарослях терновника. Когда с новым кругом тень хищника вдруг мелькнет во дворе, все живое в нем затихает, куры, сгорбившись, бегут под навес, индюки беспокойно «пулькают» и лишь крохотные ласточки бесстрашно взмывают навстречу врагу.

Жека приехал неожиданно скоро.

– Я уже тут... – пробасил в телефоне его хрипловатый голос.

– Где «тут»?

– У тебя под окном... Переплывай – увидишь...

Такое у нас впервые. Обычно, чтоб не нарваться на стерегущие нас засады, встречаемся в далеких глухих местах, а тут подъехал к самой границе...

Едва ступив на другой берег, напарываюсь на стоящий в зеленке украинский УАЗ. «СБУ Украины» – начертано на боку белой краской. Я замираю на месте. Оглядываюсь на реку. «Нет, не успеют взять – прыгну в воду... Нужно предупредить Жеку...» – думаю в лихорадке.

Едва потянулся за пазуху, чтоб вытащить телефон, дверь УАЗа отворилась и на землю вывалилась Жекина туша.

– Ты там это... не шмальни с перепуга, – скалится он.

– Предупреждать надо... – переводя дыхание, говорю я.

– Ага, как же, на весь эфир раструбить, на чем я еду!.. Свежачок. О ней никто еще и не знает...

– Трофей?

– Подарок... Как тележенка?!! – поглаживая дверь, Жека с гордостью смотрит на свое приобретение. – Сегодня с Бэтменом на Должанке прикупили у укров. Драпали в Россию, даже ключи забыли в замке. Поначалу я ее сам боялся, а потом за руль сел – как родная! Пока до тебя ехал, – засветил все укровские «секреты». На одном даже «честь» отдали! Во как! Сейчас нам до самой Станицы зеленый свет, лишь бы своим в прицел не попасть...

– Свои уже за Донцом...

– А Чегевара?! Жахнет и не перекрестится...

– Потом глянет, кого замочил – жалеть будет...

– Это если после РПГ останется на что глянуть... Погорюет тогда чуток. На войне не принято долго горевать, – смеется Жека. – Ну так что, поехали за сынякой?

– Сыняка уже дома. Люди Чегевары привезли из больницы. Кудин там. За Кудином едем...

Жека выруливает на полевую дорогу, во весь газ несется меж сгоревших хлебных полей. На весь белый свет костерит Носача:

– Вот же зараза, Носач... – уворачиваясь от колдобин, рычит он. – Ничего ведь не сказал за Кудина...

– Может, он его за Донец отправил... – робко заступаюсь за Носача.

Но Жека не принимает никаких доводов.

– Отправил – сказал бы... А то – ни полслова...

– Он и за сыняку моего не сказал тебе ничего. Может, не до того...

– Может... – наконец согласился он.

Клубы черного дыма нависли над Макаровым и Станицей. Сквозь расползающуюся серую мглу на нас равнодушно смотрело кровавое солнце.

– Укропы по обе стороны дороги лес подожгли... – догадался Жека. – Чегевару выкуривают от шоссе, чтоб не шмальнул из зеленки. Догорит – будут в Станице... А пока они барыши делят.

– Какие барыши?

– А ты не знаешь?! Беженцы на Россию драпали, а укры блоками на Деркуле все мосты перекрыли... Там сейчас оставленных машин скопилось – тысячи. Пока нацики не поделят их, можно спокойно ехать.

После обстрелов, которые на протяжении месяца вели ВСУ по Макарову и Станице, весь фасад больницы был разбит, на северной стороне не осталось ни одного целого окна. По усыпанным битым кирпичом, бетоном и осколками стекол ступеням поднимаемся наверх. Там, где должна была быть дверь, зиял темный проход, над которым, покачиваясь на ветру, слабо поскрипывала оторванная с одного края больничная вывеска. В полумраке взбегаем по внутренней лестнице. Операционная с южной стороны, поэтому не пострадала.

Хирург Максимыч, которого я видел однажды в разбомбленной Кондрашовке, мыл у рукомойника руки. На секунду он оглянулся на нас, но, ничего не сказав, продолжил свое дело. Людка Бармалеиха стояла, прислонившись к подоконнику. Увидев нас, устало стащила с головы белую косынку и маску с лица, но тоже ничего не сказала. Кудина уже сняли с операционного стола и положили на каталку. До подбородка он был укрыт запачканной кровью простыней. На лице его не было никаких признаков жизни, щеки и уши, казалось, светились восковым мертвым светом, разгладились, исчезли лучинки у глаз, не кривились в привычной усмешке побелевшие губы, строго сжаты, как у покойника. Но то, что он не был накрыт простыней полностью, давало надежду, что жив.

– Жив? – тихо спросил Людку.

Та молча кивнула.

– Кудин... – позвал я.

Лицо Кудина осталось безмолвно прежним. Ни один мускул не шевельнулся на нем.

– Кудин, братуха!.. – загудел Жека.

– Он вас не слышит, – сказала Людка и отвернулась к окну.

– Зачем приехали? – вытирая застиранным полотенцем руки, строго спросил хирург. – Я ж Носачу сказал, что трогать его нельзя...

«Носач специально за Кудина ничего не сказал, – догадался я. – Чтоб мы не поперлись за ним...»

– А что нам Носач?!. – с вызовом произнес Жека. – Сейчас грузим и на Луганск... Потом в Россию... Там госпиталь...

– Госпиталь – хорошо... У нас даже света нет... – неожиданно согласился Максимыч.

– Какие у него шансы? – все еще колебался я.

– Ну...Операцию выдержал... Скажем, пятьдесят один на сорок девять в его пользу.

– Умеешь, Максимыч, обнадежить... – хмыкнул Жека. – Прям по процентам все разложил...

– Тогда мы его везем! – ободренно говорю я.

– Куда? На кладбище?

– Но вы же сказали...

– Вы его не довезете, – не оборачиваясь, тихо сказала Людка.

– Я сказал, что, если его не трогать... хотя бы недельку... – сказал хирург. – Тогда есть шансы... Сейчас вы его даже до машины не донесете... Ну, может, один к ста...

– Кудин что-нибудь говорил? – спросил Жека.

– Нет, ничего, – ответил Максимыч. – Отдельные фразы... Бредил...

– Натаху звал, – сказала Людка, и губы ее дрогнули.

– «Деркул... Полая вода...» – добавил хирург.

Он не договорил, подошел к окну, от Макарова все явственней нарастал гул приближающейся техники. Наконец, задрожали стены операционной – рядом по шоссе к Станице Луганской шла украинская бронетехника.

– Вы хоть бы сами отсюда выбрались... – не оборачиваясь, произнес хирург.

Метрах в трестах от больницы из заброшенного парка хлопнул «шмель» – и почти сразу раздался взрыв.

– Есть! – вскрикнул Жека. – Чегевара...

Мы подбежали к окну, но за высокими тополями, кроме поднимавшегося черного дыма, не было ничего видно. Спешно затукали «Утесы».

– Ага, хрен вы его там возьмете! Он уже на Качевано... – злорадно прокомментировал Жека.

– Ну что вы тут топчетесь?!.. – нервно вскрикнула Людка. – Уходите же!

Жека метнулся к Кудину. Оглянулся на меня.

– Что? Атаман?.. – ждет моего решения.

Я посмотрел на Людку, инстинктивно ожидая ее поддержки, но та, отведя взгляд, смотрела под ноги.

– Атаман?.. – вновь повторил Жека.

Я осторожно обнимаю Кудина, чуть слышно шепчу ему на ухо:

– Кудин, братушка, мы за тобой вернемся...

Мне показалось, что Кудин слышит всю мою ложь, и тогда от стыда и бессилия что-нибудь изменить я чуть не заплакал.

– Сань, валим... – тронул меня за плечо Жека.

– Люд, присмотри за ним... – попросил я.

– Мог бы и не говорить... – не скрывая обиды, сказала она.

По темным пролетам, перепрыгивая через три ступеньки, бежим вниз. На больничный двор пока никто не заехал, – рев моторов уже в станице.

Ухватившись за руль, Жека остекленевшим взглядом смотрит в пространство, молчит.

– Ну? Жек?.. Поехали?.. – охрипшим голосом говорю я.

Жека завел мотор.

– В лес?..

– Какой лес... Лес горит... – наконец осознанно произнес он. – Первая колонна уже в станице, старый мост отрезан... – сам с собой рассуждает Жека. – Пока не подошла вторая колонна, рыбхозовская трасса на новый мост свободна... Выскочим у «Игоря»...

– А если занят перекресток?..

– Внаглянку... Что нам еще остается...

На полном ходу пересекаем трассу. Перекресток свободен! Скосив глаза, я успеваю заметить, как справа от нас догорает взорванный Чегеварой БТР. Несемся по непривычно пустой дороге к новому мосту. Дым от лесных пожаров заволок знакомые ориентиры, скрывает высокий правый берег Донца, на котором стоит памятник князю Игорю. На какое-то время памятник вырывался из окутавшей его серой пелены, и тогда казалось, что князь Игорь и воинство его плывут в задымленных небесах. Мы уже где-то рядом с рекой. Еще три-четыре минуты – и мы на мосту, нас уже не догнать.

«А ведь мы могли его вывезти...» – вспоминаю восковое лицо Кудина, и, оглядываясь назад, с тоской думаю я.

– Долбанный айболит!.. – словно угадывая мои мысли и кляня Максимыча, орет Жека. – Это он нам паморки забил!..

Вдруг дорога под нами вздрогнула, машину подкинуло, и Жека, едва удерживая руль, ударил по тормозам. Впереди, под «Князем Игорем», взметнулся огненный шар, прогрохотал взрыв.

Съехав на обочину, Жека нервно захохотал.

– Жека, что?.. Что?!. – закричал я.

– Наши мост подорвали. Все... – отрубили... – наконец произнес он и заглушил мотор.

Некоторое время мы тупо смотрим на задымленную гору за Донцом. Нам отчетливо слышны и гул подходящей второй колонны, и беспорядочная стрельба у старого моста. Вдруг в самый верх лобового стекла ударила пуля, и мы инстинктивно клюнули головами вниз.

– Наши?.. – изумленно произнес я.

– Ну а то чьи ж... – заводя мотор, прорычал Жека. – Наши... Сидит там под Игорем какой-нибудь наш Пластун и пристреливает эСВэДэшку...

– Позвонить Носачу?..

– Ага, позвони... Пока будешь звонить, пока Носач передаст, этот «ворошиловский стрелок» нас, как зайку в тире, пришьет... Хорошо, хоть не успели ближе подъехать, а то б жахнули из РПГ – и «прощай, мама»...

Развернув машину, Жека понесся в обратную сторону.

– Куда?..

Жека не то промычал, ни то простонал в ответ что-то нечленораздельное, и я догадался, что он еще и сам толком не знает, «куда».

– Понятно... – стараясь казаться спокойным, говорю я.

– Сейчас свернем на рыбхозные топи... Если успеем... Хрен нас кто там возьмет!.. – сам себе шепчет он. – На Болотное, Сизое... Если успеем...

«Хочет прорваться к устью Деркула... – догадался я. – Значит, за тем поворотом уходим направо...»

Но едва лишь мы выехали из поворота, как увидели идущий навстречу украинский БТР, который уже отрезал нам съезд на рыбхозовские топи.

– Поздно... Вторая колонна... – в предчувствии чего-то страшного у меня немеют щеки и перехватывает дыхание. – Разворачивай!..

– Сейчас только дернемся, – он из нас дуршлаг

сделает... – шепчет Жека, и продолжает ехать навстречу БТРу.

– На прорыв?..

Жека неотрывно смотрит на приближающийся БТР, молчит.

Я нагнулся к стоящему между ног автомату, снял с предохранителя, но Жека отрицательно качнул головой.

БТР остановился, и сидящий на броне офицер взмахом ладони приказал нам стать. Жека притормозил, и когда мы поравнялись, неожиданно высунул из окна руку и уверенным взмахом приказал следовать за нами. Мне даже показалось, что он по-свойски подмигнул офицеру. Сидящие на броне люди недоуменно переглянулись, и я успел увидеть, как офицер отдал какую-то команду. Быть может, надпись на нашей машине и уверенный Жекин жест ввели их в замешательство.

– Жека, они развернулись, идут за нами... – шепчу я.

Он, молча, кивнул.

– Нахрена ты ему махнул?..

– А ты хотел, чтоб я ему «болт» показал?..

– Жми, Жека!.. Жми!..

– Спокуха, спокуха, не дергаться... – кажется, сам себе шепчет он.

Жека, не торопясь, съехал на рыбхозовскую песчаную дорогу и, чтоб не вызвать лишнего подозрения, даже притормозил, поджидая идущий за нами БТР, и снова махнул рукой. Неспешно мы дальше и дальше уходили от трассы, на которой все нарастал гул подходившей техники. Дорога убегала в низину. Березовые колки сменили осиновые рощицы, и вдруг резко запахло ольхой и болотом.

– Жека, они ускоряются... Старший говорит что-то в рацию... – глядя в зеркало заднего вида, сообщаю я.

– Еще чуть, самую малость... – ободряюще шепчет Жека и вновь машет рукой нашим преследователям.

Вот под колесами зачавкала болотная жижа, погружаясь в нее, дорога все чаще петляла меж зарослей ольхи, и на БТРе начали терять нас из виду.

– А теперь прибавим! – орет Жека, и в глазах его загорается злорадный обнадеживающий огонь.

Что есть силы он давит на газ, и я, не успев ухватиться за поручни, несколько раз к ряду бьюсь головой в потолок. Дорога то выскакивала на зыбкую сушу, то вновь погружалась в темную, настоянную на бурых ольховых корнях жижу, и Жека по одним лишь ему известным приметам находил ее под водой.

На БТРе все уже поняли; вслед нам, не умолкая, тукает пулемет, и, срезанные пулями макушки ольхи шлепают перед нами в воду.

– Поздно, бабушка, о нужде вспомнила!.. – хищно скалится Жека.

Я слышу, как справа от нас нарастает рев приближающегося БТРа, уже где-то рядом трещат сломанные деревья, с плеском разлетается вода.

– Жека!.. – кричу я. – Они срезают дорогу, идут наперерез...

Но Жекины губы кривятся в усмешке.

– Хорошо!.. Сейчас врюхаются!.. – со спокойной уверенностью произносит он. – Ну-ка, поддайте еще!..

Я слышу сильный всплеск, рев мотора сменило странное утробное рычание, но и оно скоро смолкло. Сквозь просвет меж деревьев я успеваю увидеть, как стальная машина медленно погружается в трясину, и люди, еще минуту назад наводившие на меня животный страх и пытавшиеся убить нас, сейчас барахтаются в черной жиже и неожиданно вызывают к себе сострадание.

– Выплывут?.. – произношу я и тут же понимаю, насколько нелеп и глуп мой вопрос.

– Что, может, поможем?.. – смеется Жека.

Некоторое время едем молча.

– Выплывут, – уверенно говорит Жека. – Проверено – ... не тонет.

– Самим бы не утонуть... – озираясь по сторонам, говорю я.

Жека лишь усмехнулся.

– Мы куда сейчас?

– Ероху с Сизого знаешь?..

С атаманом Ерохиным с хутора Сизого я познакомился у Носача лет пятнадцать назад, с тех пор встречались с ним не единожды и на казачьих Кругах, и в луганской мастерской моего отца, где обсуждались многие проекты исторических памятников. Так, место для «Князя Игоря» первым предложил атаман Ерохин.

– Остановимся у Ерохи, а там решим... Если не удастся машиненку перегнать через Деркул, – у Ерохи оставим. Он в своих дебрях ее так прихоронит – ни один спутник ее не увидит.

– Откуда ты знаешь эту гиблую дорогу? – спрашиваю я.

– Так это... Мы ж с Ерохой в девяностых тут контрабанду перегоняли... – неожиданно признался Жека. – Водку, сигареты перекидывали российским барыгам... Эти места ни один Блажеенок не контролировал...

– Какие интересные подробности открываются в лихую годину, – взглянув на Жеку, усмехаюсь я.

– А ты думаешь, как мы тогда выживали с Людкой?.. На одних метлах и корзинках?..

Еще полчаса езды – и ольховые колки, дававшие хоть какие-то призрачные ориентиры дороги, наконец, закончились. УАЗ, валя перед собой камыши, все труднее пробивался вперед. Несколько раз, сворачивая влево, Жека пытался вырваться на сушу, но, наталкиваясь на непроходимые буреломы, возвращался на прежний курс.

– Ну что, контрабандист Сусанин, выберемся мы из этого болота? – задаю назревший вопрос.

Жека прокряхтел, но ничего не ответил.

– Ты и контрабанду гонял таким вот макаром?..

– Когда это было... Тут все поменялось... – оправдывается Жека. – Где-то слева был выезд...

– Может, мы его проскочили?

Жека не отвечает, сосредоточенно смотрит вперед.

– Вот! Здесь!.. – сворачивая у кривой, распластавшейся у воды вербы, радостно заорал он.

Поначалу действительно пошла отмель, машина ускорила ход, но, не пройдя и двадцати метров, резко клюнула носом в воду, стала.

– Давай, ласточка, давай!.. – пытаясь сдать назад, упрашивает машину Жека. – Еще чуть. Еще...

Но чем больше он раскачивал ее взад и вперед, чем сильнее давил на газ, тем глубже она погружалась в ил.

«Похоже, в этом болоте сегодня утонет не один только украинский БТР...» – начинаю догадываться я, но, чтоб не огорчать Жеку, не спешу озвучивать эти пораженческие мысли.

– Ну, ласточка, ну... – уговаривает Жека машину.

«Ласточка» глубже клюнула носом. Свечи залило черной взбаламученной жижей, и мотор заглох.

– У-у, шарабан укропский... – хлопнув кулаком по рулю, в сердцах прорычал Жека.

Ступив в грязную воду, осмотрелся.

– Нет, не здесь... – сокрушенно выдохнул он. – И верба такая ж кривая... Не здесь... Там, где бэтээр укропский тонул, влево еще одна дорожка отходила... Нужно б было по ней...

– Вовремя вспомнил...

– Верная мысля приходит опосля...

Не тая своего презрения, Жека плюнул на капот машины.

– Как пришла, так и ушла, – нарочито бодро произнес он, но, подумав, добавил: – Бэтмен ввалит сегодня...

Озадаченный, я все еще оставался сидеть в машине.

– Подай автомат, – просит Жека. – И там в бардачке...

Из бардачка достаю два скрученных изолентой магазина и гранату РДГ-5.

– Гранату оставь себе... – забирая магазины, говорит Жека.

Пока прячу гранату в нагрудном кармане, выслушиваю его бурчание:

– Ты и на предохранитель не ставил?! Ну... атаман...

На «атаман» Жека нажал особенно ядовито, чтоб подчеркнуть свою едкость, но я сделал вид, что его не услышал.

– Кроссовки сними – потеряешь... – уже примиряюще, советует он. – А носки оставь, чтоб ноги не поколоть.

– Куда хоть идти, знаешь? – спрашиваю угрюмо.

– Туда... – взмахнув перед собою рукой, не очень твердо произнес он.

– Понятно... – тоже не особо прячу свою язвительность.

Около часа, разгребая перед собой камыши, ориентируясь на солнце, идем на восток. Наконец, вышли на мель, и впереди завиднелась поросшая березняком и ольхою суша.

– Ну вот! – обернувшись, торжественно проговорил Жека. – Справа Болотное, прямо – Сизое... Считай дошли!

Жека ускорил шаг, и я едва поспевал за ним. Вдруг в правом колене хрустнуло, запекло, в глазах потемнело и меня повело в сторону.

– Жека... – преодолевая боль, окликнул охрипшим чужим голосом.

Тот оглянулся.

– Не спеши...

– Ты чего?

– Ничего... – оседая на больную ногу, медленно продвигаюсь вперед. – Не лети... Успеем...

– Опять?.. – зная о моей давней травме, морщится Жека, словно не у меня, а у него самого раздроблен коленный сустав.

Мне тяжело говорить, и я не ответил.

– Давай отдохнем, – выйдя на усыпанную полусгнившим валежником сушу и подавая мне руку, предлагает Жека.

– Пойдем... – тяжело выдохнув, чуть слышно просипел я. – Если остановлюсь – хана... Нужно двигаться... Не быстро...

– Берись за плечо.

Отрицательно мотаю головой.

– Палку...

Жека наваливается на сухую березку, выворачивает ее с корнем.

– Палку, а не оглоблю...

От боли я задыхаюсь, и меня начинает тошнить.

– Вот, по росту тебе отломал... – подает Жека палку. – Дай гляну... – трогает руками мое колено.

– Че там глядеть... У Людки своей глядеть будешь...

– Мда... – покачивая головой, мычит Жека. – Я тебя вытащу... – обещает он и успокаивает: – Тут немного осталось...

– Пошли... – опираясь на палку и воротом рубахи утирая выедающий глаза пот, первым ступаю вперед. – Вытаскиватель... Сам кого хошь вытащу...

– Давай-давай, только не лети шибко, а то потеряюсь... – уходя вперед, язвит Жека.

Через пару сотен метров мы снова уперлись в болото.

– Стой здесь, я сейчас влево гляну... – говорит Жека.

Через пять минут он вернулся.

– Нет, не сюда... Туда... – неопределенно взмахнув рукой, пошел вправо.

Я захромал вслед за ним. Через несколько минут, вернувшись, он вышел навстречу, мотнул головой.

– Куда теперь?.. – тяжело дыша, спросил я.

– Туда... – глядя на болото, виновато выдохнул он.

Наконец, мы вылезли из болота и около получаса шли по песчаным, поросшим островками краснотала, кучугурам.

– Ну, где твое Сизое? – нетерпеливо спрашивал я.

Похоже, Жека и сам уж не знал, куда мы выбрели, поэтому, озираясь вокруг, молча кряхтел. Мы пересекли березняки, растущие вперемешку с редкой сосной, уперлись в заросшую тополями и вербами низину. От боли меня тошнило, но я хорошо знал: останавливаться нельзя – будет хуже.

– Стой тут, я сбегаю, гляну. Вдруг снова болото... – глядя в низину, – сказал он.

Оставив меня, Жека сбегает в падину, и уже через минуту я слышу его радостный крик:

– Саня – Донец! К Донцу вышли!..

Продираясь сквозь густые заросли, выхожу к реке. Жека уже подкатил к воде сухой ствол тополя, готовит переправу. Донец в этом месте широк и быстр.

– Хочешь меня утопить? Я не переплыву... – падая на песок, с трудом выдыхаю слова.

– А нахрена тебе плыть? Место угадываешь? – не отрываясь от работы, смеется Жека. – Вон Новокиевка на той стороне... Тут до устья Деркула раз плюнуть, а там Россия...

Всматриваюсь в противоположный берег, – из зелени садов грибными шляпками выглядывают крытые замшелой от времени черепицей крыши редких домов. Там застыла тревожная тишина.

Распластавшись, я лежу на речном песке, смотрю неотрывно в небо, где, преображаясь, мирно плывут быстрые облака. В их очертании я, как в детстве, нахожу то дивных животных, то чудные, неведомые раньше пейзажи. А на северо-западе все еще угрюмо висит неподвижный серовато-бурый полог дыма. Жека в стороне перетряхивает свою одежду, и я слышу его бормотание:

– Да где же она, зараза?..

– Граната у меня, – говорю я.

– Да не граната...

У меня нет сил выяснять, что он ищет.

– Есть!.. – наконец радостно кричит он.

Я по-прежнему смотрю вдаль, туда, где за быстрым течением Донца белеет изрытая ериками гора. Где-то там, под Новокиевкой, в 1920 году сразила красноармейская пуля моего прадеда Тихона, и остался он лежать в этой чужой земле. Без отпевания и креста, под обстрелом в спешке прикопали его где-то под теми буграми, чтобы, когда возвернутся после отступа, перенести на родные могилки, положить рядом с матерью и дедами. Да не возвернулись. А те, кто и пришел через годы, уже не могли в точности указать упокоившее его место.

Когда-то я привозил сюда деда Орла, которому довелось хоронить Тихона. Долго бродил тот в задумчивости меж молодой поросли шиповника и малины, но так и не отыскал могилку.

– Где-то тут... – обведя широким жестом долину, произнес он. – Под горой...

– Что ж, никаких примет нет? – спросил я.

– Примета... Приметил, конечно... Камушек ему в головах положил...

Смотрю вокруг – куда ни глянь – камушки.

– Легко помер, – успокаивает Орел и в подтверждение своих слов добавляет: – Как его пулечка щелканула, вытянулся и не взбрыкнул даже...

Легкий ветерок курчавит волну на Донце, ровным негромким шелестом перешептываются листья на тополях, быстрая скользит по горе тень тучи. Крещусь тяжелой непослушной рукой, шепчу чуть слышно:

– Упокой Господи раба Твоего...

Подойдя и склонившись надо мной, Жека заслоняет собой далекую гору.

– Ты чего?.. – спрашивает обеспокоенно.

– Прадед мой где-то под теми буграми зарыт, – киваю в сторону Новокиевки.

– Ах, вон чего... А я думал...

Жека не договорил, и о чем он думал, я так и не узнал.

– Мои тоже невесть где лежат... – поразмыслив, произнес он. – Бывало, пойдем с мамкой убирать могилки, а там в основном лишь бабки-прабабки... Казаков по всей земле разбросало... Может, и меня завтра жахнет, а до Нижнего уже не добраться...

– Ладно... – как бы подытоживая свои раздумья, произнес он. – Ты тут пока пращура отпевал, я свои карманы перетряхнул – интересный пакетик нашел – ампулку со шприцем...

Зажав в своих неуклюжих корявых пальцах маленькую ампулку, Жека неумело наполнил шприц.

– Бэтмен на случай ранения выдавал, – пояснил он. – У тебя как раз этот случай...

– Что это?

– Цианистый калий... Чтоб не мучился... – кривится в улыбке.

– А-а, ну тогда давай...

– Повернись...

– Я сам...

– Ну, давай сам...

Усевшись на сырой песок, не раздумывая, одним махом через штанину вонзаю иглу в бедро повыше колена.

– Да ты впрямь доктор! – восхищенно говорит Жека. – Я бы так не сумел...

– Припечет – сумеешь...

Жека спустил бревно в воду, на высоко торчащий из воды сук, сделав на ремне по-кнутовому петли, закрепил автомат.

– Ну?.. – оглянувшись, спросил он. – Уже подскочил?..

– Занемела... Стою, как на протезе, но почти не болит...

– Вот! – радостно орет Жека. – я ж говорил!.. Сейчас, как сайгак, поскачешь, хрен тебя и танком догонишь... Ну, до связи... – оттолкнув бревно и вместе с ним удаляясь от берега, прокричал он. – Вперед, за «люлями» от Бэтмена...

Я наблюдал, как быстрое течение уносит его дальше и дальше. Держась одной рукой за бревно и загребая другой, он преодолел стремнину реки. Уже на середине Донца оглянулся и прокричал:

– Саня, ты тут долго не околачивайся... Иди... Укол три часа действует... У тебя три часа...

«Три часа... Куда я дойду за три часа?.. Если перейти Деркул и идти строго на север, то километров через двадцать будет мой дом... Нет, даже с этим уколом за три часа я не одолею такой путь...» – опираясь на

Жекину палку и хромая по крайней к Деркулу просеке, которая ведет к железнодорожному мосту, думаю я и умозрительно выстраиваю свой маршрут. Где-то на половине пути будет Святая Криница – родники, бьющие из-под древнего дуба. Об этой Кринице с давних времен ходит в народе красивая легенда о том, как пять сотен лет назад казаки, знавшие за собой большие грехи, чтобы их замолить, ходили в Святую землю. Дошли они до Мамврийского дуба – места, где когда-то Аврааму являлся Господь, чтоб наставлять его на праведный путь. Приобщаясь к Богу, долго молились они у этого дуба, просили прощения за свои злодеяния. А в память о своем паломничестве взяли казаки из-под священного дуба желудь и, вернувшись в родные края, посадили его. И как только пошел в рост сын Мамврийского дуба, забил из-под него источник, вода которого исцеляла как от телесных, так и от душевых хворей. Здесь редко бывает пусто, кто-то с хутора да приедет. «С ними и доберусь...» – утешал я себя надеждой.

Вот он и мост. Его давно никто не охраняет. Небольшая будка-караулка, где когда-то ютились сторожа, разобрана до основания. Ступаю на старый помост – гулко разносятся вокруг мои одинокие шаги. Далеко, в глубь России, уходят ржавые рельсы. Когда-то по ним один за другим с Миллерово на Луганск и обратно шли поезда, до Ольховой ходила местная «Муха»... Сейчас все станции и казармы разъездов на всем протяжении пути разобраны, меж шпал тянется в рост молодой лес. С моста я смотрю вниз, на золотистую гладь воды, отражающей нависший над нею лес; тяжелые облака упрямо плывут против течения. В чистой, просматривающейся до дна воде видны косяки рыб. Мелкая труха с помоста падает в воду, и к ней, ожидая добычу, метнулась стая небольших голавлей. Поняв обман, неспешно отходят в сторону. Остановившись и перегнувшись через перила, некоторое время наблюдаю за ними. Вдруг граната выскальзывает из моего кармана. Я пытаюсь ее поймать, но успеваю лишь коснуться кончиками пальцев. Глухо булькнув, она, распугав рыбьи косяки, уходит под воду. Когда расплылись круги, я некоторое время вижу ее, лежащую на дне, но скоро ее заносит плывущим песком.

– Как пришла, так и ушла... – жекиными словами говорю я и перестаю жалеть о потере.

Тихо, только ветер подвывает в железных проемах, да где-то далеко, у станции Ольховой, гудят чужие танки.

У Криницы, чуть выше дуба, застряла в сыпучих песках «копейка». Несколько подвыпивших мужиков, браня друг друга последними словами, пытались вытолкать ее на дорогу.

– Ну и какая... сюда заехала?..

– Ты ж..., сам сюда направлял!..

– За рулем должен был сидеть я...

«Это не наши – митякинцы...» – догадываюсь я и, склонившись к роднику, долго пью холодную, настоянную на дубовых корнях воду.

– Мужик, помоги толкнуть... – окликают меня.

У меня нет сил даже поднять к ним голову.

– Не цепляйся к нему. Видишь – контуженный... Сами выпхаем...

С ревом машина выкарабкалась из песков на прочную дорогу, проурчала за соснами, и скоро стало необычайно тихо. Обессиленный, прислоняюсь к комлю дуба, закрываю глаза. Сон уже смаривает меня, и я ясно вижу операционную, Людку, стоящую у окна, хирурга Максимыча, склонившегося у рукомойника, и Кудина с его мертвым восковым лицом. Вздрагиваю всем телом, морщусь от возвращающейся боли в колене и долго не могу сообразить, кто я и зачем здесь. Посторонние голоса возвращают меня в сознание. Я вижу, как по лесной тропинке от хутора Маноцкого идут со своими бидончиками высокий худощавый старик и маленькая полная старушонка. Прежде чем склониться к роднику, старуха поклонилась иконе Параскевы Пятницы, пропела: «Великомученица Параскева, моли Бога о нас».

Затем несколько раз спешно перекрестилась и поклонилась стоящему у дуба кресту, мотнув головой, туже завязала косынку, чтоб та не спадала ей на глаза. Ее старик, подойдя ко мне и склоняя на бок голову, некоторое время с любопытством рассматривал меня.

– Откуда? – по-хозяйски строго спросил он.

– Оттуда... – улыбнувшись, киваю в сторону Украины.

– А документ какой есть?

– А ты, дед, начальник таможни?

– Начальников без меня хватает... – смутившись, произнес он. – Время видишь, какое...

– Нет, дед, документа, – спалил ты меня...

– Плохо... – вздохнул старик, и было непонятно – плохо, что нет документа, или то, что я «спалился» на этом.

– Отчего ж плохо?

– «Без бумажки ты какашка, лишь с бумажкой – человек», – продекламировал он старую истину. – Беженец?

– Беженец, – не стал отрицать я.

– Наши вчерась тоже прибегли. Дочка с зятем... – делится старик своими бедами. – Детей похватали и в чем были – сюда... Бросили в станице и дом, и все нажитое... Все прахом пойдет... Мосты через Деркул блоками завалили, – машину на той стороне бросили... Как думаешь, заберут машину?..

Я не ответил.

– Заберут... – махнул рукою старик. – Наживали-наживали и все прахом...

– Ехали б на Луганск, – туда ближе... – говорю я. – Вчера проезд был свободен.

– Ближчее, чтоб дальшим не стало... – с назиданием произносит старик. – Кто знает, какая там власть седни в Луганске том... Призовут на войну зятя, а там и убить могут...

– Могут... – соглашаюсь я. – На то и война...

– Как думаешь, не удержут Луганск? – спросил старик и, не дожидаясь моих слов, сам ответил на свой вопрос: – Не удержут. Кому там держать...

Тут же, уже осуждая невесть кого, добавил:

– Драпают кто куда...

Я промолчал.

– Хватит языком лязгать!.. – набрав воду, строго сказала старуха. – Пошли! – приказала она.

Не прощаясь, старик послушно засеменил к ней.

– Ты что ему докладаешь?..

– Да я разве чего сказал?.. – оправдывается старик.

– Лязгаешь языком... Ты знаешь его?.. Можа он... – слышу отдаляющийся голос старухи, и уже не могу разобрать слов старика.

День катился к закату. За высокими деревьями Маноцкой левады уже не видать предвечернего солнца. Какой-то безумный сон все больше овладевал моими мыслями, моим ослабевшим сознанием. Бескровное прозрачно-восковое лицо Кудина неотступно смотрит на меня его слепыми глазами, и мне некуда укрыться от этого мертвого взгляда. На какой-то миг я вижу себя с поднебесной высоты, жалкого, беспомощного, одинокого и совершенно потерянного в этом бескрайнем пространстве. Очнулся от возвратившейся боли в ноге.

«Наверное, три часа уж прошло...» Я открываю глаза и вижу позолоченные последними лучами заходящего солнца облака, и под этими облаками, как и прежде, кружит и кружит надо мной коршун.

«Это моя душа смотрит с высот Царствия Небесного на Кудина, на меня, на этот лес и на эти пески...» – неожиданно догадался я и вновь на время забылся.

Всеми своими силами я прогоняю этот навязчивый кошмарный сон. Вслушиваюсь в окружающий меня мир, в его удивительные, словно доселе не слышанные мной звуки. Чуть слышно перешептываются, побулькивают святые источники: справа – Параскевы Пятницы и слева – Иоанна Предтечи. На песчаных буграх тихо шумит темнеющий сосновый бор. В низине густой зеленью угрюмо чернеет ольховая роща. В кроне дуба робко пискнула вечерняя птица. Потом осмелела и уже уверенно и неспешно выдала с хрипотцой: «Чер-чир, чер-чир...»

«Горихвостка», – угадал я.

«Дюти-фри, дюти-фри...» – в мрачнеющей роще прокричал дрозд. «Чай-пить, чай-пить...» – отозвался ему другой. На далеких озерах жалобно, словно прощаясь, прокричал в вечереющем небе чибис.

Все как всегда, как в обыденной жизни, и только вдали, где-то под станицей Луганской, как торжество человеческой немощи, не уставая, били и били орудия. ■

Архив Виктора Озерского

ВИКТОР ОЗЕРСКИЙ

Родился в 1956 году на Кубани. В 1978 году окончил филфак КубГУ. С середины 80-х начал печататься в местных и региональных СМИ. Автор книг «Перед концом света», «Правители России от Рюрика до Путина», «Статс-секретарь Н. В. Гулькевич». Лауреат литературных конкурсов. Живёт в городе Гулькевичи.

МЁРТВАЯ ПЕТЛЯ ТКАЧЁВА

Историческая повесть (продолжение)

1. ЖЕНСКИЕ ЧАРЫ

Владик не сдержал данное Ткачеву обещание – не стал летчиком. Справедливости ради следует признать, что он готовился поступать в Краснодарское летное училище, но, как заметила после «Последнего звонка» мудрая бабушка Вера: «Это Ленка ему все памороки отбила».

Бабушка приехала из станицы к внуку на праздники и, увидев огромные с серо-голубой поволокой глаза девушки, сразу все поняла. Когда Ленка прикрывала их и томным взглядом из-под длинных пушистых ресниц отлавливала очередную особь мужественной половины человечества, та, как правило, с видом безвольного лягушонка становилась послушной под воздействием ее пленительного гипноза.

До девятого класса Владик ничего подобного не чувствовал, пока она как-то на перемене перед «географией» не ударила Мишку указкой. Девчонки возле доски на карте СССР искали Братскую ГЭС. Мишка стал насмехаться: «Эх, вы, двоечницы несчастные, – не там ищете», – растолкал их, чтобы самому протиснуться к доске. Ну, Ленка и шлепнула ему по голове. Владик попытался было отвлечь ее внимание – дернул за бант. Она же в ответ – нет, не ударила – повернулась к нему и резко спросила: «Что? И ты хочешь получить!?» – ехидно прищурила свои глаза с длиннющими ресницами, улыбнулась как-то непонятно, отчего Владика вдруг передернуло, словно током пронзило. В груди запылало, лицо стало красным. Получилось, Ленка своим загадочным взглядом шибанула больнее, чем указкой по голове.

На бабушку Веру, естественно, гипноз не подействовал. Но она сопоставила факты. Ее станица находилась в межгорье, в долине, куда три месяца назад, в конце февраля, в гости пожаловал Владик. С одной стороны, ничего особенного: по бабушке соскучился – решил проведать. Но он заявился в середине недели, и на следующий день нужно было вставать в четыре утра, чтобы вернуться в город к первому уроку.

Время наступило послеполдниковое. Летом в пионерском лагере успели бы уже печеньем с компотом накормить, и у все понимающей бабушки молниеносно собрались зашкварчать на сковороде котлеты. Однако Владик хоть и был голоден, но дожидаться их не стал; схватил со стола два хрустящих, аппетитно промасленных пирожка с капустой и, на ходу предупредив: «Я скоро буду!», заторопился в лес.

– Владя, зачем? Что ты опять выдумал? – крикнула ему вдогонку бабушка. – Там дождь собирается.

Зачем, зачем... Не объяснять же ей, что у Ленки завтра – день рождения.

Стало накрапывать. Тропинка потянулась вверх. Пройдя немного, Владик свернул с нее и продрался сквозь голые ветки молодого орешника на поляну. «Поляну», конечно, громко сказано – на небольшую многоступенчатую залысину среди деревьев с рассыпанными в беспорядке валунами и прибитой к земле прошлогодней листвой, через которую кое-где пробивались изумрудно-бордовые лепешечки с лиловыми огоньками лепестков. Их-то он и искал.

Пару дней назад Владик увидел возле центрального входа на Колхозный рынок щуплую пожилую женщину, продававшую букетики фиалок. В разговоре выяснилось, что цветы она рвала недалеко от тех мест, где живет бабушка.

Решив завтра с утра преподнести Ленке сюрприз, он после уроков отправился на рынок. Однако ни старушка, ни фиалки его уже не ждали,

поэтому, быстро сообразив, что надо делать, Владик успел до отправления автобуса забежать домой, написал записку и уехал в станицу.

Дождь усилился. Лепестки фиалок плотно прижимались друг к другу, пряча тычинки и пестики от попадания влаги. Но собранные в пучок короткие стебли с сочными круглыми листиками стоили того, чтобы не побояться промокнуть, и Владик с настырностью Сизифа лез и лез в гору, выискивая среди деревьев новые залысины, и в погоне за очередным цветком с упоением разгребал склизко-бурый наст. Думал ли он тогда, что Ленка оценит его потуги лишь избито-дежурным «спасибо» и лукаво прищурит глазищи, от взгляда которых лучше исчезнуть или провалиться куда-нибудь в тартарары. Но это будет завтра, а пока, собрав букет, который с трудом сжимался в кулаке, Владик, довольный результатом, стал спускаться вниз.

Промокшая через пиджак рубашка прилипла к спине, в кедах носки хоть выжимай, а ему все нипочем. В груди беспокойно-щекочуще трепетало. Словно какие-то неведомые легкокрылые мотыльки будоражили душу. В лесу пахло прошлогодней прелью и ароматной свежестью зарождавшейся весны. Хотелось дурачиться, невесть куда бежать.

И он побежал. Вприпрыжку. Не разбирая дороги... А зря. Голые ветки пытались поцарапать лицо; кеды, с хрустом ломая полусгнивший валежник, скользили по влажным листьям. В какой-то миг Владик потерял равновесие, не удержался и опрокинулся навзничь... Искры в глазах, шум в ушах и темная завеса...

Сколько так пролежал, он не знал. Очнулся от резкой боли в затылке. В глазах рябило. Из желудка к горлу лез тошнотворно-колючий комок кашицы от недавно съеденных пирожков. Парнишка попытался подняться. Вокруг поплыли деревья. Земля под ногами закружилась каруселью. Открылась рвота.

Заторможенный, Владик с грехом пополам добрался до станицы, но по пути к дому, чтобы не появилось нежелательных вопросов, догадался спрятать возле автобусной остановки цветы, лишь после чего оказался в плену заботливых бабушкиных ухаживаний и ее ворчливых укоров.

– Говорила же тебе, говорила! А все, как об стенку горохом! Зачем по дождю в лес поперся? – распекала она внука, прикладывая ему на затылок холодный мокрый платок и, не дожидаясь ответа, скомандовала. – На, выпей цитрамон и марш в постель!

Недели через три всех допризывников, поступавших в военные училища, вызвали на медицинскую комиссию.

– Ну-с, молодой человек, летать собираетесь? – добродушно поинтересовался сдобный, как румяная пампушка, старичок в белом халате, держа в пухлых ладошках «Личное дело» Прибыткова.

– Так точно!

– На что жалуетесь?

– Жалоб не имею! – четко, по-военному старался чеканить Владик.

– Ушибы, сотрясения были?

– Ннн-никак нет!

– Заикаться стали! Почему, мил человек? – уловив фальшивую нотку, мгновенно отреагировал доктор. Он снял очки и, прищурив глаза, скомандовал. – А ну-ка, руки в стороны, и покружись с десяток раз! Та-ак, так, хорошо! Восемь, девять... стоп! Теперь лицом к окну и вперед шагом марш!

После исполнения «пьяной» походки Владику с мечтой летать пришлось расстаться, потому что он, как объяснил сердобольный доктор, сразу с кресла Барани «соскочит» из училища. Но, к удивлению окружающих, парня это не сильно огорчило. Уже три года прошло со смерти Ткачева, авторитетное влияние которого, прежде подпитывавшее воображение и желание Владика стать летчиком, на фоне новых ярких впечатлений потускнело, а Ленка готовилась поступать на журфак ростовского университета, и юный Прибытков тоже засобирался в журналисты...

***

...После Рождества она пропала. «Как мимолетное виденье...» – рассеянно пробормотал себе в усы хорунжий Ткачев.

Праздники закончились. Надо впрягаться в работу. От сестры Елены пришла рождественская поздравительная открытка. С опозданием. И это немудрено. Перевалы заносило снегом, а Сарыкамыш у черта на куличках: приткнулся в шестидесяти верстах от Карса по эрзурумской дороге, у начала подъема на Саганлугский хребет. Впереди, на границе с турками, только пограничные заставы и горные позиции сторожевых отрядов. Здесь, в их тылу, казармы частей быстрого реагирования, военные склады, арсеналы с оружием; проходят маневры, обучение рядового состава и находится штаб-квартира Елисаветпольского полка. Сюда со всех близлежащих гарнизонов съезжаются по праздникам в недавно построенную церковь офицеры со своими женами. А он, растяпа, даже не поинтересовался, где искать свое «виденье».

– Зачем тебе это? Она ведь замужем! – пытается распекать себя хорунжий, глядя через окно казармы на заснеженный купол церкви, пока казаки зубрят новый устав. Но, словно в самооправдание, снова мысленно, горлом, начинает бормотать стихи: «В глуши, во мраке заточенья тянулись тихо дни мои без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви».

Его никто не слышит из-за гундежа в казарме. Так казакам удобнее запоминать устав. Ткачев отвернулся от окна, посмотрел поверх бритых голов и подумал: «Хорошо, хоть удосужился имя спросить – Надя. Как и жена Нестерова. Петр обычно зовет ее Надина или Дина. Я тоже буду так звать».

Они увидятся в конце марта на железнодорожном вокзале в Карсе. Там шла выгрузка 5-й батареи, прибывшей для войсковых стрельб из Кинакир. Командовал выгрузкой Надин муж, сотник Яновский. В ожидании экипажа на Сарыкамыш она прогуливалась под руку с какой-то женщиной по перрону. Увидев Вячеслава, приветливо помахала ему, как старому знакомому, белым кружевным платочком.

Дальше все пошло по Пушкину:

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты...

Почему бы и нет? Неукротимый дух великого поэта витал в этих краях. Здешние тропы, которые копытами своего коня на пути в Эрзурум почти сто лет назад топтал Александр Сергеевич, казалось, еще хранили отзвуки его романтических стихов. Но, в отличие от любвеобильного Пушкина, Вячеславу нужна была только Надежда. Надя. Надина. Дина...

Контрольные стрельбы она, естественно, не посещала, а Ткачев кожей чувствовал близкое присутствие этой женщины. Хотелось, чтобы ей обязательно кто-либо передал о его успехах. Он торопил события, в спешке будто сам пытался вылезти из своей кожи, а потом не заметил, как открылось второе дыхание. И все получилось.

Согласно приказу по артиллерии армейского корпуса хорунжий Ткачев числился в учебной команде при 2-й Кубанской казачьей батарее. На вооружении здесь стояли еще допотопные орудия с клиновыми затворами времен Александра Второго, поэтому ему, младшему офицеру, приходилось не только обучать рядовых казаков, но и знакомить старших офицеров с новым скорострельным оружием, более сильным и грозным. Наши конструкторы создали его к концу девятнадцатого века. В войска модернизированные пушки пошли перед отправкой на русско-японский фронт. На Кавказ они стали поступать после провальной дальневосточной кампании, и артиллеристы пока не имели опыта, как ими управлять, а Ткачев, еще учась в Константиновском, все нормативы сдавал на «отлично».

При стрельбе старенькие «клинуши» откатывались назад на несколько метров, орудийные расчеты гонялись за ними, чтобы вернуть на прежнее место, поэтому каждый раз заново приходилось производить наводку. Командир батареи войсковой старшина Филимонов,

окончивший то же училище, что и Ткачев, только за год до смерти царя-освободителя и на последних стрельбах получивший выволочку от бригадного начальства за слабую подготовку личного состава, обрадовался молодому специалисту.

– Что ж вы, Федор Петрович, казачков своих не бережете? – выговаривал Филимонову инспектировавший прежде 2-ю батарею полковник, который недавно вернулся с Дальнего Востока. – Ставите свои пушки на виду у «неприятеля» под расстрел его снарядов. Ведь вы уже получили безоткатные орудия, а не проверили их в деле. Знаете, сколько на фронте зазря полегло русских солдатушек из-за этой глупости? Япошки сметали наши расчеты, как токующих куропаток на поляне. Уже к тому времени были разработаны новые уставы, способы стрельбы с закрытых позиций, а отцы-командиры, не считаясь с потерями, действовали по старинке. Мол, Россия-матушка огромная. Баб много. Если надо, новых вояк нарожают.

Филимонов, пунцовый от стыда, пытался оправдываться. Но лучше бы он молчал, так как чем дольше говорил, тем больше путался в своих объяснениях, сильнее багровел и чуть не выдернул пучок волос из своих усов.

– Негоже, батенька, негоже так готовить команду, – неодобрительно резюмировал инспектор. – Для усиления пришлем вам квалифицированное подкрепление. Вы уж, будьте добры, постарайтесь впредь.

Ткачев успешно справился с поставленной ему задачей. На последних войсковых стрельбах сам командир корпуса генерал от артиллерии Яцкевич обратил внимание на слаженные действия казаков 2-й батареи и объявил благодарность войсковому старшине Филимонову.

А вот пятая подкачала – работала по старинке. Показательные маневры артиллерийских расчетов – в шесть коней цугом – она выполнила лихо. Аллюром промчались тяжелые упряжки, описывая причудливые зигзаги между вбитых в землю колышков. Когда же начались стрельбы, все их пушки оказались под прицелом «неприятеля», в то время как вторая батарея умело использовала ландшафт местности, ведя бой с закрытых позиций. Корректировщики огня устроились впереди, на холме, и по телефону передавали необходимые координаты.

– Браво, ребятушки! – наблюдая с командного пункта за прицельной стрельбой своих подчиненных, приговаривал войсковой старшина и довольный, словно только что вылакал глэчик парного молока, оглаживал слегка испачканные сединой смоляные усы.

Правда, после недавнего дождя из-за плохой изоляции кабеля у одного из расчетов умолк телефон. Пока поломку устраняли, пришлось организовать сигнализацию флажками, что несколько замедлило стрельбу. Но эта неприятная мелочь не подпортила настроение командиру батареи. Его бравые казаки поразили указанные цели раньше назначенных сроков.

Где-то высоко в небесной дымке парил орел, ловя восходящие потоки теплого воздуха. Солнце еще застряло в зените, а артиллерийские повозки второй батареи, разбрызгивая весеннюю грязь, уже возвращались с полигона. Филимонов подскакал на тонконогой кобыле к одному из расчетов, где находился Ткачев, взял лошадь под уздцы и одобрительно произнес:

– Молодец, хорунжий! Я доложил генералу, что наш успех во многом был обеспечен благодаря твоим стараниям.

– Хорошо, что сигнальщики не подвели, господин войсковой старшина, а то бы все дело запороли, – устало проговорил молодой офицер, снял папаху и рукавом черкески смахнул со лба пот.

– Вот, чертяка глазастый, выследил кого-то, – восторженно воскликнул неподалеку ездовой казак и плеткой указал на рухнувшего с неба орла.

– Да, с высоты все видно, – согласился с ездовым сигнальщик, слышавший разговор начальства и, памятуя о трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться, громко договорил. –

Нам бы оттуда передавать координаты.

По окончании стрельб приказом по корпусу было предписано командировать хорунжего Ткачева с 10 августа на полгода в Кинакиры в учебную команду пятой батареи для занятий артиллерийской подготовкой с нижними чинами.

Последнюю фразу сигнальщика Вячеслав не забыл. Она возродила в мыслях парящий в нижегородском небе аэростат «Генерал Ванновский» и их детские с Петей Нестеровым мечты увидеть землю с птичьего полета. В армянской глуши он будет скрупулезно выискивать и переписывать из доставлявшихся с большим опозданием столичных газет заметки о первых успехах авиации.

Но, главное, в Кинакирах живет Надя.

2. «В ДЕНЬ УНЫНИЯ СМИРИСЬ...»

Пришло письмо от Лены.

«Славочка, как жаль, что ты далеко от нас и мы редко видимся, – писала сестра. – Но я до сих пор берегу твои детские подарки: вылепленную из глины лошадку и деревянные дрожки. Они как настоящие – хоть сейчас в упряжку!

Ты всегда очень любил мастерить, вырезать. Правда, папе не нравились эти увлечения, и, когда он видел тебя за работой, кривился в лице и с досадой говорил (помнишь?): "Славка у меня «шпак»! А вот Вася – это будущий вояка. Для него лошади – все!"

Сейчас он уже "не кривится", гордится вами, а мы с мамой молимся, чтобы вы, драгоценные наши кавалеристы, были живы и здоровы».

«Ох уж эти женщины! – с грустью в глазах нахмурил брови и едва заметно, в усы, улыбнулся своим мыслям Ткачев. – Сколько раз повторять им: не кавалерист я, а конный артиллерист».

Читая, он живо представлял, как Лена пишет письмо, а мама, милая мамочка, обязательно что-либо подшивает или лепит вареники и активно подключается к процессу:

– Узнай, что он там кушает. Получил ли посылку, которую мы неделю как отправили с окорочком и вяленой рыбкой?

После первого года службы хорунжему оплачиваемый отпуск не полагался. Просить у родителей деньги на дорогу было стыдно, хотя отец, все понимая, предлагал. Но Вячеслав, сославшись на занятость, от помощи отказался. А какая летом занятость в гарнизоне?

– Жизнь здесь течет спокойно и сонно, – подумал он, – как воды степной реки в пору мелководья. – Подумал и, снова улыбнувшись, похвалил себя. – Молодец! Хорошо закрутил. Надо запомнить. Может, когда-нибудь напишу об этом.

Читать и писать его научила Лена, вернувшаяся по окончании Патриотического института из Петербурга к родителям в Келермесскую. У нее в девичьей у окна стояла парта, за которой обучалась восьмилетняя Нюра, а маменькин Мизинчик (Славик был пятым ребенком в семье), в одиночестве игравшим в саду, часто забегал в комнату и за спиной у сестры с интересом наблюдал, чем она там занимается. Однажды, когда Нюра затруднилась прочитать слово, он подсказал ей. С того дня его усадили за парту рядом с сестрой.

Когда в гости приехала племянница отца Маша Гейман, Лена открыла в «Родном слове» страничку с рассказом о слепом нищем, где описывались его душевные боли из-за бессердечного равнодушия прохожих, и попросила:

– А ну-ка, Славочка, покажи Мане, как ты умеешь читать.

Уверенно отчеканив первые строчки, пока не дошел до того места, где нищий стал тереть ладонями мокрые от слез щеки, Славик вдруг замолчал и захлюпал носом. Спазм сдавил ему горло. Маня, естественно, заметила это и расхохоталась. Боясь в ее присутствии разрыдаться, он выбежал из комнаты в сад и уже оттуда через открытое окно услышал возмущенный голос Лены:

– Зачем ты так больно обидела мальчика?! Надругалась над святым чувством сострадания!

– Может, ты и права, – ответила Маня. – Но подумай сама, каким же слюнтяем ты хочешь воспитать казака.

...Ткачев сидел в офицерской читальне, куда он заглянул, чтобы полистать подшивки столичных газет. Летом учебные занятия с нижними чинами не проводились, свободного от службы времени было предостаточно. В ожидании августовской командировки в Кинакиры из-за боязни, как бы ненароком не завыть от тоски, он решил заняться самообразованием, регулярно, в свободное от службы время и когда позволяла погода, с томиком Пушкина совершал конные прогулки в горы.

Сосны на склонах, прилегающих к сарыкамышскому ущелью, уступали по своей пышности северным красавицам. Да и жиденькая травка не имела ничего общего с сочным ковром, в котором, блаженно утопая, Ткачев обычно отдыхал после очередных стрельб на летних учениях под Петербургом. Где-то высоко вверху поскрипывали тогда могучие ветки, пьянившие воздух смолистым запахом, а юнкера навзничь валялись на голой земле, мечтали поскорее расквитаться с училищем и разъехаться по гарнизонам.

Как тут опять не вспомнишь поэта:

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

До поездки в Кинакиры было еще около месяца. За окном солнце спряталось в дымке облаков, которые медленно заволакивали небо и оставляли надежду на спасение от палящего зноя. Несколько дней подряд они обещали разразиться дождем, но обманывали ожидания, уходя к перевалу. В читальне тоже было душно и безлюдно. Желающих просвещаться, когда от жары плавились мозги, ни в полку, ни в батарее больше не нашлось. Лишь пара тупоглазых мух настырно кружила над головой, стараясь впиться в потные руки и шею, ловко увертываясь от пытавшегося расправиться с ними человека.

– Вам что, в конюшне навозу мало? – в сердцах воскликнул хорунжий, когда, изловчившись, на лету поймал одну из них и с силой пригвоздил ее к полу.

В углу стола лежал томик Пушкина. Ткачев свернул письмо, положил его вместо закладки в книгу и принялся перелистывать прошлогоднюю подшивку «Русского слова». Занятие поначалу не трудное, но быстро утомляющее своим однообразием. Он попытался воодушевить себя, представив, что промывает песок в поисках крупинок золота, но страницы пестрели криминальной хроникой, собраниями по выборам в Государственную Думу, судами над бунтовщиками, восторженным ажиотажем на Западе вокруг нового романа М. Горького о революционерах. Правда, в апреле этот пыл несколько остудило переданное из Нью-Йорка сообщение по «Дейли Телеграф», что «популярность писателя также быстро пала, как и поднялась. Частные дома, общественные собрания и гостиницы закрыли ему свои двери, когда узнали, что сопровождающая его дама – не законная жена его, а русская актриса Андреева. Полагают, что Андреева будет выслана из Америки за то, что проникла туда под чужим именем».

Газету переполняли известия о готовящихся погромах, о панике, охватившей население; о повальном бегстве из городов евреев, пугавшихся черносотенных расправ, и о прочих «отрыжках», оставленных революционными событиями девятьсот пятого года.

Молодого хорунжего политика не интересовала. Лишь один раз он взялся за карандаш сделать для себя выписки, когда прочитал сообщение об удачном полете графа Цеппелина на дирижабле, на борту которого одиннадцать человек за 2 часа 17 минут пролетели 110 километров.

«Всюду в Германии, – записал Ткачев, – ему устраиваются грандиозные встречи. Его появление возвещают звоном церковных колоколов, каждому спуску салютуют, и, кроме всего этого,

за ним наблюдает многочисленное око толпы с затаенной завистью и национальной гордостью, следящей за его полетами».

Года два назад в Константиновском училище юнкера зубоскалили над чудачествами и экспериментами отставного немецкого генерала, который «просаживал» семейные средства на сомнительные авантюры. А как было иначе? Даже кайзер Вильгельм назвал его самым тупым из всех южных немцев.

Теперь оказалось, что это вовсе не авантюры, а реализованная мечта настойчивого человека.

В гражданскую войну между Севером и Югом Фердинанду фон Цеппелину посчастливилось побывать в Соединенных Штатах, где он впервые поднялся на воздушном шаре и «заболел» небом. В франко-прусскую кампанию немецкий офицер, благодаря наработанному в Америке опыту, прославился как смелый разведчик, с воздуха наблюдая за позициями и действиями противника, после чего всерьез увлекся конструированием летательных аппаратов с возможностью использования их в военных целях.

– Выходит, зря подшучивали юнкера над «рожденным ползать» после неудачных испытаний пожилого графа, – подумал Ткачев, положив карандаш на стол. – Но в нашем случае стометровая «сигара» хоть и может проводить рекогносцировку местности, но будет выглядеть как слон в посудной лавке и станет легкой добычей для вражеской артиллерии... Не-ет, здесь нужно что-либо покомпактнее.

Размышляя, он не заметил, как в углу, под иконой Николая Чудотворца, в предсмертной агонии забилась в паутине муха и как за окном сгустились тучи. Лишь резкий порыв ветра и оглушительный треск, шрапнелью пронесшийся по небу, отвлекли его внимание от Цеппелина.

Крупные капли забарабанили и быстро вылились в сплошной поток, стекающий по стеклам. Через несколько секунд с шумом распахнулась дверь в читальню. В проеме возник, видимо, промокший насквозь подпоручик Садовников, под ногами которого мгновенно образовалась лужица. Он уперся руками в дверную раму, словно готовился к прыжку, но не прыгнул, лишь пьяно осклабился:

– А, хорунжий, ты опять тут! Я так и знал: и к бабке не ходи!

Подпоручик недавно вернулся из Амурского военного округа, куда переводился после наделавшей шуму любовной интриги с супругой ротного командира и в надежде жениться на ней, не имея реверсного обеспечения. Однако затея не удалась. Любовница не захотела «губить свою молодость» в какой-то тьмутараканской глуши, да и разрешение на брак Садовников не получил: начальство посчитало непристойным для офицера скреплять союз с женщиной, взявшей при разводе вину на себя.

– И я нынче решил немножко попросвещаться. Ха-ха. Полистаю тифлисские газетенки. Там моя Софи в театре играет. Может, что-нибудь и про нее прописали? – не дожидаясь ответа, сказал подпоручик.

Говоря о своей любовнице, он уже не смотрел на Ткачева. Его замутненный взгляд переместился вверх, к иконе, под которой паук, видно, успевший впрыснуть яд и пищеварительный сок в бездыханную муху, дожидался, пока содержимое жертвы ни превратится в жидкую кашицу. Но и паук со своей добычей Садовникова не интересовали. Мыслями он был где-то далеко-далеко.

– Скучаю по ней, брат! Сильно скучаю! В Тифлис хочу...

– Надя тоже так говорила, – вспомнил Ткачев, услышав последние слова подпоручика.

В конце марта перед службой в церкви Вячеслав протиснулся в толпе, чтобы оказаться к ней поближе. Надя тихо шепталась с женой подъесаула, сетуя на унылые будни при гарнизоне и еще более унылые вечера при вечно пьяном муже. Вот тогда-то она в сердцах и выдохнула:

– К родителям в Тифлис хочу!

– Сейчас Надя, вероятнее всего, в Кинакирах. Скорей бы отправиться туда, – подумал

Ткачев, но о своем желании говорить пьяному страдальцу не посчитал нужным.

За окном все стихло. Внезапно начавшийся ливень прекратился. Паук терпеливо выжидал своего часа. Подпоручик Садовников молча закрыл за собой дверь и скрылся так же внезапно, как и возник в проеме. А хорунжий, наконец, заметив, куда подевалась вторая муха, подошел к иконе, смахнул паутину, посмотрел в глаза Святителю и перекрестился. Строгий и вместе с тем милующий взгляд Чудотворца возбуждал к молитве.

– Отец милостивый, утешитель скорби, – начал бормотать Ткачев. – Помоги со слабостью моей справиться – не впасть в тяжкий грех уныния. Научи жизни радоваться в любую минуту. Дай веры в милосердие Господне и Твое заступничество не терять. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

3. ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

В Кинакирах на душе легче не стало. Скорее, наоборот. Там, в Сарыкамыше, за десятки верст от Нади тоска наваливалась волнами, однако понимание невозможности желанной встречи несколько притупляло горячность желания.

– Надо же, втюрился, как мальчишка! Займись делом! – ругал себя Ткачев, пытаясь отвлечься от навязчивых мыслей, и тут же, словно чертики из табакерки: «Где она сейчас? Чем занимается? Как ей одной с пьяным мужем?»

Избавиться от возникавших внутри себя разногласий никак не получалось. Попытки противостоять им только изматывали, опустошали душу. Умом он понимал, что это ненормально, но изменить ничего не мог.

Ткачев изучил время и маршруты, по которым Надя обычно следовала в лавку или прогуливалась с женой подъесаула. Старался попасться ей на глаза, чтобы кивком головы засвидетельствовать свое почтение или сделать вид, что оказался рядом совершенно случайно.

Надя, конечно, догадывалась обо всем, но уловку первой озвучила ее старшая подруга Клавдия Потаповна, когда они, удачно сторговавшись с аборигенами, несли в полных корзинках отборные гранаты и яблоки.

– Что вы, хорунжий, за нами как на службу ходите! – при встрече воскликнула она. – Или вам кто-то приказал контролировать нашу непорочность?

Сузив до щелочек замаскировавшиеся над пухлыми щеками маленькие глазки, подъесаулша прыснула ядовитым смешком.

– Клавдия Потаповна, ну, право слово, как так можно? – занервничала Надя. Ее щеки, как и щеки Ткачева, налились гранатовым соком.

В это время мимо них проскакал вестовой казак. Он промчался так близко, что подъесаулша, от неожиданности ойкнув, отскочила в сторону, и из ее корзинки посыпались на землю фрукты. Ткачев бросился собирать их. Он в спешке хватал по несколько штук, отчего фрукты выпадали из рук и снова откатывались на землю.

Заметив его неловкость, Клавдия Потаповна будто помогла спасательной лестью быстрей корзинку наполнить: она загадочно улыбнулась и, как бы между прочим, обращаясь к спутнице, обронила:

– Простите меня, Наденька, я была не права. Хорунжий никакой не шпик. Он, видно, благородный человек.

А когда Ткачев управился с работой, женщина в знак благодарности вручила ему огромный пунцовый гранат и пошутила: «Знаете, он вам к лицу», отчего офицер вновь залился краской.

Надя постаралась сгладить вновь возникшую неловкость и поспешила сменить тему разговора. Она выбрала из своей корзинки самое большое яблоко, протянула его мужчине и сказала:

– Вячеслав, гранаты еще не дозрели, с кислинкой. Возьмите лучше это! Возьмите, не стесняйтесь! Яблоки в здешних местах удивительные – вкус просто райский!

Но хорунжий, видимо, чувствуя уязвимость своей диспозиции, оказался не расположен к дальнейшему разговору. Он поблагодарил жен-

щин за угощение и в спешке ретировался в сторону офицерской гостиницы. И был прав, потому что после Надиных слов в голове острой на язык Клавдии Потаповны разыгралось воображение. Она была немного раздосадована быстрым уходом главного героя, в которого еще собиралась выпустить стрелы, но ей ничего не оставалось более, как лишь поделиться с подругой своей шуткой:

– Замечательно, Наденька, вы сказали про нашу глухомань. И особенно про райские яблоки. Вы просто прелесть какая искусительница! А к хорунжему, поверьте моему опыту, действительно надо присмотреться повнимательнее.

Утопавшие во фруктовых садах Кинакиры раскинулись в шести верстах от Эривани среди пустынных земель, усыпанных обломками базальта. Здесь еще сотни лет тому назад протоптали дорогу пытливые пилигримы в поисках хотя бы бревнышка из ковчега легендарного Ноя, чтобы доказать реальность библейских сказаний. Из этих мест в ясную погоду можно было любоваться белоснежным куполом величественного Арарата, из кратера которого докатывалась сюда магматическая лава.

Клавдия Потаповна, мягко говоря, привирала, назвав нынешние Кинакиры глухоманью. С ней можно было согласиться, если бы она жила здесь четверть века назад, когда в этих краях хозяйничали многочисленные шайки контрабандистов и персидских разбойников, грабивших местное население. Для борьбы с ними и укрепления южной границы в Эриванскую губернию в 1882 году перевели Первый Полтавский казачий полк. Одну сотню определили на постой в Кинакирах. Рядовому составу установили палатки, а офицеры квартировали в армянских плоскокрыших домах, в которых, помимо хозяев, содержалась и вся принадлежавшая им живность. Со временем в селение был переведен штаб полка, построены каменные казармы, кирпичные и финские домики для семейных офицеров. Прикомандированных и холостых селили в гостинице, правом флигеле добротного П-образного здания офицерского собрания, а в главной части, смотрящей на улицу, располагались гостиная с танцевальным залом, библиотека, буфетная, комнаты для бильярда и карточных игр. В противоположном флигеле разместилась кухня с офицерской столовой.

К моменту приезда Ткачева в верхнем этаже казарменного здания действовала полковая церковь. Рядом с ней на казенные средства возводился храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы.

В общем, условий для цивилизованного проживания здесь имелось предостаточно, да и на службу грех было жаловаться. К ним в пятую батарею, как и в полк, поступали новобранцы только из черноморских станиц, поэтому бешметы, папахи, кубанская «балачка» – все вокруг, словно пуповиной, связывало и напоминало о родных краях.

– Мы вам тут утрусым домашни галушкы и варэнычкы, – грозно «цукали» урядники новобранцев, но «цукали» не зло, а лихо, по-казацки «пидтягувалы» по службе.

Не умели казаки и томиться от безделья. В свободное время, на вечерней заре, обычно выходили на плац в своих мягких на дратвенных подошвах «чувяках», виртуозно фланкировали шашками и нагайками, кувыркались на гимнастических снарядах, залихватски «спивалы» про «варэнычки» или «чернявых дивчин», но за показной манерностью нет-нет да пробивалась в их голосах тоска ввиду дефицита женского пола.

Ти ни лякайся, що босии ниженьки
Вмочиш в холодну росу.
Я ж тебе, вирною, аж до хатиноньки
Сам на руках однесу, –

доносился до Ткачева мужской баритон вечером того дня, когда женщины сделали ему подарки.

Неожиданно в дверь постучали. На пороге стоял каштановолосый армянчонок. Он протянул записку и оставался там, пока в награду не получил денежку за свою услугу.

«Уважаемый Вячеслав! – писала Клавдия Потаповна. – Если Вам понравилось Наденьки-

но яблоко, приходите завтра в полдень ко мне домой. Она будет угощать яблочным пирогом. Уверяю Вас, у нее бесподобная выпечка. Не пожалеете!»

Теплый осенний день добрался до заката. Стояла прекрасная погода. Сентябрь, не желая ссориться с августом, старался постепенно, по-мирному остудить его пыл. На улице царило оживление. Местная детвора подтягивалась к плацу, чтобы поглазеть на забавы казаков. Увидав среди них знакомого мальчонку, который накануне срывал для нее фрукты с деревьев, Клавдия Потаповна попросила передать хорунжему записку и, довольная задумкой, вернулась к себе в комнату.

Подъесаулша все рассчитала: на следующее утро в Пятой конной артиллерийской батарее назначили маневры; следовательно, у Ткачева занятий с личным составом не будет; ее муж с сотником Яновским к обеду не управятся, да и она сама, пригласив хорунжего в гости, в это время срочно отлучится по личным надобностям.

Не желая раньше времени зажигать свечку, Клавдия Потаповна, довольная собой, присела у окна и, приплюснув хитроватые глазенки, пробежалась по тексту Бытия от Моисея.

– Только плодов дерева среди рая, сказал Бог, не ешьте и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть, – похотливо бормотала она, сладко причмокивая губами от удовольствия в связи с организованной для молодых людей встречей. – И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно; ...и взяла плодов его и ела; и дала мужу своему, и он ел...

Ай да Клавдия Потаповна! Доброе у нее было сердце. Любила и умела она устраивать чужое счастье и радоваться ему. Однако не все сразу пошло по ее плану. Наверное, яблоки в пироге потеряли свою силу, потому что были печеными, а то, которым Надя угостила раньше, осталось лежать нетронутым в гостинице на этажерке.

Да, мечта сбылась: он оказался наедине с любимой женщиной. Однако на этой встрече молодые люди повели себя как желторотые воришки, жаждавшие богатства и наслаждений, но, впервые выйдя на совместное дело, они неожиданно стушевались, будто откуда-то сверху или глубоко внутри себя услышали грозные окрики: «Не смейте гневить Бога!»

Когда Клавдия Потаповна вернулась домой, Вячеслав сосредоточенно дожевывал остатки пирога. Обрадовавшись ее приходу, он вдруг подхватился с места, церемонно распрощался с женщинами и срочно удалился – сослался на неотложные дела.

Так любовная история могла окончиться, не начавшись, если бы через неделю на Покров Пресвятой Богородицы в офицерском собрании не произошел один прескверный эпизод. Правда, сам Ткачев не был свидетелем случившегося: на следующий после пирога день у него в верхней челюсти справа полез зуб мудрости, с которым пришлось помучиться с полмесяца.

С утра хорунжий почувствовал заложенность носа и легкий дискомфорт при глотании, который постоянно напоминал о себе, мешая сосредоточиться во время занятий с артиллеристами.

К вечеру боль во рту усилилась. Она отдавала в ухо и шею. Зуб пробивался трудно. Места в уже сформированном ряду ему не хватало. Чтобы выбраться наружу, пришлось теснить соседа и прорезаться, травмируя ткань десны.

Ткачев прополоскал рот водкой и, не раздеваясь, плюхнулся животом на заправленную одеялом постель. Вдавил правую щеку в подушку, попытался уснуть, но резкая боль вытолкнула его с кровати прочь. Мужчина подхватился и начал нервно семенить взад-вперед по комнате, от стоявшего у окна стола до двери и обратно, прикрывая рот ладонью и дуя в нее, чтобы теплый воздух подогревал щеку.

На какое-то время пришло успокоение. Обрадовавшись этому, хорунжий взял с этажерки бутылку «Смирновской» и сделал несколько глотков прямо из горлышка, после чего решил выпитое загрызть яблоком. Но после первого же укуса от боли сжал челюсти, заскрипел зубами и снова стал считать шаги между столом и дверью: «Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре...»

Судорожное хождение по комнате с безуспешными попытками убаюкать теплым дыханием прикрытую ладонью щеку продолжалось, пока далеко за полночь, измученный до предела, он не забылся сном, тяжелым и тревожным...

...Откуда-то из мрака возникла Клавдия Потаповна. «Возьми! Возьми! Откуси!» – приторно-ханжески канючила она, протягивая яблоко хорунжему и, добившись желаемого, заливисто рассмеялась, да так, что затряслись ее пухлые щеки от повизгивания и прихрюкивания.

Неожиданно она исчезла. Появился войсковой старшина и зычно скомандовал: «Построиться!»

Вот уже вся батарея сомкнулась на плацу, а молодому хорунжему не хватило места. Он попытался протиснуться в строй и вытолкнул из шеренги сотника Яновского. Тот в отместку кулаком ему под глаз...

Проснулся Ткачев с флюсом во рту. Щека напухла. Глаз заплыл и стал походить на щелочку, как у Клавдии Потаповны, когда она смеялась.

Дантиста в полковом лазарете не оказалось, а сухопарый фельдшер, который, видно, еще в русско-турецкую спасал наших раненых, посоветовал прикладывать печеный лук к щеке, почаще полоскать рот теплой соленой водой, да ждать, пока гной наружу не прорвется. И на прощанье подбодрил:

– Авось, с Божьей помощью все скоро на поправку пойдет.

Первого октября, на которое по случаю Покрова Богородицы в офицерском собрании был назначен бал, хорунжему и впрямь полегчало. Осталась лишь небольшая припухлость на щеке, но он все равно лишил себя удовольствия от участия в празднике, на следующее утро после которого в батарее только и было разговоров, что сотник Яновский там хватил лишку и буквально обезумел.

Сперва он изрядно переборщил в буфетной и отправился играть в штосс. Там пытался мухлевать, но все равно вдрызг проигрался, даже заложил в банк обручальное кольцо. После чего отправился в танцевальный зал требовать у жены коралловое колье. Получив отказ, хотел силой сорвать его.

Узнав о случившемся, Ткачев несколько дней безрезультатно пытался увидеть Надю, пока наконец не встретился с Клавдией Потаповной, и она рассказала, что пьяный Яновский после бала избил жену и та срочно покинула Кинакиры. Уехала в Тифлис к родителям. ■

Архив Анастасии Ломаевой

АНАСТАСИЯ ЛОМАЕВА

Родилась в селе Успенском Краснодарского края в 2004 году. Студентка 3-го курса факультета журналистики КубГУ. Публикуется впервые. Живёт в Краснодаре.

НЕЗАБУДКИ

Косте – двенадцать. И вообще-то он уже взрослый парень. Он сам ходит в магазин за продуктами, умеет запускать стиральную машину, открывать пакет с молоком так, чтобы не залить все вокруг, свистеть, как папа, засунув пальцы в рот, и даже ездить на велосипеде без рук. Костя предпочитает кеды на платформе, чтобы казаться выше, и серебряную цепочку на шее, опять же как у папы. Темные волосы постоянно взъерошены, потому что это делает его более стильным, по этой же причине носит рюкзак только на одном плече. Костя коллекционирует пачки от чипсов с разными вкусами, но об этом никому никогда не скажет, потому что «настоящие мужчины едят только мясо». Мальчик пишет стихи и уверен, что в будущем станет великим поэтом. Его любимое творение почему-то не понравилось родителям, но что они вообще понимают в поэзии?..

Чтобы в школу не ходить,
Буду кашель свой лечить!
Чтобы кашель получить,
Надо льдом перекусить!

А когда Костя нервничает, у него дергается правая бровь. Таких ситуаций мало, даже если родители вот-вот увидят новую двойку в дневнике, бровь остается непоколебимой. Но вот Ксюша... Да что не так с этой Ксюшей?! Обычные светлые волосы, хоть и красиво блестят на солнце, обычные зеленые глаза, пусть они и похожи на летнюю лужайку, такие же обычные веснушки, которые, как звездочки, рассыпались на лице девочки. Но все это, казалось бы, «обычное» нравилось Косте, а правая бровь при виде Ксюши уходила в пляс. Но что делать? Признаться? Да ни за что! Лучше уж как-нибудь... красиво.

***

На перемене между уроками Костя подслушал разговор Ксюши с подругой Надей:

– Я вот весну за это и люблю, все цветет, куда ни посмотри! А пошли завтра незабудки поищем, мне они так нравятся! – воодушевленно щебетала Ксюша, перебирая руками подол сарафана.

Косте это все, конечно, казалось глупостью. Ну что взять с этих цветов? Растут себе и все. Другое дело – видеоигры. Вот это интересно, не то, что эти... Как их там? Незабудки.

– Костик, ты что так пялишься? – вырвала из размышлений о видеоиграх Надя, скрестив руки на груди и строго глядя на наблюдателя.

Костя немного напрягся, но виду не подал.

– Да так, думаю, что вам, девчонкам, любые глупости нравятся. Скучно вы живете, цветов нарвали, в вазу поставили, вот и все веселье, – гордо улыбаясь, ответил Костя и уверенным шагом удалился в класс, чувствуя на себе недовольные взгляды Ксюши и Нади.

Не понимал он такой любви к цветам, но незабудки с тех пор прочно засели в его голове. Не нравились они Косте, но зато нравилась улыбка Ксюши. Ну, или не нравилась... Он сам не понимал, но точно знал, что, видя эту, конечно, самую обычную улыбку, невольно улыбался сам.

***

– Держи, – Костя, самодовольно улыбаясь, протянул Ксюше небольшой букет нежно-голубых цветов.

Девочка покосилась сначала на подарок, а потом на дарителя. Еще несколько секунд Ксюша, сидя на лавке, таращилась снизу вверх на Костю, не привыкшая к такой щедрости со стороны местного задиры.

– Что это? – тихо спросила она.

– Ксюш, ну ты даешь, – вздохнул Костя, – знакомься: это незабудки, незабудки, это Ксюша. Все, а теперь возьми уже наконец.

– Это пупочники, – не двигаясь с места, ответила Ксюша.

– Пупо-что? – смеясь переспросил Костя.

– Пупочники. Ну вот же, видишь, у незабудок цветочки мелкие, а у этих крупные.

– Ну и ладно, не нравятся – не бери!

Костя бросил букет на лавку и затопал прочь, злясь то на Ксюшу, то на несправедливость ботаники с этими дурацкими пупочниками, то на свою бровь. А девочка осталась на месте, сложив в руках цветы, и тихо застенчиво прошептала: «Спасибо». Знала бы Ксюша, сколько усилий потребовалось Косте, чтобы достать эту пародию на незабудки. Он так старался! Сначала разглядел в щелях забора голубые цветы, потом перебрался через этот самый забор, а затем, как мог, убегал от разгневанного хозяина незабудок. То еще приключение. И все ради того, чтобы узнать, что это вовсе не незабудки, а какие-то там пупочники.

По пути домой Костя разговорился со своим другом Витей и рассказал, что ему очень надо найти незабудки. Только вот для чего, он уточнять не стал.

– Так их у дяди Лени полный двор, я сам видел! – радуясь, что смог решить проблему друга, прокричал Витя.

– Балбес ты, Витька. Какие же это тебе незабудки? По... пупо... пупочники то, во! Видно же, что цветки крупнее. Не разбираешься, так не советуй! – раздраженно сказал Костя и поплелся домой.

Следующие две недели Костя думал, что раз уж с первого раза удивить Ксюшу не получилось, то и стараться больше не стоит. Ну ее! Подумает еще, что он в нее влюбился. А на самом деле ему просто нравится наблюдать за тем, как Ксюша качает ногой на уроках, когда нервничает, или как щурится на солнце, изображая рукой козырек у лба, или как она смеется, когда кто-то рассказывает смешную историю, или как сосредоточенно решает задачу у доски, или как хмурит брови, если кто-то говорит глупость. В общем, не влюбился Костя. Но будь неладны эти незабудки...

– Они? – резко спросил Костя уже второй раз, держа в руке все те же голубые цветы.

Ксюша ахнула и отшатнулась назад. Идя домой, она, задумавшись, смотрела себе под ноги, поэтому выросшего перед ней одноклассника заметила не сразу. Ксюша бросила взгляд на цветы и тут же широко улыбнулась.

– Костик, какие они красивые! Они! Незабудки!

Только теперь Ксюша поняла, что эти цветы для нее. Широкая улыбка сменилась застенчивой, кончики ушей покраснели, и она старательно прикрыла их волосами, топчась на месте.

– Ну, забирай, значит, – с облегчением сказал Костя, – я просто подумал, что раз уж цветы – твое единственное развлечение, то пусть они у тебя будут, а то с ума от скуки сойдешь, – добавил он с хитрой улыбкой.

– Спасибо тебе, – тихо ответила Ксюша, пропустив последнюю фразу мальчика мимо ушей.

– Ну... пока.

Костя проскочил мимо и поспешил как можно скорее уйти.

– Погоди! А идем завтра в школу вместе? – прокричала вслед Ксюша.

Костя повернулся, слабо улыбнулся и заметил, как его Ксюше идут эти голубые цветочки. Она держала их в руках как ценный клад, а на фоне ее легкого белого платья незабудки особенно выделялись, делая образ девочки легким и воздушным.

– До завтра, – только и прокричал в ответ Костя.

***

В комнате Ксюши теперь пахло свежими цветами. Это были самые любимые незабудки из всех, что есть на свете.

– Ксюш, ты представляешь, возвращаюсь сейчас домой, смотрю: а кто-то с нашего огорода незабудки сорвал. Я их столько растила! Узнаю воришку – заставлю новые высаживать! – кричала мама, гремя сумками в коридоре.

А на полке между книгами у Ксюши лежит найденная в рюкзаке записка с подписью «От К.»:

Глаза твои, как летние луга,
А в волосах искрится солнце,
Отложу я все свои дела,
Рядом с тобой мое сердце смеется! ■

ТИШИНА

Говорят, что уши и нос растут всю жизнь. Егор Никитич так не считал. Всю жизнь вместе с ним растет только тишина.

К семидесяти шести годам она начинает издевательски проявляться в глухом тиканье часов, в шуршании старой пожелтевшей рубашки, в невыносимо громких вздохах и жутко скрипучих половицах. Ничего больше не слышно. Детский смех унесла осень, как уносит скрюченные пожухлые листья, дружеские разговоры убежали вслед за последним поездом. Но главное – тишина пришла с уходом жены Маруси. Ее давно нет рядом, но Егор Никитич все так же готовит две чашки чая: одну – с медом, другую – без.

***

Еще год назад Мария Федоровна, не спеша перебирая спицы тонкими морщинистыми пальцами, петля за петлей вязала платок. Егор Никитич, ругаясь как можно тише, чинил вновь сломавшиеся часы. Радио в углу комнаты кряхтело старые песни.

– Новые уже давно пора купить, ты их чинить-то не успеваешь. Два часа чинишь, а они один час только и тикают.

– Марусь, не бубни!

– Не бубни, не бубни... Вот помру, и никто тебе бубнить не будет.

– Опять за свое? – не поднимая головы, бросил Егор Никитич. – Марусь, да ты как сорока трещишь, я тебя с того света услышу...

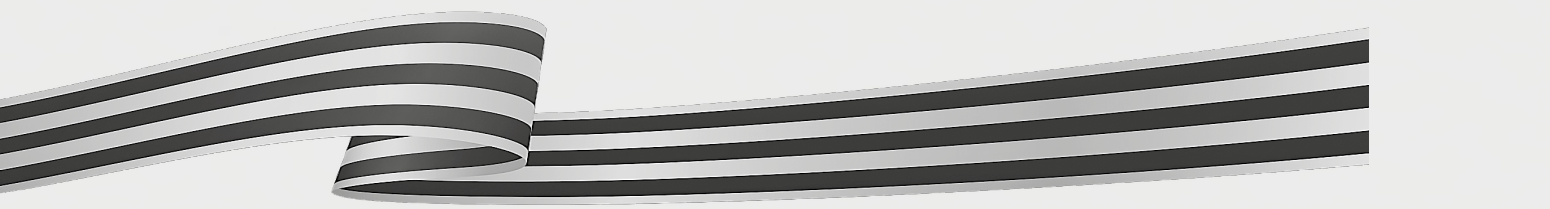
Старик отвернулся и, сжав голову в плечи, с хитрой улыбкой ждал ответа. Мягкий клубок пуховых ниток ударил в затылок, и за спиной послышался тихий смех. Егор Никитич повернулся на стуле и посмотрел на свою Марусю. Видится ему все та же задорная молодая девушка. Умостившись в кресле, она смотрит на него с девичьей добротой и нежностью. Клубок покатился к уставшим ногам Маруси. Только теперь на ее лице узорами пляшут морщинки, а по рукам, как реки, растеклись темнеющие прожилки. И любима старику каждая Марусина морщинка, да прожилка. Все больше и больше дороги ему ее серебряные волосы, ее тонкие впалые губы, ее неторопливые движения, ее глухой голос, ее все тот же свет в повидавших многое глазах. Все в Марусе было любимо. И была она для старика тихой радостью, каждым ударом сердца, первыми лучами солнца и родным домом.

– Ты, Маруся, прекращай такую ерунду болтать...

***

Сейчас в старом доме Егора Никитича собралось полно народу. Поезда вернули давних друзей, горе привело детей и внуков, пришли и соседи. На столе две чашки остывшего чая: одна – с медом, другая – без. На спинке кресла всегда родной пуховый платок. Все молча перекрестились. Ушел предпоследний житель дома. В наполненной людьми комнате стало еще тише. ■

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ИСТОРИИ

Архив Владимира Казанкова

ВЛАДИМИР КАЗАНКОВ

Родился в 1956 году в станице Бесскорбной Краснодарского края. Историк, краевед, публицист. Член Отрадненского районного общества историков-архивистов. Публиковался в журналах «Родная Кубань», «Казарла» и других СМИ. Живёт в станице Бесскорбной.

НЕРАССКАЗАННАЯ ВОЙНА МОЕГО ОТЦА

Война не задела меня своим грозным дыханием, вся моя жизнь проходила «после войны». Вместе с тем тема войны в семье, где я рос, всегда была священной. Солдаты Победы прежде всего для меня – это мои близкие, родные. Время, конечно, летит, из жизни ушли уже все. Любовь и память о своих родных, переживших страшные военные годы, а также те крохи живого знания о войне, переданные ими выразить, даже сегодня непросто. Войну нельзя понять разумом, никаких слов не хватит ее описать, войну можно только пережить. Это «изложение» посвящается моему отцу – воину и победителю Казанкову Ивану Александровичу.

Как известно, поколения появляются и объединяются под влиянием исторических обстоятельств, а не по дате рождения. Мой отец родился до революции, в 1914 году, в казачьей станице Косякинской тогда еще Кубанской области. Однако он полностью принадлежал к первому советскому поколению, на которое и пала главная нагрузка и войны, и мира. Война, собственно, и создала из этих людей поколение фронтовиков.

У каждого участника Великой Отечественной войны своя судьба, своя отметина. На войне отец пробыл с самого первого до последнего дня, прошел путь от Карелии до Австрии. Его «военный билет» и «орденская книжка» говорят, что этот боевой путь пройден честно и достойно! Самая главная награда от Бога – вернулся живым. Согласно статистике, солдаты, находившиеся на фронтах на 22 июня 1941 года, за время войны погибли почти все. В живых осталось не более двух процентов участвовавших в боях. Моему отцу повезло – он как раз в числе этих двух процентов, оставшихся в живых.

Так случилось, что при его жизни я так и не смог полностью, во всех подробностях узнать, через что прошел мой отец. Что там греха таить – не сильно и спрашивал... А может, он берег нас, это ведь такое знание, которое может укрепить человека, а может и разрушить, война – это кровь и грязь. К моему глубокому сожалению и стыду, осталась недоговоренность. Поэтому подробно рассказать о воинском пути отца сегодня я не могу. Много осталось неясного, невыясненного. Как камень на душе. С годами приходит как бы внутреннее, глубокое осознание войны. Нужно все-таки знать, что это было. Но и нежелание отца посвящать во все стал понимать больше. И три медали его, и орден Славы...

Все рассказанное о войне отцом в редкие периоды его откровений осталось у меня в памяти. Большинство этих рассказов относятся к 90-м годам. Наверное, это были попытки освободиться от гнетущих воспоминаний. Отцовские «впечатления» о войне – всего лишь небольшие штрихи к истинной картине такого страшного события, как Великая Отечественная война. Постараюсь дословно, насколько это возможно, передать их. Истина о войне складывается из различных правд. Она у каждого своя. Тем не менее, его личный «взгляд на войну», а также даты и цифры практически полностью находят подтверждения в книгах о войне, в мемуарах ее участников и архивных материалах – в донесениях, приказах и т. п.

Отец слишком серьезно относился к войне. Война прочно сидела в его совести. Он был фронтовиком, уважавшим собственное право чувствовать то, что чувствует. Он не любил пафосные ритуалы, придуманные чиновниками: всевозможные митинги, чествования и т. д. С большим сомнением и иронией относился к различным мемуарам советских полководцев. Фильмы о вой-

не смотреть тоже не любил, а любимая его телепередача – «Клуб кинопутешествий». Жизнь есть жизнь, а кино есть кино, говорил он. Героем себя не считал – до Берлина не дошел, какой герой?! «Три медали и один орден – я обычный рядовой, делал то, что было положено делать согласно присяге и уставу», – обычно говорил он. И никогда не жаловался, ничего не требовал, не выбивал.

Сегодня уже не удивительно для меня, что в 60-х отец переквалифицировался из преподавателя истории (перед войной отец окончил Армавирское педагогическое училище) в учителя труда. Опаленный войной фронтовик, прошедший ее с первого и до последнего ее дня рядовым, не умел лгать, приукрашать и подстраиваться, однако человеком, преданно влюбленным в историю, он остался.

Важно отметить – учеба спасла ему жизнь в самом буквальном смысле. Страшная трагедия, произошедшая в 1932–1933 годах на Кубани, в том числе и в станице Косякинской, сегодня уже не составляет тайны. Перед голодом (правильнее, как ни крути, – голодомором) в Косякинской проживало 1750 человек. После голода 1933 года осталось только 33... От организованного голода погибли практически все его родственники. По рассказам отца, сначала было нелегко это понимать и принимать, а потом привык... и смирился... Страшно подумать, не уедь отец на учебу в Армавир, останься в Косякинской пасти овец – и не было бы ни меня, ни моих братьев и сестры...

Товарищей-однополчан, с кем он вместе прошел войну, у него не было, он ни с кем не переписывался, по его скупым рассказам – погибли все, до одного... Наверное, так и было, один только 128-й осб, последнее его место службы, в течение менее года дважды формировался заново... Разговоры о войне он не выносил, упоминал о ней лишь при необходимости, в подробности не вдавался, иногда иронично отшучивался – в штабе писарем сидел (ну, прямо как в фильме «Брат»!), потому и рассказывать особо нечего, что тут можно рассказать. Соответствующая запись в военном билете и его каллиграфический почерк вполне позволяют поверить в это. С другой стороны, как же тогда многочисленные ранения, контузии, медали, орден Славы?..

«На войне у каждого свое место», всю войну отец прошел сапером. Многим кажется, что саперы – это что-то типа «стройбата». Тыловики... Воюют другие, не они... По молодости, признаюсь честно, и я так считал – у моих друзей отцы были танкистами, летчиками, разведчиками. А здесь сапер...

Однако это не так. Даже если кратко рассказать – это абсолютно не так. Сапер все время на передовой, в самом ее пекле... Самые смелые солдаты войны именно простые саперы. Потому что в бой сапер идет всегда самый первый. Даже впереди разведки. Враг незрим. Каждый его шаг может стать последним в жизни, и чтобы его сделать, нужна смелость. Он первый рвет проволоку. Он один на один со смертью. Он хладнокровно снимает мины, работа тонкая и опасная. Он первым попадает под обстрел. Он как мишень в тире. Он всегда на грани, он не имеет права ни на одну ошибку, каждый его промах стоит крови и жизней. Отступают саперы также последними, спасают людей и технику, взрывают за собой мосты, минируют пути подхода противника... Перечислять можно долго, однако по порядку...

Согласно записи в военном билете, за время войны отец успел повоевать в трех подразделениях, это 40-й отдельный понтонно-мостовой батальон, 18-й отдельный гвардейский минерный батальон и 128-й отдельный гвардейский Свирский саперный батальон 37-го гвардейского стрелкового Свирского Краснознаменного корпуса.

Более всего меня всегда интересовал 18-й отдельный гвардейский минерный батальон. Если с двумя другими более или менее ясно, то информация о «боевом пути» 18-го огмб до сих пор скупа и загадочна. Со слов Большой российской энциклопедии: «Минеры гвардейские – гвардейские формирования инженерных войск РККА, создававшиеся в Великую Отечественную войну для нарушения коммуникаций в тылу противника и уничтожения его военных объектов». В «Перечислять можно долго, однако по порядку...

не № 27» инженерных частей (отдельных батальонов, рот, отрядов), входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945, сказано: «...18-й гвардейский отдельный батальон минеров сформирован 21.08.1942 г., пп. № 17761. Входил в состав 7-й отдельной армии Карельского фронта, действовал на Свирском оборонительном рубеже как соединение специального минирования инженерных войск, фактически являясь диверсионным подразделением специального назначения для действий в тылу врага».

Примечательно, что в советское время бытовало официальное мнение, будто диверсантов у нас в принципе не существует. Советские энциклопедические словари тех лет утверждали: диверсия – один из способов подрывных действий империалистических разведок и спецслужб. Но, оказалось, не только империалистических...

Неудачи весны 1942 года на фронтах, неразбериха, а также неэффективность партизанского движения заставили наше верховное командование заняться вопросом создания специальных частей (диверсионно-разведывательных групп) на всех фронтах вплотную. В результате 17 августа 1942 года приказом наркома обороны в инженерных войсках каждого фронта из добровольцев воздушно-десантных, инженерных и железнодорожных войск стали создаваться батальоны спецназа для действий в тылу противника. Для того чтобы скрыть настоящее имя спецназа, эти отдельные батальоны получили условное название «гвардейские минеры». Лишь ограниченный круг людей знал, что означает это благозвучное название. К сведению, тогда в Красной армии звание «гвардейский» можно было получить только в бою, единственное исключение составляли «гвардейские минеры», которым присваивалось это звание при формировании.

Особый батальон – особый почет для сапера! Надо сказать, что отец этим очень гордился, знак «Гвардия» он носил постоянно.

Уточнение названия и боевого предназначения этих подразделений не простая формальность. На первом месте у них действительно было нанесение ударов по наиболее уязвимым объектам как в глубине, так и в ближайшем тылу противника. На каждом фронте было по одному такому подразделению, по два батальона было только на Карельском, Ленинградском и Донском фронтах. Главным инициатором создания подобных подразделений стал начальник штаба инженерных войск РККА легендарный подрывник-диверсант, «дедушка советского спецназа», личный враг Гитлера (!) и т. д. – Илья Григорьевич Старинов.

Служить в таком подразделении, конечно, престижно. Но под силу только лучшим из лучших. «Гвардейские минеры» были одними из самых квалифицированных подразделений в РККА во время войны, уровень подготовки этих «саперов» действительно можно сравнить с современным спецназом.

Отбор личного состава в эти подразделения был весьма скрупулезным. В состав новых частей отбирали только физически крепких, не старше сорока лет кандидатов, в первую очередь из «обстрелянных» добровольцев-саперов, имевших боевой опыт. Именно такой боевой опыт у отца уже был. В сентябре 41-го, без всякой надежды на спасение, по диким лесам, сплошным болотам и минным полям, ориентируясь по звездам, ему довелось выбираться из котла, в котором оказался его 40-й понтонный батальон. Вышли достойно, почти без потерь.

Несмотря на то, что «учебка» была совсем непродолжительное время, готовили их на совесть! Со слов отца, их готовили днем и ночью. Будущие бойцы батальона проходили специальную подготовку по ведению разведки в тылу противника, топографии, фортификации, десантированию. Учили ориентироваться по звездам, по местности, жить «на подножном корме», без шума и треска наломав веток, построить шалаш, пить дождевую воду из луж, есть лягушек и птиц...

Много времени уделялось огневой подготовке и рукопашному бою. Каждый боец должен быть уметь пользоваться различным огнестрельным оружием: от пистолета до пулемета и противо-

танкового ружья, включая трофейные образцы. Биться в «рукопашке» автоматом, винтовкой, лопатой, ножом, голыми руками. Оказание первой медпомощи и другие медицинские навыки также входили в программу подготовки. Помимо этого, ежедневно с «гвардейскими минерами» проводились занятия по знанию языка противника, хотя бы для минимального владения им. Иногда отец «демонстрировал» финский язык!

Безусловно, особое внимание уделялось минно-взрывному делу. Саперы изучали отечественные и трофейные мины, работали с взрывателями и размыкателями. Учились ставить «сюрпризы» натяжного и нажимного действия, а также минировать здания и домашние предметы. Интересно, что подготовкой минеров для действий в тылу врага на Карельском фронте занимались такие «саперные мэтры», как генерал-майор Г. Г. Невский – начальник инженерных войск Карельского фронта, изобретатель и испытатель радиоаппаратуры для управления взрывами – военинженер 2-го ранга В. П. Ястребов. Кто не знает: оба организаторы и участники массового минирования в Харькове, в том числе и знаменитого удачного подрыва с применением радиомины дома № 17 по улице Дзержинского, под обломками которого нашли свою могилу командующий гарнизоном командир 68-й пехотной дивизии генерал фон Браун и несколько десятков офицеров штаба этой дивизии.

Со слов отца, сплошной линии фронта как таковой на Карельском фронте не было. Суровый климат, необъятная территория, непроходимые дикие, почти первобытные леса, топкие болота, низкая плотность населения, слабо развитая сеть дорог – все это исключало применение войск по правилам военной стратегии и тактики и делало территорию Карелии идеальным местом для действий партизан и диверсантов. Война в таких условиях не могла быть легкой ни для одной из противоборствующих сторон... Она легкой и не была... Вся «нагрузка», особенно в начальный период, целиком приходилась на «гвардейских минеров». Дело в том, что партизанское движение на оккупированной территории Карелии в том каноническом смысле, который мы в него вкладываем, отсутствовало практически полностью.

Другой особенностью Карельского фронта был совершенно иной противник. У нас до сих пор на фоне главного врага, то есть немцев, финнов, зачастую воспринимают как врага второстепенного. Тем не менее финны были очень серьезным противником. «Закидать шапками» финнов не получилось ни в «зимнюю войну» 1940 года, ни в Великую Отечественную. Финские солдаты были очень тренированными, дрались очень грамотно. В лыжной подготовке они превосходили наших солдат. К тому же грезы о «Великой Суоми» тоже не давали им покоя.

Ключевым словом войны на Карельском фронте были «рейды». Диверсионные группы с обеих сторон были очень активны. С финской стороны это были подразделения так называемой «дальней разведки» при Генеральном штабе Финляндии.

«Гвардейские минеры» обычно выходили на сцену на короткое время. Главным путем транспортировки «гвардейских минеров» за линию фронта была десантирование на парашютах. Хотя часто бывало и пешком. Забрасывались за линию фронта небольшими группами, обычно не более десяти человек. Задачей группы было десантироваться в глубоком тылу, скрытно выйти к объекту, совершить диверсию (подрыв) и, если получится(!), выйти к месту подбора и эвакуироваться. Иногда приходилось «таиться» в лесах, по несколько недель ждать удобного случая.

Удары, наносимые «гвардейскими минерами» по коммуникациям врага, были ощутимые и немало попортили крови финским войскам. Они срывали планы по доставке боевой техники и бойцов на передовую, отвлекали большое количество финских войск на охрану железных и шоссейных дорог, мостов, складов и других сооружений. Финские исследователи подсчитали, сколько всего было прерываний железнодорожного движения в тылу финских войск. В 50 процентах за эти прерывания отвечала авиация, наносившая

бомбовые удары, 8 процентах – артиллерия и 25 процентах – диверсионная деятельность. Стоить отметить, что зачастую, так сказать, «в целях конспирации», действия и результаты «гвардейских минеров» приписывались «широким массам» партизанского и подпольного движения. Наверное, так было надо...

О том, как попал в 18-й огмб, отец не рассказывал, о службе в нем говорил очень скупо – мол, «колесили» по финским тылам, минировали, взрывали, а после уносили ноги, не оглядываясь!

Как было сказано выше, на Карельском фронте существовало два таких подразделения, был еще 6-й гвардейский отдельный батальон минеров. К сожалению, их деятельность до сих пор засекречена. Поэтому боевой путь этих подразделений – неизвестные страницы нашей военной истории. Военнослужащие таких подразделений давали подписку «о неразглашении сведений», составляющих военную и государственную тайну. Возможно, поэтому в военном билете отец и записан «писарем» (как недавно выяснилось – «писарями» был весь личный состав таких батальонов!), хотя в наградных и всех других документах – четко: сапер!

Разумеется, эта «подготовка» осталась с ним на всю жизнь. Припоминается, как еще в 70-е, после просмотра классики советского кинематографа, посвященного теме войны, фильма «А зори здесь тихие», он сразу отметил в нем массу неточностей. Понятно, любые специалисты никогда не могут всерьез воспринимать фильмы о своих профессиях, так как сразу видят все нестыковки и приукрашивания, которые вызывают у них достаточно возражений. Врачи считают комедиями фильмы о врачах, ученые об ученых, следователи о следователях!.. Нет, фильм ему понравился, отличное кино, низкий поклон режиссеру и всей съемочной группе, но лично для меня, отметил он, это грустная трагическая сказка, не имеющая отношения к действительности. «Такого не было и быть не могло», – сказал он. Прежде всего, почему диверсанты – немцы? Мы в Карелии воевали с финнами. Почему они в военной форме своей армии? Почему они поголовно вооружены автоматами? Они взрывать или воевать собрались? У диверсанта каждый грамм на счету, снаряженный автомат – это почти 7 кг лишнего веса! Попробуй пронести на своих плечах примерно 30–40 кг (мешок цемента!) необходимого динамита по лесным дебрям, к примеру, от Бесскорбной до Армавира! Единственный, кто полностью вооружен в группе, – это снайпер, у остальных – максимум пистолеты, причем трофейные, ну и еще финка в сапоге! «Сухпаек» – измельченные в пыль сухари с сахаром, тоже для облегчения веса! Почему эти немцы топают по лесу табуном, где их разведка? Если «отряд», посланный «взрывать», вступил в боестолкновение, это провал и гибель всей группы. В реальности старшина и девчонки-зенитчицы встретили бы в лесу отряд в советской военной форме из финнов и бывших советских граждан. И сквозь старшину Васкова с его девчонками даже два диверсанта прошли бы, не запыхавшись. А уж шестнадцать... или сколько там их в кино, с крепкими мышцами, нервами и боевым опытом... Для нейтрализации такого «десанта» потребовалась бы как минимум войсковая операция.

Как бы там ни было, но «гвардейским минерам» не повезло, просуществовали они совсем непродолжительное время. К концу лета 1943 года все они оказались «лишними» в системе диверсионной деятельности Красной армии и были переформированы в обыкновенные инженерно-саперные батальоны, полки и бригады. На это повлияли позитивные изменения в положении на фронтах, но прежде всего выросшая «конкуренция» со стороны 4-го управления НКВД и Разведуправления Генштаба.

Со слов отца, в начале 1943 года их батальон перевели в резерв Ставки Верховного Главнокомандующего с пребыванием в составе войск Московского военного округа. В это время в Подмосковье спешно формировались воздушно-десантные бригады, и «гвардейский спецназ» решено было использовались для усиления инженерных батальонов формируемых воздушно-десантных бригад. Отец был зачислен в состав 128-го отдельного

гвардейского саперного батальона 37-го гвардейского воздушно-десантного корпуса.

Однако после почти полугода учебы «крылатую пехоту» решили использовать как обычную... 37-й гвардейский корпус ВДВ переименовали в стрелковый и в середине июня 1944 года выгрузили на станциях Паша и Оять Ленинградской области, сосредоточив в 40 км южнее Лодейного Поля. 21 июня 1944 года в 8 часов утра началась Свирско-Петрозаводская операция. Сломив сопротивление арьергардов, подразделения 37-го гск, с приданным им 29-й танковой бригадой и 372-м самоходно-артиллерийским полком 25 июня заняли Олонец и начали преследование противника в направлении Питкяранта. Здесь наступающий 37-й гск натолкнулся на подготовленную финнами так называемую «У-линию» (U-linja). Ее прорыв представлял собой трудную задачу. «...Это была адская, если не сказать хуже, работа. Здесь минные поля были установлены особым методом, и саперам пришлось немало поломать голову, чтобы определить систему. Финны устанавливали противопехотные мины на одной линии с противотанковыми, на расстоянии всего 50–60 см. Особенно много было мин натяжного действия. Ими были напичканы не только завалы, но и все, казалось бы, непроходимые участки. Плотность также была невиданная. На одном из участков дороги, например, приходилось в среднем по две с половиной мины на погонный метр!» (Отрывок из книги «Пешим по-десантному» профессора А. Я. Мизарбаева). После войны маршал К. А. Мерецков в своих мемуарах обмолвится: «Саперные подразделения гибли одно за другим...» (Мерецков К. А. На службе народу. – М.: Политиздат, 1968.). Сражаясь в наступлении, за несколько дней большинство бойцов 128-го отдельного гвардейского саперного батальона погибли...

Бои в Карелии для отца закончились 8 июля. Действуя в команде разведчиков в составе 304-го гвардейского стрелкового полка 100-й гв. сд, при разминировании дороги перед колонной танкового десанта в районе поселка Уома отец получил слепое пулевое ранение в ногу от разрывной пули финского снайпера. «Я родился в рубашке», – рассказывал он. Первая пуля “кукушки” “промазала” и легла в сантиметрах возле головы, только запорошила песком глаза... но вторая все-таки достала... Двойной выстрел – самая сильная способность опытного снайпера. Без сознания от болевого шока и потери крови его затащат под танк, далее на плащ-палатке протянут под днищами танков через всю колонну и отправят в тыл – в недавно освобожденный Петрозаводск, где располагался пункт сбора раненых.

Раненых было столько, вспоминал отец, что в Петрозаводске, ожидая отправки, почти две недели пришлось пролежать под открытым небом. Страшная обыденность войны. В палатках не хватало мест. Стоны, ругань. Залитая кровью земля вокруг, везде трупы. Начиналось заражение... Однако судьба хранила его. 24 июля санитарный поезд доставляет его в Вологду, в эвакогоспиталь № 1184. После двух операций, надо отдать должное врачам и крепкому здоровью отца, уже 2 сентября он был переведен в отделение для выздоравливающих.

После выписки из госпиталя в конце 1944 года отец отправится к новому месту службы, в Белоруссию. В Могилеве дислоцировался его родной уже 37-й гвардейский стрелковый корпус, который был выведен с Карельского фронта в резерв Ставки ВГК (Ставка Главного командования). 128-й отдельный гвардейский саперный батальон приказом Ставки ВГК был воссоздан заново. Правда, бывших однополчан он там не нашел...

Примечательно, что во время переформирования корпус вновь стал «крылатым» – 37-м гвардейским воздушно-десантным корпусом, однако 18.12.1944 – опять стрелковым. Отец говорил, что было непонятно и очень обидно, но приказы не обсуждаются... Впрочем, командование, в том числе и высшее, и сами бойцы называли 37-й гв. ск – «десантным»! «Новому» 128-му батальону, как и всему 37-му гв. ск, присваивается почетное звание – «Свирский». Кроме этого, батальон и корпус становятся еще «Краснознаменными» – «...за особую храбрость, самоотверженность и мужество,

проявленные при защите социалистического Отечества». Пропахшие порохом и дымом полотнища знамен гвардейских десантников украсил орден Красного Знамени! После переформирования, принятия пополнения, 21.02.1945, 128-й огссб в составе 37-го гсскк перебрасывается через Польшу в Венгрию на 2-й Украинский фронт. Однако это совсем другая история...

К наградам отец, как и все настоящие фронтовики, относился совершенно равнодушно. «Победа подарила мне главное – долгую мирную жизнь», – говорил он. – К тому же мы в окопах многого не знали. Иной раз и не поймешь, за что награждали!»

Это действительно так, он до конца жизни не знал точно, за что получил «Славу» 3-й степени! Всю жизнь рассказывал про одно, а потом, уже спустя годы, в наградном листе оказалось совсем другое. «Славу» вручили ему в апреле 1945 года, спустя более чем полгода после подвига. Сдвиг в датах объясняется, вероятно, тем, что в связи с утратой предыдущего подразделения не всегда была возможность своевременно подать наградные документы. В госпиталях тоже не особенно разыскивали награжденных. Ну и, конечно же, в связи с особенностями наградной системы СССР – жизнь наша многослойная и многоцветная...

Об эпизоде, за участие в котором он получил «Славу», я узнал от него. Это было возведение подводного моста. Такие переправы в войну строили и наши, и немцы. Проезжая часть у такого «переправочного средства» скрыта под толщей воды, обычно на 30–50 см ниже уровня. Для авиации противника лента подводного моста практически незаметна и недоступна. Соорудить такую необычную переправу – задача нелегкая. Строились такие мосты в режиме полной секретности, в целях маскировки – только ночью, иначе никак.

Наводить такой мост, по утверждению отца, пришлось где-то в Венгрии. Сейчас в такое трудно поверить: в сплошной темноте, две ночи напролет, при строжайшей звукомаскировке, в адских условиях, под огнем противника теряя людей, без смены, в студеной мартовской воде, без средств механизации, без специальных подводных костюмов работали саперы. Ручной «бабой» забивались сваи и отпиливались под водой поперечной пилой. Вместо водолазного шлема – противогазная маска, воздух поступал через соединенные гофрированные трубки. Спирта, правда, было хоть отбавляй! Огромной важности боевая задача была героически полностью выполнена, танки через мост пошли в назначенное время. Командиру саперов за мост – «Героя», а саперам – или «Славу» или «Красную Звезду». Безусловно, это подвиг, но, как выяснилось недавно, благодаря сайту «Память народа», «Славой» его наградили не за это, а за форсирование реки Свири и бои в Карелии.

Как бы там ни было, все войны кончаются миром. Радостная весть, что в 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии, как было уже сказано выше, застала отца в австрийских Альпах. Изрядно поредевший 128-й огссб после «балатонских» боев, штурма Будапешта и Вены сохранял боеспособность. Новость о Победе пришла днем и мигом разлетелась по батальону. «Войне конец! Победа! Значит, мир, значит, мы остались живы!»

«Радость, что довелось дожить до этого дня, невозможно передать, – рассказывал отец. – Все мы были счастливы. Не сговорившись, начали палить в воздух. Хотя стычки с неприятелем продолжались еще недели две. Но мы уже знали, что этой войне конец...»

Между тем, несмотря на Победу, армейская служба для отца продолжалась еще полгода. Долгожданная демобилизация наступила в октябре 1945 года. Поезд, украшенный лозунгами и, как тогда полагалось, портретом товарища Сталина на паровозе, через Австрию, Венгрию, Румынию и далее по сожженной, разбитой стране вез обратно домой. На нашей территории, чуть ли не на каждой станции их встречали оркестрами, митингами. Отец сошел с поезда на разбитой станции Армавир... ■

Архив Ивана Озерского

ИВАН ОЗЕРСКИЙ

Родился в 1987 году в городе Гулькевичи. Кандидат исторических наук, директор Краснодарского краевого художественного музея имени Ф.А. Коваленко. Печатался в журналах «Родная Кубань», «Культурная жизнь Юга России», «Вестник Московского государственного открытого университета» и других СМИ.
Живёт в Краснодаре.

МАРШРУТ «ГУЛЬКЕВИЧИ – БЕРЛИН» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Каждый, кто отъезжает из г. Гулькевичи или возвращается в него, невольно вчитывается в строки на прикрепленной к стене железнодорожного вокзала мемориальной доске: «Прохожий, остановись! Отсюда 5 ноября 1942 г. и 5 января 1943 г. были угнаны в Германию в фашистское рабство несколько сотен юношей и девушек Гулькевичского района. Помни об этом!»

Доска была установлена благодаря усилиям двух энтузиастов-краеведов – Е. М. Ересько, Е. С. Смыка в 50-ю годовщину этих трагических событий.

Крохотный эпизод, вернее, страшный отблеск жестокой войны. Но зачастую прохожие не обращают внимания на цепляющие за сердце слова. А есть и такие «шутники», которые доходят до кощунственных заявлений типа: «Если бы Германия победила, мы бы все сейчас раскатывали на "Мерсах", вволю пили пиво и ели баварские сосиски».

Цель данной статьи – проследить, опираясь на документы, воспоминания и живые свидетельства, как людоедские замыслы руководителей Третьего рейха привели к безвинным жертвам, искалечили огромное количество человеческих судеб, а также что оставил после себя фашистский оккупационный режим в одном лишь кубанском селе.

В письменных источниках, посвященных истории Второй мировой войны, красной нитью проходит мысль, что, готовясь к войне против СССР, наряду с военно-стратегическим планом «Барбаросса» фашистское руководство со всей присущей немцам педантичностью подготовило генеральный план «Ост», согласно которому «славяне должны работать на нас, – как заявлял М. Борман, главный толкователь воли фюрера. – Когда они нам больше не понадобятся, они могут умирать»[1].

Хроника оккупационного периода, судя по сохранившимся документам и свидетельствам очевидцев, часто не содержит четких дат. Для людей, переживших это время, дни оккупации слились в общий кошмар, детали которого потом, после освобождения, стали анализироваться и восстанавливаться, хотя многие из них из-за тенденциозности в целях воспитания патриотизма сталинской закваски до сих пор так и остаются белыми пятнами в истории советского периода. Например, граждане, оказавшиеся во вражеском тылу или плену, ущемлялись в правах, подвергались режимным проверкам на предмет благонадежности. В анкетах даже имелись специальные разделы: «Находился ли на оккупированной территории».

Фашисты захватили село Гулькевичи в ночь с 7 по 8 августа 1942 года[2]. В центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) сохранилась докладная записка от 10 сентября 1942 года заведующего Гулькевичским районо Г. Д. Долгова крайкому ВКП (б), которая интересна как одно из первых свидетельств об оккупационном режиме на Кубани, где, в частности, отмечается: «В первые же дни

немцы стали ходить по квартирам, забирая продукты, теплые вещи женщин и все вещи мужчин. Стали насиловать женщин. Все это видела директор детдома тов. Деева, которая ходила узнать о судьбе тракториста из детдома. Когда тов. Деева описала приметы тракториста, то комендант-немец через переводчицу ответил: "Здорового мускулистого парня в полосатой майке помню, он отправлен этапом в Армавир. Сильный парень – пойдет в Германию!"

Следовательно, сильных мужчин-рабов отправляют в Германию. Слабых рабов распределяют по другим оккупированным территориям» [3].

Когда Г. Д. Долгов писал эту записку, конечно, он не имел никакого представления о том, что стал свидетелем установления фашистами так называемого «нового порядка» на Кубани и реализации чудовищной расистской теории о «неполноценных» народах. Конечно же, он ничего не слышал и о выступлении в Берлине создателя оккупационного режима в Восточной Европе Альфреда Розенберга, который еще 20 июня 1941 года с циничной откровенностью заявил: «Южные области и Северный Кавказ должны будут послужить компенсацией в деле обеспечения продовольствием всего германского народа... Несомненно, что необходимо будет провести очень большую эвакуацию, и для русских предстоят очень тяжелые годы...»[4].

Различные группы источников дают полное подтверждение реализации фашистами плана установления «нового порядка» в нашем крае. Так, согласно отчетам Южного штаба партизанского движения[5], на захваченной территории производился поголовный учет населения. Составлялись подробные списки местного эвакуированного населения. Всем не прошедшим регистрацию грозило суровое наказание вплоть до расстрела. Работать заставляли все население, включая детей в возрасте 11–12 лет. Местные жители привлекались для уборочных сельскохозяйственных и оборонительных работ, строительства и ремонта дорог и др.

Как вспоминал Василий Иванович Озерский (он был 1926 года рождения), фашисты, захватив Гулькевичи, чувствовали себя здесь полными хозяевами. В хате, из которой была изгнана в сарай их семья, на проживание поселилось около 10 фашистов. Во дворе солдаты установили походную кухню. Забор порубили на дрова, порезали и съели всех кур и поросят, заставили женщин (А. Н. Озерскую и ее маму Е. М. Прибытко) им прислуживать, стирать белье.

С первых дней оккупации немцы стали сгонять молодежь на восстановление взорванных самолетами железнодорожных путей, однако подросток успел еще до перерегистрации скрыться у родственников на хуторе. И хотя полицаи несколько раз приходили, требовали, чтобы он выходил на работу, запугивали арестами всех родственников, но его никто не выдал, а мать постоянно повторяла: «Ушел на заработки, а куда – неизвестно»[6].

Вот что рассказал Николай Федорович Геращенко (1928 года рождения) о периоде фашистской оккупации Гулькевичей: «Сразу же с приходом немцев в селе появились полицаи из числа местных жителей. Среди них нашлись такие подонки, которые, почувствовав себя хозяевами, были наглее самих фашистов. Жизнь в оккупации была тяжелой. Техники для работы в поле не было. Лошадей при отступлении взяли наши войска. В колхозе осталось несколько быков, на которых пахали. Урожай убирали вручную, косами и серпами. Собранный урожай фашисты отнимали...

Осенью прошел слух, что немцы собирают молодежь для отправки на работу в Германию. Я сам видел, как по нашей улице гнали группу ребят, собранных с ближайших хуторов. Это были парни и девушки по 16–17 лет. Один паренек,

помнится, видимо, желая подбодрить остальных, выкрикнул: «Хоть мир посмотрим!»[7].

Очень ценные сведения о периоде фашистской оккупации оставил К. Симонов, который, будучи корреспондентом «Красной Звезды», вместе с передовыми нашими воинскими частями вошел в Гулькевичи 28 января 1943 года. В его фронтовых блокнотах сохранились записи, которые позднее были напечатаны в полном собрании сочинений[8].

Конечно же, нельзя без волнения читать эти мрачные свидетельства тех страшных лет: «...Продолговатый лист бумаги; наверху черный германский орел, внизу подпись: «Главнокомандующий германскими войсками на Кавказе». Заголовок «Германия зовет тебя!» с черным большим восклицательным знаком. Текст: «Ты живешь в стране, где фабрики и заводы разрушены, а население пребывает в страшной нищете. Поехав на работу в Германию, ты сможешь изучить прекрасную страну немцев, ознакомиться с просторными предприятиями, чистыми мастерскими и работой домашней хозяйки в ее уютном жилище. Отход первого транспорта последует в ближайшем времени, о нем будет своевременно объявлено. Будь готов к поездке. Возьми с собой ложку, нож, вилку...

...Если мобилизованный на работу в Германию не явится, на семью штраф – 500 рублей, а его самого – в Барлеевский лагерь».

Видимо, рассказы наших земляков, откуда угнали молодежь на работу в Германию, – все это людское горе прошло через сердце Симонова и привело к мысли написать обо всем услышанном, вылившемся в очерк «Гулькевичи – Берлин», который Симонов послал в «Красную звезду», где он был напечатан в феврале 1943 года. Правда, в редакции дали очерку другое название – «Поезд рабов». Но в сборнике фронтовых очерков «От Черного до Баренцева моря» (издан в 1944 году) он именуется так, как и назвал его Симонов, а именно «Гулькевичи – Берлин».

Бывший редактор газеты «Красная звезда» Д. Ортенберг в своей книге «Это останется навсегда»[9] написал, что К. Симонов считал «Гулькевичи – Берлин» одним из лучших очерков периода Великой Отечественной войны.

20 мая 1971 года, по инициативе Е. М. Ересько, Константин Михайлович приезжал к гулькевичанам в гости. Тогда же состоялась встреча с одним из героев его очерка – И. Купченко. Для нас прежде всего огромный интерес представляет рассказ Ивана Купченко, который на вопрос К. Симонова: «Как сложилась ваша судьба?» – поделился своими воспоминаниями: «Это было в 1943 году. Тогда мне было семнадцать лет. Немцы выгоняли каждый день жителей Гулькевичей на работу, но я на работу не ходил, убегал, скрывался от них. Но вот пришло время, когда они стали угонять в Германию. Схватили и меня. В то время я был у дяди. Меня там поймали, кинули в машину и привезли на вокзал, загнали в вагон и повезли в Кавказскую. На станции Кавказская прицепили еще несколько вагонов, и состав пошел до самой Польши. Там нас повыкидывали из вагонов и начали отбирать: кто посильнее – того в одну сторону, а кто похилей – того в другую, а потом в лагерь, за колючую проволоку, по которой проходил электрический ток. Вокруг лагеря ходили немцы с собаками. На вышках стояли пулеметы. Это был страшный лагерь. Каждый день люди погибали от голода, от побоев. Многих немцы сжигали в печах.

После освобождения прошли мы особый отдел. Меня взяли в действующую армию – в 34 гвардейскую краснознаменную дивизию, в которой я прослужил до конца войны[10].

Действительно, благодаря таким замечательным людям, как Е. С. Смык и Е. М. Ересько, не сотрутся в памяти гулькевичан страшные события периода фашистской оккупации. Однако

после установления мемориальной плиты (январь 1993 года) поисковая работа в этом направлении была прекращена. Может быть, и впрямь пора ставить точку? Но почему же, знакомясь с материалами (архивными, музейными, публицистическими), беседуя со свидетелями тех событий, меня подспудно не покидает чувство недосказанности? Так сколько же наших земляков было угнано тогда на чужбину? Неужели нигде не сохранились их списки? Неужели из оставшихся в живых после фашистской неволи останутся опубликованными только воспоминания И. Купченко? А что означают его слова: «Прошли мы особый отдел»?

Подобные вопросы я пытался задавать местным старожилам. Но не получал ответа. Лишь Озерская Ольга Герасимовна, моя бабушка, однажды проронила, что якобы одна из наших родственниц в годы войны была угнана в Германию, но она никогда ничего не рассказывает, поэтому лучше с ней по данному поводу не встречаться.

В августе 2002 года наша беседа все-таки состоялась. Разговор завязывался очень трудно. Полина Павловна сказала, что вычеркнула эти годы из жизни, и никогда не рассказывала о них даже своим детям. Тогда я предложил ей прослушать очерк К. Симонова и высказать свое мнение, с чем она согласна, а с чем нет.

Когда очерк был прочитан, Полина Павловна как бы в подтверждение промолвила: «Да, если бы я не поехала, пострадала бы моя семья – мама и младшие сестра с братом»... После немного разговорилась: «В Германии немцы относились к нам, как к рабочей скотине. Сперва я работала на птичнике у одной бауэрши. Питались кухонными отходами да куриными яйцами, которые удавалось утаить от хозяйки. Спала в сарае на соломе. Но это был рай по сравнению с той жизнью, что ждала где-то через год, когда меня отправили на подземный военный завод, на котором делали снаряды. Вот там-то люди мерли, как мухи, от недоедания и непосильного труда. Если бы не пришли наши, долго бы не продержалась – просвечивалась вся от худобы.

Нас немного подкормили, провели проверку, кто и как оказался на этом заводе, а потом эшелонами отправили на Украину – шахты восстанавливать...

После войны мне разрешили ехать домой. Выдали пропуск с какой-то отметкой и велели по приезде явиться в райотдел НКВД для регистрации. По дороге меня обворовали – украли чемоданчик с одеждой. Хорошо, документы были при мне, а то не знаю, что со мной сталось бы»...

Полина Павловна тяжело вздохнула и замолчала.

«А что могло бы случиться?»

«Да зачастую свои страшнее немцев были. В райотделе меня допрашивали, как в Германии оказалась. Раздели. Все клеймо или знак какой-то искали. Отпечатки пальцев брали... В общем, понатерпелась стыда... Хорошо, следователь добрый попался. Подсказал, чтобы говорила, что не была ни в какой Германии, а на Украине. Я за это подписку дала... А у некоторых следователи были хуже зверей: тех людей, кого они допрашивали, уже больше никто не видел»...[11]

На вопрос, а получает ли она сейчас дополнительную пенсию за то, что была угнана в Германию, Полина Павловна упрямо повторила: «Нигде я не была... Я подписку давала... Эх, да и вообще, бывает ли она – справедливость?»

С тяжким осадком на сердце пришлось тогда расставаться с этой старой больной женщиной, прошедшей через фашистский ад и многие годы прожившей с клеймом недоверия от властей родной страны. И хотя уже не было на земле того государства (СССР), представителю которого она давала подписку о неразглашении тайны, Полина

Павловна до конца своих дней боялась поведать о тех унижениях, через которые ей пришлось пройти. Так и умерла с обидой и болью в душе.

Моему деду Озерскому Василию Ивановичу, наверное, по тем временам достался счастливый билет. Ему повезло не оказаться среди пассажиров злополучных рейсов «Гулькевичи – Берлин». Через полтора месяца после освобождения родного села от фашистов, в марте 1943 года, он шестнадцатилетним подростком ушел на фронт. Боевое крещение получил летом 1944 года, под Оршей. Весной 1945 года в Германии был участником знаменитой встречи с союзниками на Эльбе. Но про военные годы, особенно в период оккупации, рассказывать не любил. Видно, тоже очень тяжело давались ему воспоминания. Да и умер он рано, не дожив до шестидесяти лет.

P. S. Попытки найти списки юношей и девушек, отправленных из Гулькевичей в Германию, и проследить дальнейшую их судьбу пока оказались тщетными. В ответ на письмо в УФСБ по Краснодарскому краю пришло сообщение, что документальные подтверждения о насильственном угоне гулькевичан в ноябре 1942-го и в январе 1943 года отсутствуют. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

[1] Лев Безыменский. Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник. М. 1999. С. 13.
[2] Архив УФСБ по Краснодарскому краю, ф. 13, от 1, д. 256, л. 10.
[3] Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рассекреченные документы. Книга первая. Краснодар, 2011. С. 371.
[4] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в семи томах. Т. 3. Госюриздат, 1958. С. 403.
[5] ЦДНИКК ф. 4372, оп. 1, д.88, л. 18 – 18об., 19.
[6] Из личного архива.
[7] Из личного архива.
[8] К. Симонов «Разные дни войны». М. Художественная литература, 1974 г. Т. 9. С. 186–190.
[9] Д. Ортенберг «Это останется навсегда». Москва, 1981 г. С. 50
[10] Смык Е. С. «Он жил у нас». Гулькевичи. Типография газеты «В 24 часа», 1997. С. 9.
[11] Из личного архива.

Для рубрики «Родиноведение», которую мы продолжаем на страницах нашего журнала, весьма значим вопрос, прозвучавший в трогательной и глубокой песне Вениамина Баснера на слова Михаила Матусовского (из фильма Владимира Басова «Щит и меч») «С чего начинается Родина?». Консультант фильма разведчик Александр Пантелеймонович Святогоров, выступая перед худсоветом, говорил о состоянии человека, вынужденного десятилетиями жить среди врагов и чужого народа: «Не о парадах и субботниках человек вспоминает на чужбине и уж, конечно, не о "должны мы неудержимо идти в последний смертный бой". Вспоминает он о колодце в родительском дворе, о деревце в саду, о мамином сказке на ночь, о соседской девчонке…» Родители, товарищи, земляки, родная улица, хутор, станица, село, край должны всегда присутствовать в нашей памяти, определять наши дела и поступки. В этот раз мы представляем на суд читателей материалы кубанских историков О. В. Матвеева о станице Павловской и С. Н. Шаповалова об островных поселенцах Анапского района.

РОДИНОВЕДЕНИЕ

«Кубанские новости»

Архив Олега Матвеева

ОЛЕГ МАТВЕЕВ

Родился в 1965 году в Стерлитамаке. Доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета. Автор многих фундаментальных работ по казачеству и истории народов Северного Кавказа.
Живёт в Краснодаре.

СТАНИЦА ТРУЖЕНИКОВ И ГЕРОЕВ*

Административным центром современного Павловского района Краснодарского края является станица Павловская, расположенная в степной части Кубанско-Приазовской равнины на реке Сосыке. Ее история интересна и поучительна . Отдельные аспекты исторического развития Павловской представлены в работах местных краеведов (В. П. Кукса, П. Ф. Ризель, Е. А. Дикий и др.), но яркое и богатое прошлое станицы еще ждет своего профессионального исследователя.

Станица Павловская была основана 20 августа 1822 г., когда «во вновь назначенное при речке Сосыке выше плотины капитана Самсона Белого куренное селение», названное Сосыкским, прибыла партия переселенцев из 19 семей во главе со старшиной Василием Левченко [1, с. 31]. Все переселенцы (64 муж., 49 жен.) были из местечка Батурина и соседних с ним сел Городища и Пилчиков Батуринской волости Конотопского повета Черниговской губернии [1, с. 37]. 23 августа 1822 г. в Сосыкское селение прибыли со старшиной Петром Коваленко 23 семьи из Гадяцкого повета Полтавской губернии. 17 августа 1825 г. в Сосыкское куренное селение прибыла партия переселенцев из Новгород-Северского повета Черниговской губернии. 9 июня 1827 г. Сосыкское селение было переименовано в Павловское [1, с. 35].

Согласно местному народному преданию, селение было названо Павловским потому, что «в этих местах поселился возвратившийся с туретчины отставной полковник Павлов». По другой версии, первопоселенцы прибыли в день святых Петра и Павла – 29 июня, в честь праздника одна группа основала селение Петровское, другое – Павловское. Однако известно, что основанное селение пять лет носило название Сосыкское.

Старожилы также высказывали мнение, что Павловкой называлось село в Черниговской губернии, откуда прибыли переселенцы, поэтому это название было перенесено на станицу [2]. Однако среди метропольных сел, откуда прибыли переселенцы из Черниговской губернии, Павловка в документах не упоминается. Опять же встает вопрос, почему селение сразу не было названо Павловским.

Скорее всего, имя селения было определено приказом 1827 г. по наименованию Павловского поста на Черноморской кордонной линии [3, с. 70], где, по-видимому, несли службу сосыкские казаки. Поскольку посты чаще всего назывались в честь лиц императорской фамилии [3, с. 69], то в этом названии очевидно сохранилась память об императоре Павле I.

В 1842 г. куренное селение Павловское стало станицей. Согласно описанию, составленному в 1861 г., в станице Павловской имелось 332 двора, проживало 2136 казаков (1066 муж., 1070 жен.), 3 чел. других сословий (2 муж., 1 жен.). В окрестностях станицы располагались 13 хуторов, где проживали 39 муж. и 37 жен. [1, с. 36].

Согласно переписи 1897 г., в станице Павловской проживали уже 6134 чел. (3047 муж., 3087 жен.), из них 3561 чел. (1756 муж., 1805 жен.) принадлежали к казачьему сословию, 2573 (1291 муж., 1282 жен.) – к иногородним. Грамотными были 1141 муж. (905 – казаки, 236 – неказаки), 252 жен. (183 казачек и 69 иногор.). 1378 семей были православными, 1 – староверческая, 26 семей были зафиксированы как «другие христиане». По родному языку 161 семья считала себя русскими, 1201 – малороссами, 17 проходили по графе «другие европейские языки» [4, с. 92–95]. Притоку населения способствовало введение в строй 15 августа 1875 г. Ростово-Владикав-

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта No 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/.*

казской железной дороги, которая проходила через Павловскую. 10 июля 1911 г. через Павловскую стала действовать Ейская железная дорога.

Станица делилась на края: Во́дина (за рекой), Свынячий поселок (юго-восточная часть в районе современного памятника с танком), Прыче́па (квартал подселявшихся), Собачкú (в районе рынка, где был пустырь с бродячими собаками), Центровики (район стадиона) [2]. Среди старожильческих фамилий станицы Павловской были представлены: Бабычи, Бойко, Бондари, Бутко, Голобородько, Горбани, Гузий, Дикие, Дорошенко, Кваша, Коваленко, Коропы, Левченко, Лиходед, Ляшенко, Мищенко, Московцы, Правдий, Рудовы, Семенцовы, Турчины, Топчие, Черные, Шашко, Шевченко, Шутько, Ярошенко и др. [5, л. 44 об.].

В 1912 г. в станице Павловской имелись двухклассное Павловское Пушкинское станичное училище (заведующий – Михаил Феоктистович Извеков), Павловское Лермонтовское одноклассное училище (заведующий – Василий Семенович Боярский), Павловское Северное одноклассное училище (заведующий – Мина Прокофьевич Бычков), одноклассное Павловское Шевченковское училище (заведующий – Николай Васильевич Бондаренко) и Павловское иногороднее училище. В годы Первой мировой войны инспектором открытого в станице высшего начального училища служил русский, впоследствии известный советский писатель Федор Васильевич Гладков. Здесь Гладков поверил в свои литературные силы, написал рассказы и статьи «Чем живут наши дети», «Открытое письмо», «Пучина», работал над повестями «Изгои», «Старая секретная», собирал материалы для рассказа «Зеленя» и повести «В октябре».

Стоит вспомнить и другого писателя, фольклориста, уроженца станицы Павловской – Александра Ефимовича Пивня (1872–1962), который помогал кубанскому этнографу М. А. Дикареву собирать фольклорно-этнографические материалы, а после смерти последнего продолжал эту работу самостоятельно. Начиная с 1904 г. А. Е. Пивень стал печатать сборники кубанского фольклора, записанного в том числе в станице Павловской: «Збираници повный мих на забаву и на смих», «Сим кип брехеньок», «Торбина смиху та мишок реготу», «Черноморские выдумки, или три короба», «Козацьки розвагы» и др.

С Павловской связано и имя выдающегося кубанского историка Прокофия Петровича Короленко, имевшего хутор в восьми верстах от станицы. П. П. Короленко часто бывал в станице Павловской, где у него было много знакомых, встречался со своими арендаторами. Наблюдая страдания станичников ввиду отсутствия лечебного учреждения, в 1908 г. историк выделил станичному обществу 10 тыс. руб. на строительство больницы в Павловской. В советское время имя Прокофия Петровича в станице было забыто, а установленная в 1970-е гг. мемориальная доска на здании больницы почему-то посвящена его знаменитому однофамильцу – писателю-народнику В. Г. Короленко, хотя последний ни разу в Павловской не был [1, с. 200].

В 1834 г. тщанием прихожан в Павловском куренном селении был возведен деревянный православный храм, получивший посвящение во имя чудесного Успения Пресвятой Богородицы. 15 августа 1872 г. его сменил второй деревянный Успенский храм. В 1930-е гг. Успенский храм был разобран, теперь на его месте центральный парк. Молитвенный дом воссозданного Успенского прихода был устроен в ныне несуществующей хате близ пересечения современных улиц Гладкова и Крупской. Кроме того, в 1909 г. была возведена и освящена каменная Свято-Троицкая церковь [6, с. 188].

Многие павловчане доблестно защищали страну в годы Первой мировой войны. Так, вахмистр 3-го Уманского конного полка Лопата Антон Иосифович за доблесть был награжден Георгиевским крестом IV степени и Георгиевской медалью II степени [7, с. 849]. Георгиевским крестом IV степени был награжден казак станицы Павловской 5-го Кубанского пластунского батальона Макар Коваленко [7, с. 642]. Отличился Семен Горгуль, старший урядник 11-го Кубанского пластунского батальона, который был награжден Георгиевским крестом IV степени и Георгиевской медалью IV степени в 1916 г. [7, с. 318]. Георгиевскими крестами III и IV степени

Казачья семья станицы Паловской. Начало XX в. *КФЭЭ-2022*

был отмечен за храбрость Яков Иванович Черный, младший урядник 11-го Кубанского пластунского батальона [8, с. 724]. Георгиевскими крестами IV степени были награждены Глянь Платон, 1887 г. р., казак 11-го Кубанского пластунского батальона [7, с. 291], Лопата Козьма, приказный 1-го Уманского конного полка [7, с. 849]. Приказный 17-го Кубанского пластунского батальона Ерещенко Роман Филиппович, 1891 г. р., награжден Георгиевскими крестами III и IV степени [7, с. 465]. Георгиевским крестом IV степени и Георгиевской медалью II степени был награжден Ерещенко Козьма, приказный 11-го Кубанского пластунского батальона, который без вести пропал 12 мая 1915 г. [7, с. 465]. Полными Геогиевскими кавалерами стали младший урядник 2-го Уманского конного казачьего полка Гудзь Михаил Романович, погибший в 1915 г. [7, с. 352], и прапорщик 2-го Уманского полка Савва Васильевич Степаненко, 1887 г. р. [8, с. 519]. Немало было среди павловчан погибших, пропавших без вести, умерших от ран казаков и иногородних [9].

Значительный урон население станицы понесло в годы Гражданской войны. На мемориальной плите, установленной 20 декабря 2019 г. в память о трагически погибших только в 1918 г., значится 110 фамилий жителей станицы Павловской [10]. О накале социального противостояния документы рассказывали и спустя десятилетия после окончания Гражданской войны. Так, в 1934 г. в письме, пришедшем в Павловский райком партии, говорилось: «Я, Горлова А. З., жительница станицы Павловской, член ВКП(б) с 1930 г., знаю Буглака Григория Григорьевича – житель станицы Павловской, казак, отец его во время занятия станицы белыми в 1918 г. издевался над

убитыми красноармейцами, долбал палкой мертвым глаза, приговаривая: "О це вам земли и все". Сам Григорий Буглак во время белых издевался над сестрами красноармейцев, которые ушли в ряды Красной армии, бил и вырывал косы. Брат Буглака Степан был в банде в 1920–1924 гг., во время высылки кулачества все сбежали, оставили свою домашность. Григорий Буглак был комсомолец, после за разлагательство, как чуждый, исключен. После он поступил в ряды ВКП(б), также был исключен, в данное время мне передали, что он работал в Крайосо и состоит в рядах ВКП(б)» [11, л. 231]. Со временем ожесточение проходило, павловчане становились членами одной большой колхозной семьи, однако на уровне семейной памяти горечь непоправимых потерь ощущалась и много позже.

Если в 1913 г. численность жителей станицы составляла 12223 чел. (6190 казаков и 6033 иногородних) [12, с. 394], то спустя 13 лет население даже несколько уменьшилось. По переписи 1926 г. в станице Павловской имелось 2762 хозяйства, проживали 12 123 чел. (5768 муж., 6365 жен.). 6503 чел. (3070 муж., 3433 жен.) назвали себя казаками, 8227 чел. (3906 муж., 4321 жен.) – украинцами, 3177 чел. (1497 муж., 1680 жен.) – великороссами [13, с. 152].

Часть населения станицы Павловской говорила на так называемом малороссийском наречии. В 1922 г. был объявлен курс на «украинизацию» края, которая проводилась в русле непримиримой борьбы с «великодержавным шовинизмом». Между тем вопрос о языке, бытовавшем на Кубани, был

Павловчане. 1930-е гг. *Материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции, 2022 г.*

куда более сложным. Лишь позднее было научно доказано, что распространенный в восточной части Кубани говор является местным диалектом на восточноукраинской основе. Писали и читали кубанцы по-русски, пользуясь русской орфографией. Никого это особо не смущало и являлось местной кубанской этнокультурной особенностью. В протоколе заседания бюро Павловского района от 5 сентября 1925 г. отмечалось, «что учителя, помимо желания населения, объявляют школу украинской и на украинском языке насильственно обучают детей» [14, л. 44]. Было принято решение «предложить Комфракции РИКа выявить среди населения о желательности преподавания грамоты на украинском языке и количество желающих учиться на означенном языке», собранные данные предоставить на бюро райкома [14, л. 44]. Однако постепенно мероприятия по украинизации приобрели обязательный, а затем и принудительный характер. Начался процесс перевода делопроизводства районных организаций и учреждений на украинский язык. На местах насильственная политика украинизации бойкотировалась. Согласно нашим полевым материалам, родители отказывались водить детей в украинские школы. В одном из решений бюро Павловского райкома за 1931 г. отмечалось: «Предупредить руководителей учреждений и организаций, что за непринятие мер в проведении украинизации Бюро РК ВКП(б) будет принимать суровые меры к лицам, срывающим украинизацию, как за невыполнение директив партии в проведении национальной политики и проявлении великодержавного шовинизма» [15, л. 131 об.]. Разговорный украинский язык большинство кубанцев понимали и не воспринимали как чужой, но письменная украинская речь и навязываемая печатная продукция воспринимались как нечто чуждое, массово игнорировались. Механическая украинизация зашла в тупик, и в 1932 г. было принято решение о ее прекращении.

Весной 1928 г. в станице Павловской был создан колхоз «Добрые семена» [16, с. 45]. В августе 1929 г. в Павловской организовался колхоз-гигант «Путь хлебороба», который насчитывал 11 тыс. колхозников. В 1932 г. вместо одной сельхозартели было образовано девять колхозов. В начале 1930-х гг. в район, в том числе в районный центр наблюдается приток украинского населения. В связи с этим бюро Павловского райкома отмечало 17 апреля 1932 г.: «За последнее время имеет место большой наплыв украинского населения с семьями в район. Большая часть из них напирает на прием в колхозы, а последние без согласия и ведома района принимают их в колхозы, тем самым создают излишние резервы рабочей силы, антагонизм между коренными и пришлыми колхозниками, расход имеющихся для питания общественных фондов и т. п.» [1, с. 258].

Среди жителей станицы были 112 человек, лишенных избирательных прав [1, с. 238]. Кроме того, конец 1932 – начало 1933 гг. сопровождались страшным голодом, унесшим в могилу многих жителей станицы. Вымирали целыми семьями. «Для ликвидации смертности от истощения» постановлением бюро Павловского райкома ВКП(б) от 3 мая 1933 г. было отпущено 400 пудов муки «для продпомощи истощенным нуждающимся колхозникам и единоличникам». Организовывались «питательные пункты с расчетом обслуживания на дому нуждающихся пищей в жидком состоянии» [17, с. 311]. Однако многих павловчан уже было не вернуть... Согласно переписи 1939 г. в станице Павловской проживали 12 279 чел., т. е. по сравнению с переписью 1926 г. численность населения станицы практически не изменилось, хотя должна было вырасти минимум в два раза в случае естественного прироста населения.

В 1933 г. в районе стали размещать семьи красноармейцев из Белорусского военного округа. Переселение белорусов происходило на фоне насильственного изъятия хлебозаготовок и бегства от голода местного населения, поэтому нередко приводило к конфликтным ситуациям. В протоколе заседания бюро Павловского райкома от 14 июля 1933 г. отмечалось, что в колхозе «На страже» Павловской МТС «совершено нападение на переселенцев Гаденко, комсомольца-ударника, и Щедрова, ударника, со стороны разложивше-

гося Ворошилова – сына торговки, и Костюченко – с возгласами "бей белорус"». Этот случай, по мнению райкома, «представляет собой вылазку классового врага, направленную на запугивание, терроризирование переселенцев с целью сорвать успешное проведение хлебозаготовительной компании». Бюро решило «просить Крайсуд срочно выслушать дело показательным порядком с обеспечением суровой меры соцзащиты» [18, л. 54]. Встретив неприязненное отношение павловчан, многие белорусские переселенцы уезжали из района. А. С. Кайчула отмечал, что «трудности, которые встретили красноармейских переселенцев, многих запугали, и они спасовали перед трудностями, многие позорно дезертировали» [19, л. 32]. В 2010 г. в Павловском районе проживали 275 белорусов.

В Великой Отечественной войне приняли участие около 3 тыс. станичников, многие из них не вернулись с фронта, немало было инвалидов войны [20]. О численности не пришедших с войны, погибших, умерших в плену, пропавших без вести судить сложно, поскольку имеются данные лишь по около 680 фронтовикам-павловчанам [21], но, учитывая общие тенденции потерь, можно предполагать, что погибло не менее трети призванных.

В боях с захватчиками многие павловчане проявили мужество и героизм. Так, в составе легендарного 4-го Гвардейского кавалерийского казачьего корпуса имелся эскадрон, скомплектованный из жителей станицы Павловской. Г. П. Романюк писал в своих воспоминаниях: «Мне выпала честь командовать эскадроном, сформированным из казаков, проживающих в населенных пунктах Павловского района. Этот эскадрон хотя и имел порядковый номер, именовался Павловским. Много славных подвигов совершили казаки эскадрона» [16, с. 55]. В составе 9-й Краснодарской пластунской дивизии храбро сражался Иван Карпович Кушнарев, председатель колхоза «За мир и труд», кавалер орденов Славы III степени и Красной Звезды, который вместе со своим земляком павловским казаком Василенко не раз ходил в разведку и доставлял в штаб дивизии «языков». Звания Героя Советского Союза были удостоены летчик Александр Степанович Корнев, школьные годы которого прошли в станице Павловской. Немало павловчан сражались в составе партизанского отряда «Степной», действовавшего в Горячеключевском и Северском районах края [1, с. 380–381].

Во время оккупации станицы немецко-фашистскими захватчиками учинялись расправы над мирным населением. Согласно акту Павловской районной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников от 14 февраля 1943 г. в противотанковом рве, находящемся в полутора километрах от станицы Павловской на юг от станции Сосыка Ейская, были найдены тела «38 ... расстрелянных граждан, из них мужчин – 12, женщин – 20 и детей – 6» [22, с. 158–159].

Согласно переписи 1959 г. в станице Павловской проживали 16 652 чел., в 1970 г. – 23 627, в 1989 г. – 28 744 чел. Росту населения способствовало развитие сельского хозяйства и промышленности. В послевоенный период было возведено свыше 15 промышленных предприятий и строительных организаций, годовой объем которых стал составлять почти 100 млн руб. Самым крупным из них был Павловский сахарный завод, введенный в эксплуатацию в 1959 г., за короткий срок он превратился во флагмана пищевой промышленности Краснодарского края. Если в 1960 г. здесь было выработано 10 611 т сахара, то в 1976 г. его выработка превысила 60 371 т. [16, с. 56]. Значительный вклад в укрепление экономики станицы Павловской внесли коллективы промышленных цехов Тихорецкой швейной фабрики, комбината бытового обслуживания, кирпичного завода, полиграфического объединения, коконосушилки, райсельхозтехники, автоколонны № 1488, треста «Мелиоводстрой», полигона железобетонных изделий, железнодорожных станций Сосыка Ростовская и Сосыка Ейская и др. В 90-е гг. вместо названий государственных предприятий появилось более восьмидесяти названий разного рода – АО, ЗАО, ООО, ОАО, АОЗТ, МПЖКХ, частные малые, арендные предприятия и др. [23, с. 114].

В 2002 г. в станице проживали 30 736 чел., в 2010 г. – 31 327 чел. По-видимому, рост населения был связан с механическим приростом: в районный центр перебирались из «бесперспективных» хуторов и малых станиц, мигранты. С началом 2020-х гг. численность населения поползла вниз: в 2021 г. в станице Павловской проживали 29 514 тыс. чел.

Станица дала стране немало тружеников, хлеборобов, освоивших степные черноземы, воинов и героев, отстоявших страну в годы грозных испытаний, подвижников культуры и народного образования, сохранявших духовное наследие и преемственность традиционных ценностей. ■

Труженики станицы Павловской на выделке саманного сарая. *КФЭЭ-2022*

1. Дикий Е. А. Наш Павловский район: краеведческие очерки. – Краснодар: Диапазон-В, 2019. – 408 с.

2. Материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 2022 г. Ст. Павловская Павловского р-на Краснод. кр.

3. Самовтор С. В. Отражение процессов казачьей колонизации в топонимии Кубани (конец XVIII – начало XX в.). Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. – 189 с.

4. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров переписи 1897 г. / Под ред. Л. В. Македонова. – Екатеринодар: Тип. Куб. Обл. Правл., 1906. – 589 с.

5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 574. – Оп. 1. – Д. 800.

6. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В. В. Белоконь. – Ставрополь: Бюро новостей, 2012. – 448 с.

7. Стрелянов (Калабухов) П. Н. Казаки Кубанского войска в Великой, гражданской войнах и эмиграции. Чины конных полков, пластунских батальонов, артиллерийских батарей, особых сотен, военно-учебных заведений и войсковых структур. – М.: Стихира, 2017. – Т. I (А-Л). – 876 с.

8. Стрелянов (Калабухов) П. Н. Казаки Кубанского войска в Великой, гражданской войнах и эмиграции. Чины конных полков, пластунских батальонов, артиллерийских батарей, особых сотен, военно-учебных заведений и войсковых структур. – М.: Стихира, 2017. – Т. II (М-Я). – 848 с.

9. Памяти героев Великой Войны. 1914 – 1918. // URL: https://gwar.mil.ru/heroes/?birth_place=%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0%20%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F&birth_place_gubernia=%D0%9A%D1%83%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C&groups=awd:ptr:frc:cmd:prs&types=awd_nagrady:awd_kart:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_spiski_zahoroneniy:potery_voennoplen:frc_list:cmd_commander:prs_person&page=1 (Дата обращения 10.05.2025).

10. Открытие мемориальной плиты // URL: https://www.kubzsk.ru/news/10822/ (дата обращения 12.04.2025).

11. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). – Ф. 1384. – Оп. 1. – Д. 77.

12. Кубанский календарь на 1913 год / под ред. Л. Т. Соколова. – Екатеринодар: Тип. Куб. Обл. Правл., 1913. – 752 с.

13. Поселенные итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю. – Ростов-на-Дону: Гостипогр им. Коминтерна, 1929. – 551 с.

14. ЦДНИКК. – Ф. 1384. – Оп. 1. – Д. 15.

15. ЦДНИКК. – Ф. 1384. – Оп. 1. – Д. 62 в.

16. Кукса В. П. Павловская. – Краснодар: Кн. изд-во, 1983. – 64 с.

17. Прил. I. Перечень документов из некоторых фондов Центра документации новейшей истории Краснодарского края о хлебозаготовках и голоде на Кубани в 1932–1933 гг. / Сост. И.Ю. Бондарь, Н.Г. Попова // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г. Материалы научно-практической конференции / Под ред. Н. И. Бондаря, О.В. Матвеева. – Краснодар: Изд-во «Традиция», тип. «Плехановец», 2009. С. 236–335.

18. ЦДНИКК. Ф. 1384. – Оп. 1. – Д. 68.

19. ЦДНИКК. Ф. 1384. – Оп. 1. – Д. 75.

20. Ефименко Н. И. Станица Павловская // URL: https://slavakubani.ru/news/arkhivnye-materialy/?ELEMENT_ID=5571 (Дата обращения 12.12.2024).

21. Администрация муниципального образования Павловский район Краснодарского края. Официальный сайт. // URL: https://pavl23.ru/item/1745953 (Дата обращения 12.12.2024).

22. Кровавые страницы немецко-фашистской оккупации на Кубани: сборник документов и материалов о военных преступлениях нацистов против мирного населения в Краснодарском крае 1942–1943 гг. / авт.-сост. Н. А. Гангур, Д. И. Гангур. – Краснодар: Традиция, 2021. – 207 с.

23. Ризель П. Ф. Природа и экономика муниципального образования Павловский район. – Ст. Павловская: ОАО «Куб. полиграф. объед», 2012. – 191с.

Архив Сергея Шаповалова

СЕРГЕЙ ШАПОВАЛОВ

Родился в 1986 году в Ейске. Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета. Автор работ по истории заселения северо-восточного берега Черного моря в XIX веке. Живёт в Краснодаре.

ОСТРОВНЫЕ ЖИТЕЛИ АНАПСКОГО РАЙОНА В XIX ВЕКЕ *

Гражданское освоение северо-восточного берега Черного моря началось в первой трети XIX в. Центром притяжения населения на несколько десятилетий стала бывшая османская крепость Анапа, переданная во владение Российской империи по условиям Адрианопольского мира. Новоприобретенные земли привлекали российских крестьян слухами о местных урожаях, различных льготах и поощрениях, прощении проступков. Однако благоприятность климатических условий и местных почв в значительной мере нивелировалась военной опасностью со стороны горских народностей.

Сложившееся положение вынуждало переселенцев осваивать менее благодатные земли, расположенные вблизи укреплений, постов и редутов. Одним из ярких примеров вынужденного освоения неблагоприятных для сельскохозяйственной деятельности территорий стало заселение одного из островов, образованного на северо-восточном берегу Черного моря в месте впадения протоков рек Джиги и Кубани в Кизилташский лиман. Его жители числились в первой половине XIX в. в составе Закубанского поселения. Само поселение включало в себя крепость Анапу и станицы: Александровскую, Николаевскую, Суворовскую, Витязеву и Благовещенскую с их поселками.

В силу удаленного местоположения станицы Благовещенской от мест проживания горского населения она стала самым безопасным населенным пунктом в составе Закубанского поселения. Ее преимуществами перед другими пунктами стали: близость Кизилташского лимана и Бугазской переправы (через нее происходило перемещение населения в соседнюю землю Черноморского казачьего войска), защищенность станицы гарнизонами крепости Анапы и укрепления Джеме, близость к дороге, соединявшей Анапу и Тамань.

В связи с безопасным положением станицы Благовещенской ей было назначено иметь только два крепостных орудия, но поселение все же было обнесено рвом. Как и в прочих поселениях здесь были устроены бастионы и станичные ворота. Небольшая площадь новой станицы позволила Анапскому временному правлению возложить все работы по устройству населенного пункта на водворявшихся здесь жителей. Для облегчения и ускорения работ использовался труд поселян, которые демонстрировали «неблаговидное поведение» [1, л. 22].

Небольшая площадь Благовещенской станицы позволила поселить здесь лишь 30 семей. Однако привлекательное и безопасное местоположение постоянно привлекало население. За неимением мест они стали жить вблизи станицы, создав первые поселки в Закубанском поселении. Один из них получил наименование поселок при Благовещенской станице, а другой назывался поселок при Благовещенской стрелке. Их жители были тесно связаны со станицей в земледельческом, торговом и административном отношениях.

К началу 1840-х гг. поселенческие возмож-

* *Статья написана при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096 https://rscf.ru/project/24-18-20096/*

ности станицы Благовещенской и ее поселков были исчерпаны. С разрешения начальства переселенцы стали осваивать акваторию Кизилташского лимана. Выбор станичных властей и населения пал на остров, располагавшийся в одноименном лимане между протоками рек Кубани и Джиги. Он был удален всего на одну версту от поселка при Благовещенской стрелке, а от одноименной станицы его отделяло пять верст пути. С началом заселения ранее безымянный остров получил необычное и многообещающее наименование – Счастливый остров.

Его площадь достигала 12 верст, что составляло около 13 км. Он был образован благодаря речным наносам протоков Кубани и Джиги. Остров был невысоким, что не позволяло переселенцам использовать всю его площадь для заселения. Низинные места подтапливались речными потоками и водами Кизилташского лимана, особенно во время таяния снегов и обильных дождей. В низинах нельзя было строить дома и разбивать огороды. Небольшая часть Счастливого острова имела возвышенную песчаную полосу земли до 600 сажень (около 1280 м) с покатостями в сторону Кизилташского лимана. Именно эта островная территория была избрана для основания постоянного поселения.

На Счастливом острове не было источников пресной воды, а окружавшие его воды Кизилташского и Кубанского лиманов отличались соленостью. Поэтому вся необходимая питьевая вода привозилась жителями из ближайших пресных протоков Кубани и Джиги. На острове росли лозы и имелись небольшие лесные участки. Все эти материалы использовались только для разведения огня и приготовления пищи. Почвенный покров острова состоял из песка, который был перемещен с плодородной почвой, вынесенной сюда водами Кубани и Джиги, и был пригоден для выращивания некоторых огородных культур.

Заселение Счастливого острова началось в 1842 г. [2, л. 6]. После этого в составе Закубанского поселения появилась уникальная островная территория. Ее население на первых порах составили 12 семей и около 70 одиночных поселенцев. Все они были выходцами из крестьянского сословия и никогда ранее не имели опыта проживания на островах. Однако недостаток мест для водворения в Анапе и других местах Закубанского поселения, усталость от вынужденного постоянного поиска заработков на землях Черноморского казачьего войска заставили их изменить привычный образ жизни и превратиться в «островитян».

Все необходимые материалы для строительства домов на Счастливом острове привозились из протоков реки Джиги. Ее берега поросли различными породами деревьев и камыша, которые использовались для возведения каркасов домов и покрытия крыш. Срубленные бревна сплавлялись по реке, которая выносила их в низменные места острова. Близость и значительные запасы строительных материалов позволили построить поселение в течение летних месяцев 1842 г. Плодородные участки острова были поделены на огороды между его жителями.

Хозяйственная деятельность поселян на Счастливом острове состояла из рыболовства, охоты, огородничества и ремесел. Рыболовство было распространено в соседних лиманах и в протоках рек. Большие запасы различных сортов рыбы обеспечивали продовольствием островитян и давали им возможность постоянно зарабатывать. К 1847 г. на Счастливом острове действовало три рыбных завода. Для сравнения: в остальных станицах Закубанского поселения, расположенных на берегу Кизилташского или Кубанского лиманов, действовали всего по одному такому заводу [1, л. 79об-80]. Отдаленность новой территории от мест проживания первых переселенцев способствовала сохранению здесь различной пернатой дичи, которая в большом количестве была представлена на острове. Охота также давала возможность постоянных заработков, поддерживала благосостояние жителей Счастливого острова.

Однако начальство Закубанского поселения прекрасно осознавало, что вчерашние крестьяне не смогут полностью отказаться от привычного образа жизни и порвать свои связи с землей. Недостаток земельных ресурсов на острове не позволял провести межевание участков и создать крепкие земледельческие хозяйства. Поэтому было принято решение выделить из земельного фонда станицы Благовещенской часть пахотных полей и передать их в распоряжение жителей Счастливого острова.

Получив земельные участки, островные жители стали выращивать пшеницу, рожь, овес и другие сельскохозяйственные культуры. Для обработки своей пашни островитяне обзавелись скотом. По состоянию на 1847 г. 11 семьям принадлежало 16 голов рабочего и 11 гужевого скота. Главной сложностью для всех островитян было лишь отдаленное расположение их пахотных полей от мест проживания. Участки для пашни выделяли на территории Благовещенской степи (так называемый Благовещенский степок), до которой еще нужно было добраться. Однако наделение жителей Счастливого острова пахотными полями играло важную роль в формировании и поддержании их благосостояния. Успехи в охоте и рыболовстве зависели от многих обстоятельств и не всегда гарантировали обеспечение для поселян.

Одной из хозяйственных особенностей жителей Счастливого острова было обладание большим число лодок. По состоянию на 1847 г. за 11 семьями островитян их числилось девять. В это же время в станице Благовещенской была одна лодка, а в Суворовской – девять, но на 165 семей [1, л. 81об-82]. Владение лодками позволяло заниматься промыслами, в том числе по добыче древесины и ее продаже в другие населенные пункты, перевозкой различных казенных и частных грузов, поддерживать коммуникацию с другими станицами Закубанского поселения, имевшими доступ к акватории Кизилташского или Кубанского лимана.

Наиболее тесные взаимоотношения жители Счастливого острова поддерживали с поселянами на Благовещенской стрелке, которая была минимально удалена от них. Сюда они привозили для обмена или продажи древесину, пернатую дичь и разные сорта рыбы. В свою очередь, островитяне нуждались в различных ремесленных и промышленных товарах, которые производились в Закубанском поселении или закупались из соседней Черномории. В административном плане жители Счастливого острова были подчинены начальству Благовещенской станицы, так как она была ближе всех расположена и связана с ними земельными отношениями.

Жители Счастливого острова были приписаны к православному приходу станицы Благовещенской. В местном молитвенном доме проходили воскресные и праздничные службы, обряды венчания, крещения, отпевания. Все жители острова исповедовали православие и участвовали в делах своего прихода.

Заселение и освоение Счастливого острова имело важное стратегическое значение для всего Закубанского поселения. Оно позволило сблизить станицы Витязеву и Благовещенскую через пространство Кубанского лимана. Теперь поселяне могли добираться до Благовещенской стрелки или Счастливого острова и далее безопасно следовать в станицу. Сам остров был удобно расположен в качестве временной стоянки во время плавания по Кубанскому и Кизилташскому лиману в сторону Бугазской переправы. Островитяне объезжали все верхние протоки Кубани, посещали Андреевский и прочие посты черноморских казаков по Кубани и не позволяли горцам внезапно нападать на жителей Витязевой станицы [1, л. 36].

При всех своих достоинствах поселение на Счастливом острове имело важный недостаток. Геологическое строение острова не позволяло заселять и осваивать всю его территорию. Поэтому за 12 лет существования поселения его численность лишь незначительно увеличилась. По состоянию на 1853 г. на острове проживало

17 семей, состоявших из 72 душ мужского и 28 женского пола [4, л. 2].

Медленный прирост населения был вызван особенностями водворения населения в Закубанском поселении. Для получения разрешения требовалось не только соответствовать определенным критериям хозяйственности: обладание земледельческими орудиями, рабочим скотом, семенным фондом, но и дождаться появления свободных мест в населенных пунктах, например, в результате расширения их площади или строительства новых. Кроме того, пахотные площади станицы Благовещенской не увеличивались, а население ее поселков, в том числе Счастливого острова, постепенно возрастало. Отсутствие свободных земельных фондов не позволяло обеспечивать пахотной землей новых островных жителей, что существенно снижало у новых переселенцев желание водворяться на этой специфической территории.

Заселение и освоение Счастливого острова было прервано в результате начавшейся Крымской войны. В 1854 г. в период угрозы захвата населенных пунктов северо-восточного берега Черного моря со стороны англо-французской эскадры начальство приняло решение об эвакуации станиц и населенных пунктов Закубанского поселения в соседнюю землю Черноморского казачьего войска. В результате жители Счастливого острова были перемещены вместе с поселянами других станиц и поселков в черноморские казачьи станицы в Таманском округе.

В последующих отчетах Анапского временного правления они числились как островитяне, хотя с 1854 г. и проживали в различных черноморских станицах. По состоянию на 1857 г. жители Счастливого острова проживали в станице Новоминской Ейского округа Черноморского казачьего войска. Здесь обосновалось 17 семей, состоявших из 76 душ мужского и 43 женского пола [4, л. 2об-3].

Осенью 1857 г. по инициативе Наместника Кавказского князя Александра Ивановича Барятинского жителям всех населенных пунктов бывшего Закубанского поселения было предложено переселиться в станицы Кавказского линейного казачьего войска. Большая часть из них, в том числе поселяне Счастливого острова, приняли это предложение. Переселение было намечено на весну 1858 г. [5, л. 2].

После завершения Крымской войны по условиям Парижского мира Российская империя не имела права укреплять побережье Черного моря и не спешила восстанавливать Закубанское поселение. Этому препятствовала и продолжавшаяся война с горскими народностями. В результате бывшие поселяне Счастливого острова, так и остались приписанными к новым населенным пунктам, а уникальный опыт островного поселения более не был востребован на северо-восточном берегу Черного моря. Прибывшее во второй половине XIX в. в Анапу и ее окрестности население уже не нуждалось так остро в земле, как более ранние переселенцы, и реализовывало себя в различных формах торговой и промысловой деятельности. Возникшие на месте прежних населенных пунктов станицы, например, Благовещенская, Витязева и прочие, не были стеснены недостатком земельного фонда, и их жители не рассматривали возможности освоения островов, располагавшихся в Кизилташском и Кубанском лиманах. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 788. Оп. 1. Д. 55.
2. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11.
3. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 162.
4. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 154.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 2211.

Карта Закубанского поселения первой половины 1840-х гг. *Фото Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).*

ГОСТЬ НОМЕРА

Наталья Возжаева

ru.freepik.com

«МОЙ КОСМОС ДОЛЖЕН БЫТЬ ОБИТАЕМ»

Беседа Даниила Диденко с Натальей Возжаевой

– Наталья, семейная тема, тема детства – нередкие «гости» Ваших стихотворений. Это придает особую, уютную атмосферу Вашей поэзии. Расскажите, пожалуйста, кто из близких, родных людей повлиял на Вас больше всего в детстве, отрочестве, юности?..

Н. В.: Все. Никто отдельно, но все вместе. Так сложилось в нашей семье, что все мы «однолюбы». Бабушка с дедом прожили вместе более полувека. Мои родители – тоже. Мы с мужем – всего ничего – 33 года. Кто-то скажет «повезло», но это не совсем правильно. Совместная жизнь – это труд. Понять друг друга, поддержать, простить, наконец, – это труд. Но при наличии любви. Дед посмеивался над бабушкой, мол, вся в морщинах, а красавица – как так-то? Бабушка ругала деда за «нычки» водочки в поленнице и прочих неожиданных местах, но к праздникам сама ставила пузырек на стол. «Василь, устал, вижу. Выпей, но не сильно!» Нет, алкоголиков не было в семье. Слишком уважали друг друга. Детей обожали. Жили для них. Сейчас модно рассуждать на тему «Родители – дети». В том плане, что родители тоже люди, им тоже жить хочется. Может быть, это и правильно – не знаю. Если не впадать в крайности. Лично мое мнение, если кому интересно, то ребенок должен расти в атмосфере любви. А это случается, когда родители создают эту атмосферу, любя друг друга. Детям не нужны внушения, они их не воспринимают. Им нужен пример перед глазами. Я росла именно в такой атмосфере. И детство у меня было счастливое. Все было очень просто, очень по-людски и очень... вкусно. Наверное, потому мои стихи «пахнут» не трюфелем, а... молодой картошкой с укропом и чесночком. Прощаться тяжело. Ушла эпоха – бабушка с дедушкой. Дед пережил бабушку на несколько месяцев. Что я могу сделать? Только создать им «памятник» из слов. И нежности. Так родилось стихотворение «Она везде»...

«...Ему бы спать, но он боится сна.
Приснится, что сажает чернобривцы
В домашнем платье из простого ситца
Живая и веселая она.
И сон, как жизнь, а может, жизнь, как сон,
И время ничего уже не значит.
Забыв ладонь на голове собачьей,
Десятую за вечер курит он...»

– «Сволочи», «Русские кавказцы», «Кап. Кап...» – все это названия Ваших стихотворений, в которых Вы так или иначе говорите о Грозном. Это тема, с которой связаны самые добрые и одновременно трагические моменты Вашей жизни. Скажите, что заставляет Вас время от времени мысленно возвращаться к этим воспоминаниям?

Н. В.: Уже не так больно. Я очень боялась ехать в Грозный спустя 33 года. Приехали мы с мужем туда в прошлом году. Я не знала, что в человеке столько слез. Это какая-то машина времени. Вот представьте, что вы смотрите на балкон вашей квартиры, а там висят чужие вещи. Вы заглядываете во двор, где прошло ваше детство, а там чужие дети и люди. Нет, я могу уже об этом думать спокойнее, но говорить не хочу. Точкой стало мое стихотворение «Русские кавказцы».

...Тут был шкаф, где хранил свои акварели мальчик.
Мой отец. Под тем железным настилом.
Пожилая чеченка обнимает меня и плачет.
Ничего, – говорю ей, – ничего. Отпустило.

– Лауреат национальной литературной премии «Поэт года», победитель Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман»... Уверен, что это далеко не все Ваши награды, о которых нам известно. И, конечно, будут и новые! Можете рассказать подробнее о своих творческих достижениях?

Н. В.: Даниил, все, что Вы сказали, конечно, так. Но я не горделивый человек. Награды для меня не главное. Лучшая награда для поэта – это когда люди учат его стихи наизусть.

– В последнее время в литературе появилось понятие «Z-поэзии». Что это за явление и как Вы к этому относитесь?

Н. В.: Патриотической поэзии, как мне кажется, не стоит давать какие-то дополнительные обозначения. Она всегда была, есть и будет. Другое дело, когда группа людей целенаправленно пишет на одну и ту же тему – это попахивает популизмом. Быть патриотом – это как быть искренне верующим. Совершенно необязательно громко об этом кричать. Это твой внутренний стержень – не вынуть. Жизнь продолжается несмотря ни на что. Есть у меня об этом...

Мы за столом «о доблестях, о славе,
О подвигах на горестной земле»...
Наш друг сидел, но словно бы не с нами.
Потрескивали угольки в золе.
Наш друг курил, курил весь долгий вечер,
Наш друг смотрел в себя, а не вокруг.
Он попросил налить чего покрепче
И стопку грел, не опрокинув. Вдруг,
Он, оглядев уютное застолье,
Натянуто в улыбку рот скривил
И тихо попросил: «Наташка, спой мне.
Верней, прочти. Но только о любви.
Но только о беседке с тусклой лампой,
О мотыльках, о жимолости спой,
Спой о песчаных пляжах под Анапой
И, может быть, и я спою с тобой».
Я пела, ну, вернее, я читала.
Мелькал в беседке мотыльковый свет,
А он сидел и в сад молчал устало.
Расцветший сад молчал ему в ответ.

– Расскажите о Вашем отношении к критике. Что Вы чувствуете, когда критикуют Ваши стихи?

Н. В.: Вопрос из двух частей. Критика – это хорошо. Профессионально, аргументированно и отстраненно указать автору на «ляпы» и недоработки – значит сделать текст лучше. Ругань – плохо. Но на ругань я внимания не обращаю. Есть у меня несколько друзей-поэтов, к чьему мнению я прислушиваюсь. Но иногда «исправить» – значит «изменить», а это уже вмешательство в процесс.

– Как вы думаете, допустима ли в литературе обсценная лексика?

Н. В.: Хорошо сказал Дмитрий Сергеевич Лихачев: «Если бесстыдство быта переходит в язык, то бесстыдство языка создает ту среду, в которой бесстыдство – уже привычное дело. Существует природа. Природа не терпит бесстыдства».

Меня всегда коробит, когда я слышу, как родители разговаривают матом с детьми. Дурь несусветная, убийственная беспечность, стирание граней между возрастом, полом, полное отсутствие уважения к маленькому человеку, к его месту в семье и будущему этой семьи. Дальше морализировать не буду. В поэзии, раз уж мы называем ее «высшей формой речи», мат не приемлю, если только он не «вбит» в текст одним ударом, словно эмоциональный гвоздь, скрепивший конструкцию, как в стихотворении Маяковского «Вам!».

– Убежден, что в каждом регионе нашей необъятной страны есть свои культурные центры. Вы, как поэт, можете назвать определенный культурный центр на Кубани, некое творческое место притяжения?

Н. В.: Мне всегда приятно приезжать в Крас-

нодар, на факультет журналистики. Меня тут слышат и понимают. Собственно, это и «притягивает» творческого человека. Я не совсем, быть может, правильно поняла вопрос о «культурном центре». Для меня это не некое строение-помещение-клуб-библиотека, а скорее, сообщество людей, с которыми интересно.

– Мы можем назвать примеры классиков русской литературы, нашедших признание за пределами своей малой родины. Например, Виктор Иванович Лихоносов, родившийся в Сибири, но обретший славу на Кубани. Какой центр читательского внимания/любви выделяет для себя поэт Наталья Возжаева?

Н. В.: Даниил, это же очевидно. Для меня честь, что мои стихи так часто появляются на страницах любимого журнала. Знаете, не покривлю душой, если скажу, что именно «Родную Кубань» всегда читаю от корки до корки, предпочитаю бумажный вариант. Возможно, потому, что многих из авторов знаю лично. Это как получать бумажные письма.

– Ваши стихи о Новороссийске пленяют своей душевной теплотой. Почему этот город занял особенное место в Вашем сердце?

Н. В.: Этот город занял особенное место в моем сердце потому, что он особенный. Я не буду вдаваться в исторические подробности – не в этом дело. Если будете в Новороссийске, то обязательно посетите мемориальный ансамбль «Малая Земля», посвященный подвигу советских солдат, которые 225 дней удерживали небольшой плацдарм. Когда вы зайдете внутрь памятника, сделанного в виде носа корабля, когда вы услышите, как стучит сердце, большое, бронзовое, вделанное в стену, то... с вами что-то произойдет. Вы в какое-то мгновение почувствуете ледяной февральский норд-ост и ад, через который прошли эти совсем молодые люди, защитники города. Выйдете вы другим, не замечая мокрого от слез лица. Так все выходят. Я часто приезжаю туда утром, сажусь на траву, дышу морем и думаю. Пытаюсь представить себе, как это – при полной выкладке ухнуть с корабля в ледяную воду, сквозь штормовой прибой выбраться на сушу и... биться! Известный факт, кстати отраженный в еще одном памятнике – «Взрыв», выполненном из настоящих осколков снарядов, авиабомб и мин: на каждого малоземельца пришлось 1250 килограммов смертоносного металла. И земля подо мной вся пропитана кровью этих солдат. Может, потому там так много маков... Я слышала сердце Новороссийска, я чувствую и понимаю этот город. Я любуюсь его розовыми каштанами, тамариском, платанами... Столько переживший, молодой, но уже весь седой...

– В какой момент Вы понимаете, что определенное стихотворение заслуживает быть опубликованным, а другое должно быть отложено в «долгий ящик»?

Н. В.: Я бы сказала не «заслуживает быть опубликованным», а просто «заслуживает быть». Мне созвучны строки испанского поэта Леона Фелипе:

Разберите стихи на слова.
Отбросьте бубенчики рифм.
Ритм и размер.
Даже мысли отбросьте.
Провейте слова на ветру.
Если все же останется что-то –
Это и будет поэзия.

Если удалось хотя бы прикоснуться к тайне жизни, хотя бы приблизиться к возможности выразить словами невыразимое и необъяснимое, то такое стихотворение имеет право на жизнь. Рифмованных столбиков неимоверное количество, но только некоторые строки отзываются так, что долго носишь их в памяти. Как будто это была твоя мысль, но так четко и красиво ты ее сформулировать не успел – поэт это сделал за тебя.

– Откуда, на Ваш взгляд, берется поэтическое чувство в человеке: от ума, от сердца, от Бога?..

Н. В.: Можно было бы тут «завернуть» красиво, но я отвечу честно. Когда я слышу, что кто-то

говорит: «Мне голос свыше нашептал в уши», – я не верю. Объяснить, откуда берется «поэтическое чувство», я не смогу. Так же, как не смогу представить бесконечность космоса. Препарировать эти процессы мне не хочется, да и не дано. А вот работать над словом необходимо. Скульптор смотрит на кусок мрамора и знает, что сокрыто внутри. Он просто убирает лишнее. Мне кажется, что так можно было бы сказать и о поэте, но тут сложнее. Поэт может начать, простите, «за упокой», а закончить «за здравие». Строка гибка, могут открыться новые, неведомые смыслы. Но отсекать лишнее нужно.

– Наталья, Вы не раз становились участником Лихоносовских и Селезневских конференций на факультете журналистики КубГУ. Можете рассказать, как эти мероприятия откликаются в Вашем сердце?

Н. В.: Очень люблю к вам приезжать. У вас здоровая атмосфера умных, начитанных, твердых в позиции людей. Меня искренне восхищают студенты, даже несмотря на то, что в некоторых моментах я себя чувствую абсолютным профаном, особенно когда я слушаю выступление первокурсницы или третьекурсника. Думаю: «Господи, только б меня об этом не спросили! Опозорюсь же». Удивительное, свежее, юное, давно забытое чувство желания залезть под парту, когда учитель обводит взглядом класс, чтобы вызвать жертву к доске. Шутки шутками, но я получаю хороший, позитивный заряд и много новых знаний.

– Нередко предметом анализа на наших конференциях становится и Ваше творчество. Какой опыт Вы, как поэт, выносите для себя из таких обсуждений?

Н. В.: Даниил, вот Вы как-то вышли к микрофону и начали читать стихотворение. Вы замечательно это делаете. Я еще сначала подумала: «Надо же, как профессионально! И стихи интересные – надо будет узнать, кто автор». И только на середине текста до меня дошло – я! Опыт... Пожалуй, возможность взгляда со стороны на свои стихи. Но я не сильно над этим задумываюсь. А вот чувство благодарности испытываю. Все же мой космос должен быть обитаем.

– Есть какая-то определенная литература, которую Вы можете посоветовать молодым читателям для формирования духовно-нравственной основы, стержня?

Н. В.: Я скажу банальное, набившее оскомину, но не утратившее глубинного смысла: «Читайте русскую классику!» Не терять национальной идентичности, не забывать, кто мы и что мы. Не питать в себе гордыню, но поддерживать гордость. Русский человек по природе своей чист, сметлив, умен и всегда открыт к получению знаний. Изучать, но не подражать всему, что чуждо нашему менталитету. Мы же все прекрасно видим уже на практике, что случилось с нашей системой образования. Но не буду распространяться на эту тему, вернусь к классике. Отличительная ее черта – это огромное количество вечных смыслов. Читая размышления автора, вы можете соглашаться или не соглашаться с ним. И то, и другое – весьма полезное упражнение для ума.

– Можете рассказать нам о первой книге, которую Вы прочитали? Что это было за произведение и как оно повлияло на Вас?

Н. В.: У нас дома была обширная библиотека. Читать меня научили рано, первая и незабвенная книга – сказки Александра Сергеевича Пушкина. Наизусть знала. Пришвин – любимейший. Потом «понеслось»! Все подряд: от Чуковского до «Крейцеровой сонаты».

– Понимаю, что эта тема уже успела набить оскомину, но все же: как Вы относитесь к современным экранизациям классических литературных произведений, биографий классиков?

Н. В.: Осторожно. Людям моего возраста и старше повезло. Сейчас постараюсь объяснить. «Анна Каренина» режиссера Александра Зархи, фильм 1967 года; «Война и мир» Сергея Бондарчука, 1967 год; «Несколько дней из жизни

И. И. Обломова» Никиты Михалкова, 1979 год; «Преступление и наказание» Льва Кулиджанова, 1969 год; «Идиот» Ивана Пырьева, 1958 год, и многие другие фильмы того, советского периода совершенны. Надо иметь огромное уважение и любовь к первоисточнику, надо уметь понять, прочувствовать и воплотить, тогда произведение и фильм идеально гармонируют и переходят в стадию «вне времени». То же самое можно сказать и о театральных постановках. В современных экранизациях режиссеры в попытке «я автор – я так вижу» зачастую искажают смысл, добавляют «экшена» и зрелищности – в итоге «попса». Я не смогла смотреть фильм «Натали и Александр». Не знаю, к месту тут или нет цитата из романа Гюстава Флобера «Госпожа Бовари», но приведу: «Нельзя прикасаться к идолам: их позолота остается у нас на пальцах». Конечно, это немного о другом, но все же.

– Вы часто публикуете фотографии своего прекрасного кота Касилия. Иногда он становится героем Ваших рассказов-миниатюр и даже картин знакомых художников. Чем Вас покорил хвостатый питомец и как вдохновляет на творчество?

Н. В.: У меня два питомца: Яся (карликовый шпиц, 15 лет) и Касим (два года). Дочь принесла худого, маленького кота с улицы. На месте правого глаза была гнойная рана, котенок все время орал от боли. Две недели по врачам, операция, антибиотики и так далее. Выходили, полюбили. Как-то незаметно.

Рассказы о Касиме коротенькие, так, скорее заметки. Чем покорил? А давайте я отвечу именно одной из «заметок». Лексика снижена, конечно, но не до безобразия.

«Мой кот – дурак.

Собственно, на этом можно и закончить. Но. Он совершенно очаровательный дурак. Как с этим жить? Сочетание «очаровательный дурак» и «любовь зла...» не оставляют шансов. Терпеть и любить. Этой идиотине купили ошейник. Красивый такой, с адресом и телефоном. Идиотина не втулила повышения статуса и пыталась ошейник снять. Всеми четырьмя лапами и зубами. Зубы (нижние) застряли в ремешке. Нам бы затянуть ошейник поплотнее, но боялись придушить. А надо было. В итоге кот с раззявленной пастью (нижние зубы застряли, напоминаю) носился по двору. Фрикативные согласные, при артикуляции которых артикуляторы подходят близко друг к другу, но не смыкаются полностью, в данном раскладе дали результат предсказуемый – в ротовой полости происходили турбулентные колебания воздуха, создающие заметный шум. Но ни шиша не "мяу". "Аааауууыыыэээ"! Поймали, придушили, покормили, разъяснили. Теперь разговариваем с Ясенькой и пытаемся объяснить собаке, что мы в ответе за тех, кого приручили. "Ну да, ну да!" – отвечает Яся. Но смотрит, как на убогих. Касим вылизывает фрак и привыкает к "бабочке". Тяжело.

P. S. Вчерашняя информация устарела. Сегодня Касим пришел "без галстука", вернее, без бабочки. Точнее, без ошейника. Из подъездного плебея не удалось сделать аристократа. Одни расходы...»

– Если проследить за Вашим авторским блогом, может сложиться впечатление, что Вы заядлый путешественник. Вспоминаются строки из Вашего стихотворения «Дорожное»:

Привет-привет, а мы недалеко –
Еще чуть-чуть, пустяк, подать рекой –
Ну ты поймешь. Под колесом поет
Воздушный мост, ажурный, как белье:
Та-дам-та-дам-тадам-дон-дигидон!
Мы проезжаем очень тихий Дон,
В нем небо спит, младенчески-румяно,
Высокая трава – его охрана.
Гремящему грозит тугой камыш:
Не дырынчи, мол, чуть потише, тшшш...
По жеребячьи весел и игрив,
Навстречу нам табун гривастых ив.
У «скорого» прерывистый полет –
Здесь интернет, любимый, «не але»...

Пространство, прошиваемое сквозь.
Пижамные ряды лесополос…
Канал, протока, ерик – все вода…
Ты ближе, до тебя – рекой подать.

– Можете рассказать о своей самой запоминающейся поездке?

Н. В.: Да, путешествовать я люблю. Во многих странах побывала, но ничего удивительного не будет, если скажу, что самые запоминающиеся поездки именно по России. «Золотое кольцо» и незабываемый лед Байкала. Кстати, у меня имеется документ о том, я участвовала в экспедиции по Байкалу. Рассказать об этом кратко просто невозможно! Иркутск, Улан-Удэ, Иволгинский дацан, Ольхон, Скала Шаманка, Ушканьи острова... Нет, невозможно. Это было просто потрясающе.

ОЗЕРО

Тут банька поперхнулась сизым дымом,
И в проруби пихается шуга.
Ребенку юга так необходима
Вдруг оказалась белая тайга.
Бредешь в «берложку» по тропинке склизкой,
Восточный наигрался и затих.
Тут звезды любопытные так низко,
Что маковкой цепляешься за них.
Закрыта и всегда немногословна,
Сложив шатром ладони у лица,
Застынешь с чувством непонятным, словно
Весь мир вокруг – заснеженный дацан.
Ветрами окружен, как опоясан,
Байкал накинет снежный капюшон,
Но в миг короткий, что нежданно ясен,
Стоишь под звездным ледяным ковшом.
Ныряет ночь бесшумной серой нерпой
В рассвета золотую полынью.
Тайга строга и слабаков не терпит,
Но греет душу южную твою.

– Может быть, есть места в России, в которых Вы еще не были, но очень хотите посетить?

Н. В.: Конечно! Очень хочу поехать на Алтай, в Карелию, на Соловецкие острова. Пока так, но я легка на подъем.

– Понимаю, что этот вопрос может показаться довольно странным, но все же. Давайте представим, что мы вместе с читателями приехали к Вам на экскурсию в Новороссийск. Какие бы места Вы нам показали и почему?

Н. В.: Новороссийск – город-герой. Выше я уже рассказала о двух местах, где надо обязательно побывать: мемориальный комплекс «Малая Земля» и памятник «Взрыв». Набережная имени Адмирала Серебрякова – это еще семь километров рассказов. Далее, сомневаюсь, что нам хватило бы дня посмотреть остальное. Рассказывать о городе я могу долго. Так всегда получается, когда любишь.

– Какой вопрос Вы бы хотели задать самой себе?

Н. В.: Вопросов к себе, Даниил, у меня нет. А вот пожелания есть. Я не хочу скатываться в бездну ненависти. Остаться Человеком при любых обстоятельствах – вот чего себе желаю.

– Это вопрос, ответ на который всегда будет интересовать Ваших преданных читателей: можете, пожалуйста, поделиться с нами творческими планами на будущее?

Н. В.: Ну какие еще могут быть «творческие планы» у пишущего человека, кроме работы над новым сборником? Вот я и работаю.

– Большое спасибо за интересную беседу, желаем Вам успехов! ■

А.С. ПУШКИНУ

ПРОГУЛКИ ПО КРАСНОДАРУ

Архив Андрея Пиценко

АНДРЕЙ НЕЙЖМАК

Родился в 2003 году в Ростове-на-Дону. Студент 4-го курса журфака КубГУ. Публиковался в журнале «Родная Кубань» и других СМИ. Член Союза журналистов России. Победитель Всероссийского конкурса «Проводники культуры» в секции «Публицистика».
Живёт в Краснодаре.

Архив Андрея Пиценко

АНДРЕЙ ПИЦЕНКО

Родился в 1979 году в Краснодаре. Окончил юридический факультет Кубанского государственного аграрного университета. Публиковался в журналах «Родная Кубань», «Наш современник», «Сибирь». Победитель Всероссийского конкурса им. Василия Белова «Всё впереди», финалист премии «Слово».
Живёт в Краснодаре.

СКВОЗЬ ЖИЗНЬ НЕОБЪЯТНУЮ

Прогулка по Краснодару с писателем Андреем Пиценко

Неумолимо идет время. Оно стирает грани между прошлым и будущим. Каждый год привносит что-то свое. Вот и Краснодар уже вовсю вошел в XXI век. Не узнали бы города лихие казаки с бойкими женами-казачками, потерялись бы в дальних его районах победители Великой Отечественной войны. Да ты уже и сам, бывает, не поймешь, куда заехал, отправившись за Красных Партизан или Российскую.

Но центр города пока что хранит свои изначальные черты. На их защиту всегда становились писатели. Настоящие писатели, запечатлевшие исторический облик столицы кубанского казачества в своих произведениях. Таким был и Виктор Иванович Лихоносов. Памятник, возведенный им, – роман «Наш маленький Париж» и многие очерки, перечислять которые можно долго. Виктор Иванович проводил своим заезжим друзьям целые экскурсии, на некоторых улицах мог во всех подробностях рассказывать о каждом здании.

К счастью, и сегодня есть авторы, пишущие об истории Краснодара. Вот один из них – коренной краснодарец Андрей Валентинович Пиценко, запечатлевший родной город в повести «Жизнь необъятная». Что же он может рассказать о Краснодаре?..

Конец марта на юге. Уже понемногу сходит на нет зимняя серость, вовсю начинает цвести алыча, усыпающая нежными лепестками дороги. Ветер слегка поддувает, усмиряет пыл южного солнца, готового уже согреть столицу Кубани до пятнадцати-двадцати градусов.

Мы с Андреем Пиценко встретились в сердце города – на Пушкинской площади, от которой начинает свой путь центральная улица Красная. Писатель немного смутился, когда я сравнил его «Жизнь необъятную» с «Нашим маленьким Парижем». Главным героем обоих произведений можно назвать время. Писатели создали историческую капсулу Краснодара XX и XXI веков (Лихоносов – от начала прошлого столетия до шестидесятых, Пиценко – от восьмидесятых до нашего времени). Жители города в обоих текстах хоть и живут в разное время, но одинаково сильно любят свою Родину и верно чтят подвиги дедов.

От храма Александра Невского пошли вдоль Красной.

А. Н. (Андрей Нейжмак): Как Вы относитесь к осовремениванию центра?

А. П. (Андрей Пиценко): *Ну как Вам сказать? Давайте просто посмотрим и сами сделаем выводы. Ходить далеко не надо. Вот, справа – наша центральная библиотека Пушкина и здание краевого суда. Как они могут сочетаться? Высокая «стекляшка» и небольшой уютный, классически красивый храм книги. Есть об этом у Лихоносова в «Записях перед сном». Наверное, здесь уместно напомнить о том, как он описал свои чувства от посещений «Пушкинки», где царила атмосфера тишины и погруженности в былое. Каждая встреча с библиотекой ему придавала сил. Не смогу назвать другого автора, который с такой же любовью смог написать об этом месте.*

В библиотеке Пушкина (Красная, 8) и сейчас «царит атмосфера погруженности в былое». До сих пор можно взять подшивки старых газет, журналов и пойти с ними в большой читальный зал. Но, как точно сказал Андрей Валентинович, лучше обратиться к Лихоносову: «Почти скорбно открываю высокую дверь и всем существом, всей душой тотчас впитываю величественный дворцовый простор зала с овальными (с двух сторон) окнами. Ряды столов, тяжелые майкопские стулья, какой-то женской мягкости белые лампы на краях – все возвращает мне каждый раз мое первое появление здесь, мою сибирскую робость приезжего и мою возрастную отсталость в познании литературы. «Здрав-

ствуй, братец мой, – словно шепчет что-то во мне, – а ну-ка, где ты здесь сидел? По скольку часов читал? Где те девочки, на которых ты смущенно и бесполезно поглядывал? Где те, которые приносили тебе на стол редкие заказы?» С того осеннего мгновения прошло 60 лет, но в тихом свете тех же окон, в истинно библиотечной непрерывной тишине не уловить протекавших перемен, старение поколений, убывание событий и судеб, нет, все это в тебе, а тут, где ты был одно мгновение за другим, все вроде покорно замерло навсегда и не чувствует утрат, не перечисляет тех, кто сюда никогда больше не войдет» («Поклон читальному залу»).

А. Н.: В «Жизни необъятной» Вы упоминаете случай, когда к Вашей маме, работавшей в Союзпечати, приходил Виктор Иванович. Смогли ли Вы, тогда еще школьник, познакомиться с писателем?

А. П.: *Нет, этого не произошло. Но я помню реакцию мамы после знакомства с писателем. Она работала в подписном отделе. И однажды, видимо, чтобы оформить подписку на какую-то книгу или серию, пришел Виктор Иванович и завел беседу. Мама была восхищена им. «Он так замечательно говорит. Он бесподобный рассказчик», – помнятся эти ее слова. Но, главное, мама удивилась, насколько Лихоносов был простым, скромным и обходительным человеком. Обычным людям могло показаться, что писатели – это богема, они смотрят на простых тружеников немного свысока.*

Пока Андрей Валентинович рассказывал о Лихоносове, мы подошли к дому Федора Яковлевича Бурсака (Красноармейская, 6). Это небольшое восстановленное здание первого наказного атамана Кубани. Сейчас оно выглядит отлично.

Меня же заинтересовал фамильный герб древнего казачьего рода. Он разделен на три части. В первой, золотой, изображена крепость с двумя башнями, а за ней виднеется гора с крестом. Вторая часть, серебряная, состоит из перекрещенных сабли, бунчука и копья. Под ними расположен месяц рогами вверх. На третьей секции, лазурной, – всадник на белом коне. В правой руке воина – бу-

Дом Бурсака. *Фото Анатолия Афаунова.*

лава, а позади него сияет пятиконечная серебряная звезда. Над гербом возвышается шлем с короной. На сайте «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи» указана дата пожалования герба: 26 июля 1840 года.

А. П.: *Скромный дом. Я часто мимо него хожу. Здесь еще осталась частичка прошлого.*

Дом Бурсака, по всей видимости, дал название улице. Сейчас она Красноармейская, но раньше была Бурсаковской. Именно здесь находилась гостиница Губкиной (правое крыло музея Фелицына), где Петр Толстопят держал Калерию Шкуропатскую: «Толстопят стоял у окна и смотрел на прохожих Бурсаковской улицы – по ней полчаса назад мчал их в фаэтоне Терешка. Падал редкий снежок. Хмель еще раскачивал его. Доброе подавали вино на проводах Деминой тетушки Елизаветы в Париж. Разве погнался бы он за Калерией трезвый?» («Наш маленький Париж»).

На Бурсаковской стоял и дворец наказного атамана Михаила Павловича Бабыча: «Окна двухэтажного дворца у начала Бурсаковской улицы глядели в спину бронзовой императрицы Екатерины, милостиво державшей дарственную грамоту на землю и окруженной снизу слепыми бандуристами с поводырем и первым кошевым начальством. Екатеринодар подражал Петербургу. А сам городок еще маленький, чуть перегнавший застройкой черноморские станицы. Во времена молодости Бабыча на Красной ловили карасей. Но столица! – сюда все стекается. И отныне все будет стекаться к нему, атаману, во дворец». («Наш маленький Париж»).

А. П.: *Ну а сейчас мы пойдем по маршруту Лихоносова. Он выходил из «Пушкинки», шел по Советской до Коммунаров, садился на трамвай, проезжал две остановки и выходил недалеко от своего дома на Ленина.*

А что видел писатель, пока шел? «... из трамвая выходят люди. Средь них мужчина почтенных лет в бежевой куртке. С любопытством посматривает он на спешащую молодежь и на компанию вертлявых подростков. Радость созерцания молодости

Улица Коммунаров. *Фото Андрея Нейжмака.*

сливается в душе мужчины с элегией – он знает о быстротечной временности. А ведь когда-то давно, наверное, и ему своя юность казалась вечной... Он неспешно, маленькими шажками ступает по тротуару, часто останавливается, скрестив на животе руки, прищурясь, оглядывает бессчетно виденную им улицу Советскую; так иной раз любящий муж в канун золотой свадьбы смотрит на супругу – уж сколько ни гляди на нее, все одно не налюбуешься». («Жизнь необъятная»).

Мы шли с почти таким же настроением, что и когда-то Виктор Иванович, погружались глубже в корни великой истории города. Андрей Валентинович указал на незаурядный многоквартирный дом, находящийся на Советской, 60. В нем жила внучатая племянница Льва Толстого – Татьяна Николаевна Родненская. Если вы попробуете найти информацию о ней в интернете, то столкнетесь только с двумя источниками. Первый – том № 46 из собрания сочинений Л. Н. Толстого: «Татьяна Николаевна Нагорнова, (р. 15.IV.1879). Замужем первым браком с 16.II.1897 за Григорием Эммануиловичем Волькенштейном (р. 30.IX.1875), с которым разошлась в XII.1902, и вторым браком с XII.1902 за Николаем Ивановичем Родненским (р. 31.X.1876). Внучатая племянница Толстого». Это могло бы остаться единственной информацией о Татьяне Николаевне, которая потерялась среди огромного числа родственников и осела в Краснодаре, если бы не Лихоносов.

Виктор Иванович имел какое-то особенное чувство светлой тоски по прошлому, которое будто притягивало к нему людей, помогало находить редкие архивы. В 60-х Лихоносов сумел выяснить, что на Кубани живет родственница Ивана Алексеевича Бунина. Затем узнал о внучатой племяннице Льва Николаевича Толстого и посвятил ей очерк «Судьба», опубликованный в сборнике «Волшебные дни». Писатель не только приходил в гости к старушке Татьяне Николаевне, но и, бывая в Москве, посещал архив, чтобы погрузиться в мир близкого окружения Толстого. Мать Родненской, Варвара

Дом Родненской. *Фото Андрея Нейжмака.*

Валерьяновна Нагорнова, – близкая подруга мемуаристки Татьяны Андреевны Кузминской (сестра жены Льва Николаевича, прототип Наташи Ростовой из «Войны и мира». И что удивительно – сын Кузминской, Александр Александрович, внучатый племянник Толстого, был одним из первых авиаторов, кто совершил полет на аэроплане над Екатеринодаром). В очерке «Судьба» Виктор Иванович приводит переписку между подругами, письма Софьи Андреевны Берс и, конечно, слова самой Родненской. «... она была для меня отголоском великой России, воспетой Толстым». («Судьба»).

Мы уже успели свернуть с Советской на Коммунаров. Фруктовые деревья на «улице трамваев», по-старомодному мощенной булыжником, вовсю зацвели, после недавних дождей просохли лужи. Тишь прерывали лишь пение птиц да гул проезжающих красно-белых вагонов.

А. П.: *Здесь в окрестностях много красивых старых домов, в основном купеческих. Причем сохранились здания как царского, так и советского времени. По этой улице, как я ранее сказал, часто ездил Лихоносов. Так получилось, что в детстве нередко катался на трамвае по улице Коммунаров и я. Этим маршрутом мы с дедушкой направлялись на прогулки в Горпарк. Думаю, это настоящее место памяти почти каждого краснодарца.*

С Коммунаров был открыт вход в Свято-Екатерининский собор (Коммунаров, 52). Блеск его центрального купола можно невольно спутать со свечением солнца. К счастью, этот собор, построенный в 1914 году, смог уцелеть во время массового сноса храмов и старинных зданий в советский период. В Гражданскую войну на его территории похоронили верховного руководителя Добровольческой армии М. В. Алексеева, перезахоронили последнего наказного атамана Кубани М. П. Бабыча. В этом месте покоится прах и многих других известных деятелей.

Андрей Валентинович попросил свернуть на улицу Митрофана Седина. Мы остановились у дома под номером 39. Четырехэтажное светло-зе-

Свято-Екатерининский собор. *Фото Андрея Нейжмака.*

леное здание. Его угловая часть выполнена в виде цилиндрической башни, увенчанной куполом. Боковые же части попеременно сменяют пилястры с колоннами и балконы, часть из которых застеклена. По всей видимости, дом построили уже во времена СССР.

А. П.: *Мне очень нравится это здание. Но не совсем понимаю, как в нем можно жить?*

А. Н.: А что в нем такого? Слишком старое?

А. П.: *Если бы дело было в этом. Во время оккупации здесь находилось Гестапо. Когда наши войска ворвались в сорок третьем году в Краснодар и начали освобождать город, немцам надо было срочно скрывать следы своих преступлений. Нацисты сожгли в доме несколько сотен человек. История очень печальная.*

На доме разместили табличку с надписью: «В этом здании 12 февраля 1943 года фашистскими захватчиками было заживо сожжено около 300 жителей Кубани. Вечная им память».

Вновь вернулись на Коммунаров.

А. П.: *Период Великой Отечественной войны и оккупация в Краснодаре запомнятся надолго. Тут были и душегубки, и виселицы, и расстрелы. Хотя есть и случаи, когда отдельные немцы проявляли сочувствие. Расскажу историю, о которой мне поведала двоюродная сестра моего дедушки. Ей сейчас девяносто шесть лет. Когда немцы оккупировали город, она с семьей жила недалеко от улицы Калинина. Это в то время была окраина города. «Часто немцы вели большие партии красноармейцев. Почти все были ранеными, – говорила бабушка Катя. – И за городом, в районе нынешнего сельхозинститута, их расстреливали». Бабушке запомнился один случай.*

В очередной день по Калинина вели наших пленных солдат. Жители выходили из домов, старались незаметно помочь нашим бойцам: кто-то подсунет какой-то еды, кто-то даст кружку с водой.

Среди раненых шел худой парень, можно сказать, мальчишка. Сзади него шагал фашистский конвоир,

Дом, где располагалось Гестапо. *Фото Андрея Нейжмака.*

уже немолодых лет. И вот он, оглянувшись, толкнул раненого, изможденного мальчишку в открытую калитку. К счастью, другие конвоиры не заметили этого. Парня укрыли краснодарцы...

С Коммунаров свернули на Орджоникидзе. Пройдя два квартала, вышли на Красную. Дом № 29, наверное, выделяется более остальных благодаря особому стилю. Многоэтажное модернистское здание с повторяющимися горизонтальными линиями окон и балконов. Его фасад имеет характерную волнообразную форму. Но не только внешне этот дом замечателен.

А. П.: *Я долгое время не знал, кто жил в соседнем от этого здания доме. Оказывается, Степан Андреевич Неустроев. Именно бойцы его батальона, Егоров и Кантария, водрузили знамя на Рейхстаге. Этого знаменитого комбата знал, пожалуй, каждый мальчишка в СССР. В детстве мы с друзьями, играя в войнушку, воспроизводили легендарную сцену: забирались на крышу какого-нибудь дома и будто водружали импровизированное знамя на Рейхстаге. Потом я прочитал книгу Степана Андреевича. Замечательный человек.*

Вообще, в Краснодаре жило много известных участников Великой Отечественной. Приведу еще один пример. Однажды я увидел картину «Защитники Брестской крепости» Петра Кривоногова, затем стал много читать о сражении за крепость. Как я узнал, некоторое время подвиг защитников оставался неизвестным. Но позже благодаря писателю Сергею Сергеевичу Смирнову, издавшему книгу «Брестская крепость», вся страна узнала о майоре Петре Михайловиче Гаврилове, которого называют последним защитником крепости.

Когда мы готовились вступить в пионеры, нам сказали, что наш отряд будет носить имя Гаврилова. Я пришел домой, на радостях сообщил об этом своей бабушке и услышал от нее: «Ой, это хорошо. Петя хорошим был человеком». Такое обращение по имени к легендарному солдату удивило. «Бабушка, а

Дом, где жил Неустроев. *Фото Андрея Нейжмака.*

почему ты его Петей называешь? Он же Герой Советского Союза», – воскликнул я. «Да он же у нас тут, рядом совсем, на Первой линии жил. И в гости к нам ходил, сидел на том же месте, что и ты». Моему удивлению не было предела. Оказалось, что бабушка даже помогала Петру Михайловичу, шила ему одежду. «А что же ты раньше молчала?!» Бабушка рассказала немного о Гаврилове. Был он человеком спокойным, о войне говорил мало, с неохотой. Жил до «признания» в худой мазанке. После выхода книги Смирнова Петру Михайловичу дали квартиру. Сейчас она находится на улице, названной в его честь.

Тема Великой Отечественной войны, считай, никак не отражается в творчестве Лихоносова. Но нельзя сказать, что писатель не чтил память об этом великом и одновременно трагическом событии. На войне погиб его отец Иван Федорович. Перед смертью он сумел уничтожить самоходное орудие немцев. Погиб в бою под Запорожьем, награжден орденом Красной Звезды. Всю любовь к рано ушедшему отцу Виктор Иванович, безусловно, отдал своей матери Татьяне Андреевне. О подвиге отца Лихоносов помнил всю жизнь: «А уже те, кто был с нами в этой жизни, наши родные и друзья, и соседи бабушки, отец мой, писатели... и другие не чувствуют этого утрешнего облегчения после дождя, уже престол их "на столпе облачном..."» («Записи перед сном»). Оказывается, Андрей Валентинович кое-что знает о месте захоронения отца писателя.

А. П.: *Я, кстати, в интернете нашел координаты братской могилы, в которой похоронен Иван Федорович Лихоносов. Связался с одним очень дорогим и родным мне человеком, который сейчас воюет на Запорожском направлении, спросил, далеко ли от них это место? Оказалось, что недалеко. Человек этот знает, кто такой Лихоносов, и сам предложил свою помощь. Договорились, что как будет подходящее время и транспорт в ту сторону, бойцы наберут с братской могилы кулечек земли-*

Дом Шкуропатской. *Фото Андрея Нейжмака.*

цы, чтобы потом ее можно было отвезти на могилу писателя. Но, к сожалению, то ли информация в интернете оказалась неверной, то ли произошло перезахоронение павших бойцов, но по указанным координатам могилы не оказалось. Бойцы, кстати, заехали еще на несколько братских могил рядом, сфотографировали их, но там фамилии Лихоносова не оказалось. Но все равно этот случай говорит о том, как остро наши воины, сражающиеся сейчас на Украине, чувствуют связь времен.

За разговором мы быстро прошли краевую администрацию (Красная, 35), музей Фелицына (Гимназическая, 69) – об этих зданиях все прекрасно знали. Вспомнили лишь, что на месте сквера Жукова в екатеринодарское время находились храм Александра Невского и Соборная площадь. Посмотрев на фасад музея Фелицына, писатель произнес:

А. П.: *Сколько же эти дома в Центре видели: относительно благополучное время при царе, революцию, Гражданскую войну, голод тридцатых, Великую Отечественную войну, полет Гагарина в космос, девяностые, развал Союза... И достояли до наших дней.*

Мы не думали останавливаться, ведь на улице Гимназической есть еще одно памятное место для Краснодара.

Среди типичных старых городских построек с кирпичными стенами, большими окнами и вытянутыми карнизами на пересечении с Коммунаров стоял дом героя «Нашего маленького Парижа» (Гимназическая, 79). Проходя мимо, наверное, никто из краснодарцев не сможет сказать об истории здания. Во-первых, на нем нет никакой таблички. Во-вторых, его облик изменился на современный лад: к стене были «прилеплены» вычурные стеклянные панели. Этот дом принадлежал семье Петра Толстопята. «На улице Ворошилова, нынешней Гимназической, Толстопят подвел меня к дому с широким

Дом Толстопята. *Фото Андрея Нейжмака.*

балконом над тротуаром, помолчал и потом сказал, что из этого отцовского дома он ушел в 1920 году в марте с деникинской армией». («Наш маленький Париж»).

А. Н.: Я так и не успел выяснить. Когда же Вы все-таки познакомились с Лихоносовым?

А. П.: *Это произошло на научной конференции, проходившей на журфаке КубГУ. Представил меня Виктору Ивановичу организатор конференции, главный редактор журнала «Родная Кубань», профессор Юрий Михайлович Павлов. Было неловко от того, что меня представили как писателя. Разве я могу называться таковым, когда написал-то всего ничего, а рядом – настоящий классик русской литературы. Добавила смущения и просьба одного из преподавателей оставить автограф. Опять же – вблизи Лихоносов, а я подписываю журнал. Вообще, Виктор Иванович в тот день казался уставшим, ему было уже тяжело подолгу находиться на конференциях. Но он всегда выступал перед аудиторией и досиживал до конца. И, конечно, меня просто поразила его речь – чистейшая, мелодичная. Вот он как писал, абсолютно так же и говорил.*

В чем Лихоносову всегда хватало сил, так это в написании писем ко власти. Причем писатель обращался не по личным вопросам, а боролся с местными властями как общественный деятель. Еще с 70-х годов Виктор Иванович выступал против сноса исторических зданий, старых храмов.

Вдоль одной из построек, которую защищал Лихоносов, мы с Андреем Валентиновичем прошли по улице Ленина. Любители истории города наверняка поймут, о каком объекте идет речь: прямоугольное здание с цилиндрической угловой частью, увенчанной куполом, темно-зеленый фасад, вывеска с птицей, распахнувшей крылья. Этот дом возвели по заказу купца Христофора Ивановича Фотиади в 1912 году (Ленина, 53). «Думаю о том, как бы мне проникнуть в дом Фотиади и посмотреть на ванну из розового мрамора. Я бы отдал сто рублей сразу только за то, чтобы залезть и тут же вылезть». («Наш маленький Париж»).

Дом Фотиади. *Фото Андрея Нейжмака.*

В 1918 году генерал Деникин арендовал это здание для размещения своего штаба. После его отъезда дом стал использоваться различными организациями, в том числе и партийными. Но в 1990 году туда «зашли» люди весьма специфичные. Обратимся к письму Лихоносова, оно направлено в идеологический отдел крайкома КПСС: «...вселяется эстрадно-концертная группа в "Дом Фотиади", который в свое время отстояла группа защитников старины <...> Одни отстаивают корневое наследство, другие, равнодушные к нашей истории, захватывают при поддержке власти здания для... развлекательных целей <...> Многолетнее пренебрежение к святым чувствам народа сомкнулось у некоторых руководителей (на нынешнем этапе) с органическим неприятием России определенных кругов, и теперь те же руководители удивляются, почему это нигде нет порядка». (Из сборника «Русская скорбь»). Чем закончилась история, неясно. Сейчас же дом Фотиади пустует, хотя он вполне мог подойти под какой-нибудь музей или галерею.

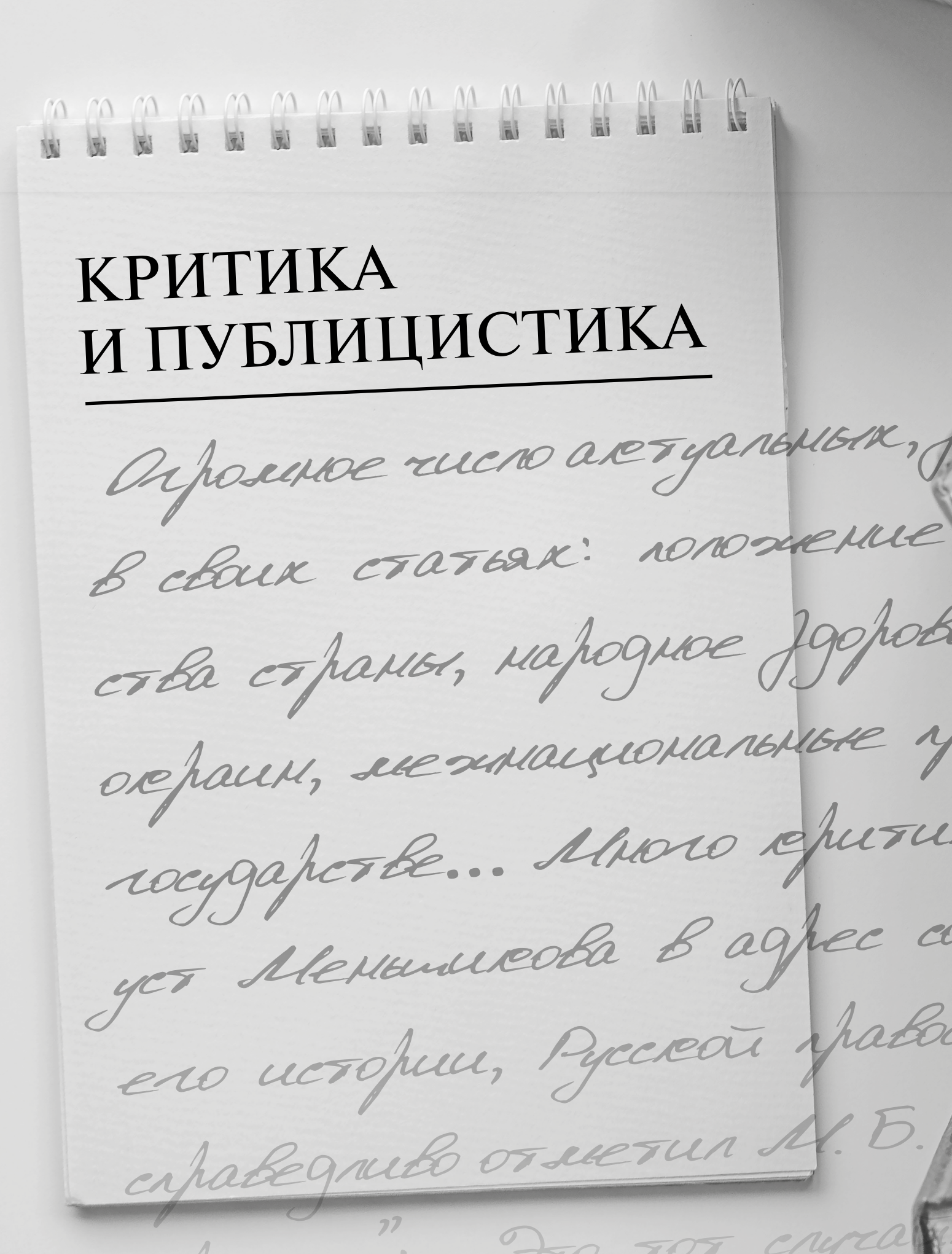
Дальнейшая же наша прогулка с Андреем Валентиновичем прошла в других разговорах об облике Краснодара, его истории. Гадали мы, в какой части нынешнего «парка со слоном» находилась «Обжорка» Баграта, как семья Шкуропатских пила чай на своем балконе по улице Борзиковской (Коммунаров, 59), что сейчас со зданием, где находился первый в Екатеринодаре музыкальный магазин братьев Сарантиди (Красная, 69).

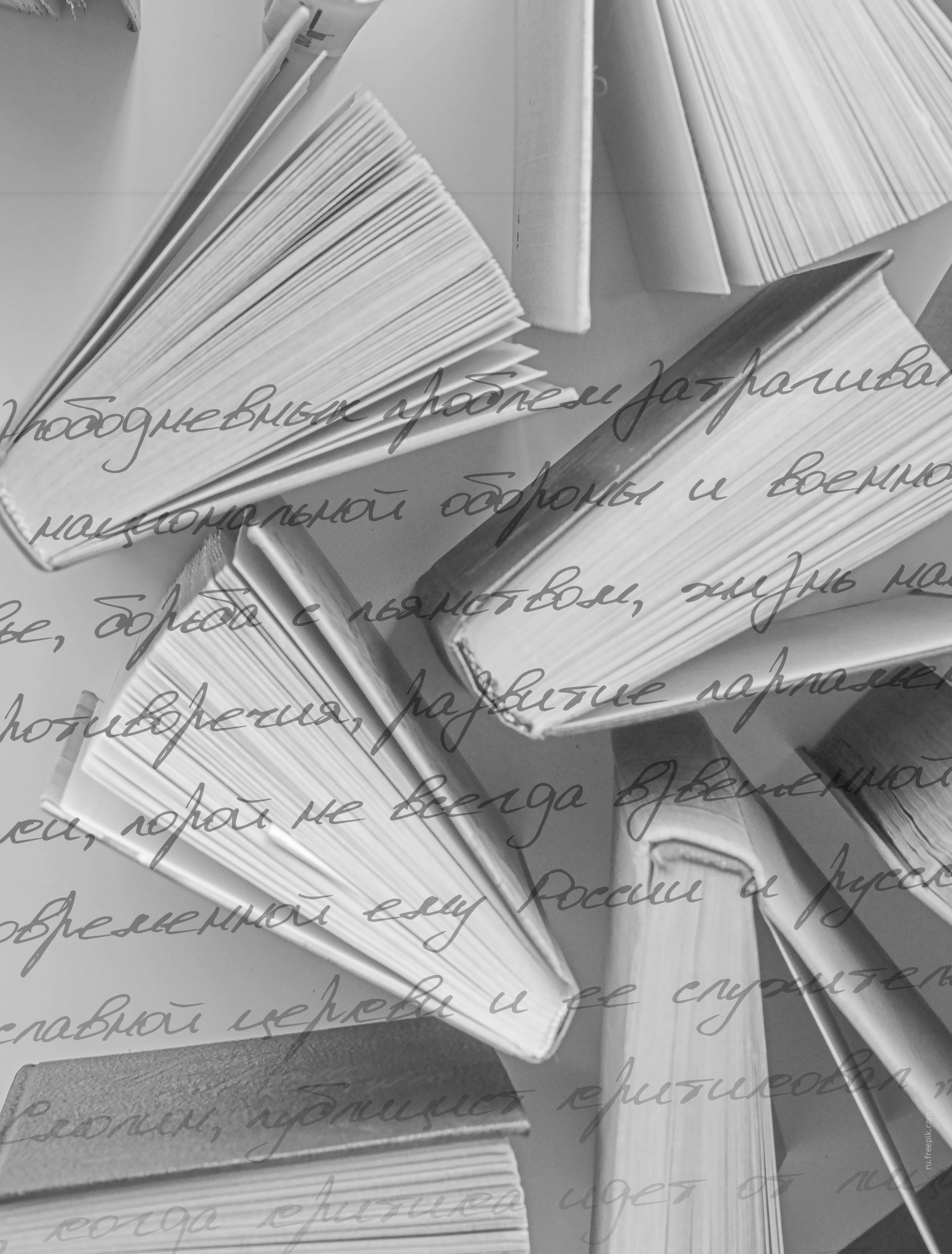
Было грустно расставаться, хотя я понимал, что будут еще встречи. По дороге домой сел на скамейку и закрыл глаза. Вот по улице Бурсаковской идет старый атаман Бурсак, а за ним – его внук Дементий с Петром Толстопятом. В метрах десяти от них шагали в обнимку Степан Неустроев и Петр Гаврилов. А дальше, из-за поворота с Советской улицы, выходит Лихоносов, держа бережно руку старушки Татьяны Родненской... Глаза открылись. Никого на Бурсаковской не было. Одинокий фонарь освещал дорогу и колыхались ветви цветущих деревьев. ■

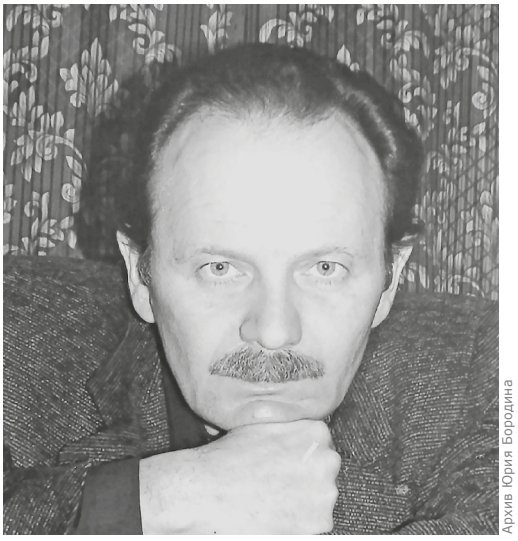

Собор Александра Невского. *Фото Андрея Нейжмака.*

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ru.freepik.com

Архив Юрия Бородина

ЮРИЙ БОРОДИН

Родился в 1953 году в городе Воронеже. В 1980 году окончил филологический факультет Воронежского пединститута. Член Союза журналистов России.
В разное время публиковался в журналах «Подъём», «Плавучий мост». Автор нескольких книг прозы и поэзии.
Живёт в поселке Панино Воронежской области.

ДОМАШНИЙ ОГОНЬ: ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР НАТАЛЬИ ВОЗЖАЕВОЙ

С 2020 по 2024 год вышло три поэтических сборника Натальи Возжаевой – с равным интервалом в два года.

Не так давно обратил внимание на одну особенность их названий: «Струнность ливней», «Крабик улепетывает боком», «Соседка жарит лук».

Какое, казалось бы, разительное отличие между изысканной образностью первого названия и двумя другими, на первый взгляд, абсолютно прозаическими, монохромными в своей «информационной бытийности».

На вопрос, есть ли этому объяснение, сам автор, видимо, не задумываясь об этом раньше, не сразу, но ответил: «Наверно, взрослею...»

Удивительно, но в своем отношении к творчеству Натальи Возжаевой постепенно взрослел и я.

Помню, как на ее первый сборник стихов «Струнность ливней» написал крохотную заметку с отзвуком на его название: «Сыграй, поэт, на струнах ливней».

Был тогда увлечен доктриной Юрия Казарина, утверждавшего, что поэзия – явление абсолютно объективное, что она существует независимо от нашего сознания. И только настоящему поэту дано улавливать ее звуки, ее музыку и переводить все это на понятный, а иногда и не понятный человеку язык.

С этой позиции я и пытался обыграть поэтический образ, который лег в название сборника. Объяснял своим разыгравшимся воображением, что «если разложить ливни на струйки-струны, представляете, какая вселенская арфа явится с мириадами струн, прикоснуться к которым и не сфальшивить дано немногим. Может, действительно, существует такой инструмент мироздания? Может, в нашей душе поэзия возникает исключительно тогда, когда мы находим созвучие хотя бы с одной струной этой фантастической арфы».

Но позже убедился, что все это не совсем про поэта Наталью Возжаеву.

Ни в романтической красивости, ни в чрезмерной эстетской легкомысленности автор замечен не был, да и сам образ «струнность ливней», напротив, возник в контексте иной реальности, жестокой и кровавой:

Грозный город. Ливневая струнность.
В горной речке – красная вода.
Ты мне подарил седую юность,
Мне теперь и старость не беда.
На полу раздолбанной маршрутки
Места и двуногим-то впритык.
Погоди, водила, скину куртку.
У войны совсем не бабий лик.
Крошево от гусеничных траков,
Небо нашпиговано свинцом.
У войны лицо моей собаки.
Нет, не морда. Именно лицо.
Помнишь знойный зуд мушиных сонмищ?
Помнишь трупов бурые кули?
Ты же ни черта потом не вспомнишь,
Кроме пса, сидящего в пыли...

Это из стихотворения «Сволочи», в котором поэт, ставший прямым свидетелем еще той, чеченской войны, рассказывает о страшном исходе

из своей родины. Какая жуткая ирония звучит в благодарности к «грозному городу»: «Ты мне подарил седую юность...»

Думается, что именно из этой «седой юности» Наталья Возжаева вынесла и мудрость, и зоркость, и остроту обнаженного отношения к несправедливости, и дар умения ценить жизнь в ее неповторимых и беззащитных проявлениях.

Все это стало основой ее поэтического мировоззрения, которое для меня всегда было близко и интересно.

Как известно, перед всяким поэтом постоянно стоит выбор. Есть неистребимое желание «зацепить» читателя оригинальностью формы, стилистической эквилибристикой, ремейком какой-либо популярной и вечной темы с использованием всевозможных аллюзий, игрой в текст, характерной для постмодернистской поэтики. В такой сценической позиции читатель внизу, в партере, смотрит на «номера». И есть абсолютно обратное, когда поэт идет к читателю «со своим»: подсаживается к нему за стол, на скамейку, едет с ним в маршрутке, заглядывает к нему домой и т. п.

Наталья Возжаева занимает более независимую позицию. С одной стороны, она не лезет «со своим» к вам в душу, с другой – не спекулирует на выигрышных популистских темах и приемах, как большинство нынешних эпигонов, предлагающих читателю гремучую смесь средневековой романтики с напускным неодекадансом.

Своеобразие ее поэтического языка – вовсе не плод формальной версификации, а выражение поэтического мышления, которое дается природой, как музыкальный слух. И моментом истины здесь является поэтическое самоосознание.

Второй сборник Натальи Возжаевой открывается стихотворением, которое можно было бы традиционно определить как «программное»:

Снимите микрофон. Я говорю в людей.
Меня услышат те, кому дано услышать,
Кто слышит тихий звук, с которым по воде
Расходятся круги. Пожалуйста, потише.

Здесь априори происходит «снятие» сцены, позы, а заодно и сухой грамматической «правильности» языка. Говорить не людям, не для людей, а именно «в людей» – в самое человеческое в них, в «ухо души»... И призыв к некой «камерности» – «Пожалуйста, потише».

«О грусти говорить, о счастье, о любви...» А это вместе с тем говорить честно про себя, не боясь показаться неинтересной, не комплексовать по этому поводу.

«Я пишу стихи не "для", а потому, что не могу по-другому», – признается сама Наталья Возжаева.

Единственное, чего страшится автор, это не донести своей искренности, поскольку она «хрупка». Да еще и боязнь косноязычья как печати душевной фальши.

С редким для сегодняшнего времени пиететом автор относится к таким дефинициям, как Поэт и Поэтическое слово. Поэзия для нее не увлечение и тем более не забава. Как раз в отличие от упомянутого нами Казарина, Наталья Возжаева считает поэта демиургом, чьи слова несут не просто «отобразительно-выразительную» функцию, но и сами они есть самостоятельный Мир со своим предназначением:

С языка безмолвия толмачи,
И они не знают другой стези,
И душа есть колокол, тронь – звучит,
И они у колокола – язык.

«Они – Слова». Те самые, о которых писал Бродский: «Бог сохраняет все, особенно слова // Прощенья и любви, как собственный свой голос...»

Те самые, которые «из смертных уст звучат отчетливей, чем из надмирной ваты».

Всякая «надмирность», трансцендентность, порождающая жесткую романтическую бинарность и прежде всего самую общую: материя-дух, чужда поэтическому мышлению Возжаевой. Ее поэзия – это метафизика «преодоления и заземления», поэзия всеобщей связи.

Художественный метод «преодоления» состоит в обнаружении поэзии в самых простых вещах – именно там, где чаще всего ее мало кто ищет и замечает. Это тот самый «сор», из которого, по известному определению Анны Ахматовой, «растут стихи, не ведая стыда».

Наталья Возжаева способна самые что ни на есть бытовые вещи и явления наполнять «поэтическим гелием», но при этом, «преодолевая земное притяжение», сохранять у этих вещей и явлений реноме их обыденности, то есть держать тонкую связь между прямым значением слова, с одной стороны, и его иносказательным и контекстуальным смыслом – с другой.

Вот в этой амбивалентности «преодоления-заземления» и скрыто интроспективное напряжение, порождающее выразительные «следы» авторства, яркого характера творца – конкретного человека, с его радостью, нежностью, драмой, мужеством, бесшабашностью, тончайшей иронией, женской слабостью и проч.

В стихотворении «Соседка жарит лук» поэт демонстрирует нам не оппозицию высокого-низкого, возвышенного-приземленного, а их постоянную и повсеместную неразделенность. Семантическая структура даже классического стиха чаще всего предполагает переход эмпирической части в поэтическое обобщение.

Но Возжаева может обходиться и без таких переходов (пуантов) – для нее вполне естественно вписывать в поэтический антураж бытописательскую картинку:

В ночную целину вонзился месяц-плуг.
Июньский глянец стерт, и вывернут, и матов.
На старенькой плите соседка жарит лук,
А рядышком в тазу бульбенятся томаты.
На летней кухне – ад. Соседки красный лик
В натруженной росе за занавеской тонкой.
На финишной прямой кромсает базилик,
Елозит второпях по вытертой клеенке
Садового стола, что так
По-свойски прост,
Но самобрано-щедр, расшатан и занозист.
Я тут незваный, но всегда желанный гость,
Несу соседке в дар малиновые слезы,
Набрякшие за день, несу свое вино,
И мятный беспредел так ощутимо влажен.
Не шелохнется лист, сад замер перед сном,
Над зорькой, как чумной, кружит
нетрезвый бражник.
Забудутся к чертям соцсети, гуглы, сми...
А звезды – как цветы на огуречных попках.
Вокруг реальный мир, а в центре мира – мы,
И ползают жуки по незаметным тропкам.

Велик соблазн превратить эту «кухню» в развернутую метафору. Тем более, что автор констатирует: «На летней кухне – ад». Но у Возжаевой кухня и остается всего лишь кухней, а «ад» – это не более чем летнее пекло и духота.

Поэт использует собственный нарратив, достаточный для преображения бытового эпизода в поэтическое событие – через, казалось бы, «мимоходные» эпитеты, перифразы, сравнения: «самобранно-щедрый» (стол), «малиновые слезы» (вино), «мятный беспредел», «нетрезвый бражник»... И вот оно, сравнение «заземления»: «А звезды, как цветы на огуречных попках».

И простая, но концептуальная констатация: «Вокруг реальный мир, а в центре мира – мы». А мы – это все, вплоть до жуков, ползающих «по незаметным тропам», как, собственно, и тот самый крабик, «улепетывающий боком»... И все это в данную секунду является миром центростремительного свойства, если хотите, «объектом божественного интереса».

Вот эта «бытийственность» или, по определению Мандельштама, «домашний эллинизм», органично соответствует и миру русскому, и слову. «Это домашняя утварь, посуда, всеокружение тела; ... это тепло очага, ощущаемое как священное, всякая собственность, приобщающая часть внешнего мира к человеку, всякая одежда, возлагаемая на плечи любимой... это всякая печка, около которой сидит человек и ценит ее тепло, как родственное его внутреннему теплу».

Что мне нападки и хула –
Закрою, где сквозит.
Мой дом уютен, как халат,
И так же неказист.

Но прибран, вычищен, умыт –
На окнах кружева.
Любовь поблекшая, как мы,
А все еще жива.

Остыла печь, в ней нет огня,
Но под золой тепло.
Теперь у нынешней меня
К тебе так мало слов.
(...)
Ты на крыльцо? Пальто надень.
Не искушай зимы.
Как краток век, как долог день,
Сиюминутны мы.

Если представить, что слово – это огонь, то в той же лампадке он что-то символизирует, что-то нездешнее, он не пригоден для обихода... Но есть и другой огонь (другое слово) – тот же очаг, от которого можно и прикурить, и согреться, и приготовить на нем пищу.

Поэтика «очаговости», «одомашненности», «бытийственности» – это восприятие бытия через «быт», вечности через «вещность».

Лирическая героиня Натальи Возжаевой вполне себе самодостаточна в пределах самого ближайшего «отеческого округа» – дом, двор, сад – то, что окружает нас с самого рождения или напоминает о детстве.

Тот же ничем не примечательный домашний сад для поэта может являться «персональным раем» – раем земного обитания: с «нескладной фигуркой горбатой яблоньки», со «свернувшимися окурками в ракушке-пепелке» и с «завалившимся за сарай месяцем». И обязательно с «подробностями» мелкого животно-насекомого «народца»: «Шныряют ежики и комарье бессчетно».

Естественно, что такой «всеместный» мир, чуждый романтической бинарности, по сути своей оксюморонен: «Эдемский сад для грешников открыт», – торжественно заявляет поэт.

Нельзя назвать это скрытой рефлексией лирической героини. В попытке, с одной стороны, «преодоления гравитации», с другой – «заземления», она нередко оказывается, мягко говоря, в причудливом положении:

Никто. Висишь, не признанный мирами,
Ни ввысь, ни вниз – смешно – ни вниз, ни ввысь.
Земля, вода, над этим – облака.
Но ты – нигде, застывший между ними,
Такой БЕЗВЕСНЫЙ, что и дно не примет,
И небо ухмыльнется свысока.

Здесь прямая перекличка с пытливо мыслящим Баратынским:

Я из племени духов,
Но не житель Эмпирея,
И, едва до облаков
Возлетев, паду, слабея.
Как мне быть? Я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И ношусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.

Всегда любопытно наблюдать, каким образом поэты с атеистическим мировоззрением воплощают в своем творчестве теософические мотивы, которых художнику просто не избежать.

Из откровения Натальи Возжаевой мы знаем, что она, выражаясь ее же словами, «человек глубоко неверующий».

Мы оставляем за собой право, извините за тавтологию, не верить в это до конца и усматривать в такой прямоте некое защитное лукавство.

Тем не менее, пантеистическое представление о Боге у поэтов подобного толка довольно распространенное явление. Что, кстати, органично вписывается и в возжаевский поэтический мир:

Букашек смахивая взвесь
Лениво и блаженно,

Подумаешь: Он точно есть
В ближайшем окруженьи.
Он тень от бабочки на мне,
Он звон пичуг, Он солнце.
И мы сидим – спина к спине,
Под Ним трава не мнется.

Или из стихотворения «Балаклава»:
Все просто, Боже мой, ну как все просто!
Пучком из лыка выбелен забор,
Ватажка кур, толкущихся на просе,
Очеловечивает прицерковный двор.
Тут лики на иконах – просто лица,
И храм – не храм, а светлый божий дом,
Где по утрам по чистым половицам
В рубахе белой тихо бродит Он.

Существует универсальная формула, нередко примиряющая сомневающихся «атеистов» и верующих. Она известна всем: Бог есть любовь. Но и эту формулу Наталья Возжаева растворяет в парадигме своего поэтического мироощущения, тяготеющего к земной, бытовой атрибутике:

Мой бог не строг, но светел, значит, свят,
Священнодействует над терпким маринадом,
И мне другой религии не надо –
Присутствием любви окутан сад.
Вино, друзья и райские плоды
Над нами, а над ними звезд несметно,
И, может, потому, что все мы смертны,
Никто не станет строго нас судить.

Все просто: любовь земная, а стало быть, и Бог конкретный, «очеловеченный» – куда как не во плоти, «священнодействующий над терпким маринадом».

На первый взгляд, все это в какой-то степени напоминает (а почему бы и нет!) эпикуреизм, тем более с упоминанием «смертности» человека как некоего оправдания за сладости грехов. Хотя возжаевский «гедонизм» содержит в себе более глубокие коннотации – с одной стороны, ближе к цветаевскому: «...Еще меня любите за то, что я умру», с другой – к кочетковскому: «Любовь и смерть всегда вдвоем».

И в самом деле, как только в стихах Возжаевой заходит разговор о любви, как правило, тут же следует упоминание о смерти, и всякий раз это упоминание – как вызов ей:

Конечно, будет все, но после, после...
А может, мы и после не умрем;

Я нужна ему жизненно, или он мне смертельно необходим;

Твои внезапные признания
в любви мне...
Что смерти нет.

По сути, признаться в любви – значит, отменить смерть.

И у Натальи Возжаевой – своя философия смерти.

Вот отрывки, пожалуй, из самого глубокого и концептуального произведения автора:

Это будет несложно,
Это как вылиться из сосуда,
Это просто посуда,
Не более.
Держит тебя как воду,
Только так,
Не имея ни формы, ни цели, ни выхода
И ни входа,
Уяснишь свободу
.....
Это нечто,
Рвущее оболочку тела, заливающее
Потолок капеллы,
Голосящее соло подсолнухов,
Говорящий камень.
Амен
.....
Эта взвесь –
То, что было тобой
И останется навсегда тобой,
Но уже не здесь.

Проще говоря, смерть – освобождение души. Но эта свобода для человека, пока живущего, достаточно странно представляемая, действительно, некая «взвесь», не имеющая «ни формы, ни цели».

Тем не менее, нельзя не отметить, как сомневающегося «атеиста» поэзия приводит в чем-то к осознанию бессмертия души.

Наталья Возжаева всегда демонстрировала безукоризненную художественную точность и творческую ответственность.

Особенно если это касается темы войны, которая позволяет увидеть как бы в «разрезе» отношение автора к самой жизни, к вере – по существу, исследовать скол авторского мировоззрения, если хотите, гражданской позиции. И то, как поэт художественно осваивает эту тему, становится зачастую индикатором в определении истинности и ценности собственного его творчества.

Скажем так, когда загорелся Донбасс, Наталья Возжаева, в отличие от многих других бывших «лириков», не «перелицовывалась» ради конъюнктуры, не переключала автоматически свой голос на другой регистр – она осталась верна собственному мироощущению.

Война в ее стихах напоминает о себе самым естественным образом. Автору, как правило, не приходится для этого создавать неких условных воображаемых ситуаций или рвать голосовые связки в искусственной патетике.

И прежде всего потому, что война, еще та, чеченская, лишила поэта отеческого дома и родной земли...

Она, «еще та», навсегда укоренилась своими страшными картинами в воспоминаниях и снах:

Под грозными кавказскими бровями
Страшны провалы удивленных глаз.
То был не бой, а бойня между нами –
Мы убивали беспощадно нас...

И сегодня поэт врожденным чутьем ощущает войны тревожное соседство. Ее эхо дает о себе знать в реальных приметах, которые автор выхватывает, казалось бы, из мирного течения жизни, замечая на полустанке «юнцов в зеленном камуфляже» или как «смотрит сиротой» мопед сына соседки.

Война начинает «рифмоваться» с вполне себе мирными явлениями. И когда поэт, имея в виду рисунок на песке, пишет: «Волна смывает начисто красу, // Что создал ты...», или «Волна стирает мир...», то за «волной» слышится явно «война».

Даже праздник детства Новый год у поэта отравлен неожиданными жуткими ассоциациями:

Делами занята, дела мои горьки:
Фигурки из стекла я вешаю на ветки.
Вот эта без ноги, а эта без руки,
У этой только край и выгнутая скрепка...

Для Натальи Возжаевой абсолютны чужды эскапизм и пацифистское хныканье. Она никогда не сомневалась в своем выборе, по какую сторону ей твердо стоять.

Свое целительное «приставочное» «со» поэт «прикладывает» не только к чьему-либо «страданию», но становится генетически «сопричастным» тому же младшему лейтенанту, совсем мальчишке – «где-то под-над Северским Донцом».

Для поэта война на Донбассе имеет такое же мерило, как и Великая Отечественная... Она священна, экзистенциальна. И фронт ее проходит в разных направлениях, и воюют все, и у каждого свой окоп – даже в тылу. И здесь никаких компромиссов – поэтический голос Возжаевой начинает звучать на предельной высоте. Ее максимализм не приемлет сегодня праздничных торжеств, переходящих в отвязные сатурналии, в пир во время чумы.

Стихотворение «Я умираю в центре, на Тверской...» – образец современной гражданской лирики, когда публицистика настолько же остра, как и художественная выразительность: они не подменяют друг друга, словно на де-

журстве, как это часто можно заметить в стихах многих поэтов-«патриотов», они слиты органически, неразрывно.

«Русский мир», который утверждается на передовой Донбасса, обретает у Натальи Возжаевой широкий метафизический смысл.

Мир здесь, в тылу, а значит, и мир вообще, представляется поэту зыбким, недужным. «...МИР перевернут, искажен»; «пока весь МИР висит на волоске...»; «Дом готовится к холодам, // МИР к чему-то – подумать страшно...»

Но МИР этот будет стоять и утверждаться упорным и постоянным созиданием жизни, вопреки войне, как восстанавливаются каждый раз дома в Донецке после артобстрелов...

Волна смывает начисто красу,
Что создал ты, не паникуй, рисуй.
Еще рисуй на чистом теле пляжа,
Как девочка не в платье – в камуфляже,
Несет под курткой в дом к тебе кота.
Ведь без кота никак и никуда.
Пускай все без основы, на весу.
Волна стирает мир, а ты рисуй.

Лишний раз убеждаешься, что настоящий поэт не тот, кто пишет лучше мастера-стихотворца (бывает, что и не лучше), а тот, кто отстаивает свои ценности и создает свой цельный неповторимый поэтический мир. И такое создание предполагает всякое преобразование материала не столько по общим поэтическим правилам, сколько по собственным творческим законам.

Вспоминается главный совет Бродского поэту: «Ничьи – пусть самые высокие – правила тебе не закон. Это не твои правила. В лучшем случае, они похожи на твои. Будь независим. Независимость – лучшее качество, лучшее слово на всех языках».

А по словам автора известной «Азбуки стиха» Александра Михайлова, показателем силы таланта являются «преображение банальностей и общих мест... Возвращение им первородной сути, освобожденной от наслоений всеобщности... Его способности «переваривать» в тигле души «словесное месиво» повседневности».

Иными словами, открывать для себя новое и удивительное в привычных явлениях, как это умеет делать Наталья Возжаева:

Так много перечитано страниц
Мудрейших книг, написанных не мною.
Учиться бы у бабочек и птиц
Принять без слов присутствие земное.

Я вижу это чудо каждый год,
И каждый год, глазам своим не веря,
Невольно принимаю жизни ход,
Уверенный сквозь беды и потери.

Избавившись от зимней слепоты,
Я поражаюсь чуду, как ребенок, –
Вновь воскресают красные цветы
Из луковки, когда-то погребенной. ■

Архив Людмилы Хоревой

ЛЮДМИЛА ХОРЕВА

Родилась в 1953 году в станице Придорожной Краснодарского края. В 1975 году окончила филологический факультет Кубанского госуниверситета, кандидат наук, доцент кафедры публицистики и журналистского мастерства. Публиковалась в «Родной Кубани» и других СМИ. Живёт в Краснодаре.

ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ ЖЕНСКИЙ МИР ПОЭЗИИ НАТАЛЬИ ВОЗЖАЕВОЙ

Прижимая к груди черную книжечку с красным крабом на обложке, студентка идет к выходу между партами, сияя на меня благодарным взглядом. Длинноволосый студент с воодушевлением протягивает на подпись такое же издание и говорит, что обязательно поделится им со своей девушкой... Занятие по актуальным проблемам литературно-художественного творчества завершилось подарками. Тему образности в поэтическом произведении мы обсуждали на примере стихов новороссийского поэта Натальи Возжаевой. Читали вслух и про себя. Тишина погруженности в стихию строк прерывалась мнениями, впечатлениями, цитатами, восторженными восклицаниями. По публикациям в «Родной Кубани» и встречам на литературных конференциях поэт была уже знакома студентам. Но на том уроке они поняли, что стали искренними поклонниками ее творчества...

Еще не прошло и пяти лет, когда на моем мониторе впервые открылись тексты, удивившие непохожестью на те многие, которые обычно присылают начинающие. По тогдашнему признанию Натальи, она занималась стихотворчеством третий год. Да, не с детства и даже не с юности. Известие это было ошеломительным, и до меня не быстро дошло, что я беседую по телефону не с выбирающей свой путь в жизни юной леди, а, как оказалось, мамой двух взрослых детей, один из которых был уже женат. Диссонанс между впечатлением от стихов и стандартным представлением о «начинающем» авторе постепенно сглаживался: зрелая по содержанию и форме поэзия, которая открылась мне всеобъемлющим женским миром, совместилась, сошлась с обликом многогранной в своих талантах обаятельной женщины.

Сегодня Наталья Возжаева – испытанный в больших и малых поэтических соревнованиях боец, лауреат первых премий конкурсов «Русский Гофман» и «Поэт года» (2023), ее стихи охотно печатают журналы «Родная Кубань», «Москва», «45-я параллель», «Тропы», «Нева» и другие литературные издания. Она выступает на конференциях, которые проводит кафедра публицистики и журналистского мастерства КубГУ, организовала в «ВКонтакте» постоянную рубрику «Смелый автор», чем оживила общение в чате знатоков поэзии. Она встречается на творческих вечерах со своими читателями и радует сборниками стихотворений. Вышли уже три: «Струнность ливней» в 2020 году [4], «Крабик улепетывает боком» в 2022-м [2] и «Соседка жарит лук» в 2025-м [3]. Названия оригинальные и емкие по смыслу, броские, в самый раз для собраний ярких поэтических сочинений.

День ото дня появляются новые стихи. Мир поэта в общем-то непостижим. На мой взгляд, у нашего автора он складывается из самых разных штрихов и клеточек, запахов и бликов, голосов и шорохов, которые Наталья успевает заметить вокруг себя, но все они исходят из какой-то одной мысли, одного впечатления, одного чувства. Когда этот движущийся калейдоскоп замирает в последней

строчке, неожиданно появляется завершенный образ, главная мысль – все ниточки в кулаке. И ты понимаешь, для чего и почему шел по ступенькам строк ниже и ниже, для чего чувствовал каждое из слов и соединял их. Ты понял, ты узнал, и ты поднялся к еще одной грани мира. Мира ее, Натальи Возжаевой, а как потом оказывается, и твоего. Умение превратить некую деталь бытия в целое полотно переживаний и зацепить им читателя и есть талант сочинителя.

Читаешь, и сердце то сожмется от грусти, то вспыхнет радостью, то защемит от нежности, а бывает, и слезинка тронет ресницы, спазм в горло вцепится... Так случается только от настоящей поэзии – искренней, тонкой, многомерной, богатой.

Штормит, и ветер бесноватый
Тебя достанет из кровати
Чуть свет. Идти на пляж и думать,
Как изменились за ночь дюны.
Вчера был мир и свет над нами,
И крабик маленький клешнями
Махнул приветливо: «Постой!»
Мы подошли, а он пустой.
Нет смысла жаловаться громко,
Став на песке у самой кромки.
Все бесполезно, шторм грохочет,
Тебя не слышно.
Море громче.
(«Пустой»)

В одном из первых телефонных разговоров с Натальей, когда мы еще были на «вы» и я была для нее редактором будущей книги, а она уже стала для меня нежданным открытием, моей прекрасной «Эврикой!», она с сомненьем в голосе спросила: «А как надо писать стихи?» Я ответила: «Вот так и надо, как пишете вы».

Конечно, она удивила своим вопросом, причем он был задан смущенно, наверное, с надеждой услышать какую-нибудь «Америку». Но что можно было сказать ей, если она сама подборкой уже к первому изданию подарила нам целый континент любви, неподдельной чуткости, тревоги за весь мир, смелости и открытости?! Если ее слог являл профессиональный пиетет к русскому слову и насыщенность словарных закромов?! Если строчки, кое-где умело приправленные просторечным словцом, были зримыми, как кинокадры?!

Небесная пекарня напекла
На сини пухлых облаков-оладий.
Помножив их в зеркально-чистой глади
Реки. Полощет грустная ветла,
К воде спустившись чуть не до колен,
Сквозь сетку ряски тоненькие пальцы.
Прижали ушки солнечные зайцы,
И ветер спит, и шевелиться лень.
Так обездвиживает все звенящий зной.
И шмель висит над пряным медоносом.
Как мягко мир на все твои вопросы
С улыбкой отвечает тишиной...
В зените золотая голова,
И ты, прислушавшись и замерев по-рысьи,
Услышишь истину и прикоснешься к смыслу,
Когда в тебе закончатся слова.
(«Молчи»)

Этими шестнадцатью завораживающими строчками о моменте истины завершался первый сборник.

Второй сборник Наталья Возжаева предложила начать стихотворением, на мой взгляд, программным. Не возникало сомнений, чтобы именно оно стояло первым – как ключевое для выражения позиции автора. Поэт сам определяет назначение, адресность своей поэзии, тематику, истоки и источники. Для Натальи было в тот раз важно, чтобы читатель с первой страницы прислушался к ее голосу, дыханию, ее боли, поверил в искренность:

Снимите микрофон. Я говорю в людей.
Меня услышат те, кому дано услышать.

Кто слышит тихий звук, с которым по воде
Расходятся круги. Пожалуйста, потише...
(«Снимите микрофон. Я говорю в людей...»)

Пересмотрев все сборники, я не нашла других стихов, в которых она так настойчиво пыталась бы обратить на себя внимание читателей. Как нет у нее и стихов-признаний в любви к читателю. Но есть вера, вера в то, что искреннее и правдивое слово люди обязательно услышат. А если не верить, зачем тогда «звенеть струной на тонкой деке»?

«Боюсь косноязычья» – признается автор там же, в программном. Поэту необходимо быть услышанным, поэтому так страшно не донести свое слово: «Хожу по краю». И все же обратная связь на разговор «о грусти... о счастье, о любви» видится ей неизбежным откликом, новым вдохом: «Дыхание вернут, в меня шепнув: "Живи!"».

Вот тут хочется вспомнить ответ Натальи Возжаевой в интервью с Л. Березкиной [1].

Вопрос: «Помогает или мешает успех на литературном поприще, сказывается ли это на стихах?»

Ответ: «Что может помешать думать стихами?»

Редкий человек имеет такое же мнение. А для поэта, получается, это естественно! Думать созвучьями и ритмами всего, что окружает, – это как для других дышать. Врожденное, природное поэтическое мышление создает лаконичную симфонию слов, красок, чувств, чтобы потом нести эту музыку людям, «говорить в них», как в чуткий микрофон, быть «проводником» в замкнутой цепи:

И замыкаешь цепь собой, проводником,
И пропускаешь боль сквозь сомкнутые веки...
(«Снимите микрофон. Я говорю в людей...»)

Все же диалог о себе и своей поэзии Наталья Возжаева с читателем ведет. Нашлось в третьем сборнике одно стихотворение, в определенном смысле предупреждение тем, кто пытается приземлить, расшифровать и ее стихи, и всю чуткую внутреннюю настройку, угадывая в них подспудные мысли и чувства. Одной строкой автор останавливает подобные попытки и дальше просто приглашает читателя увидеть мир таким, каков он в ее обостренном, цепком ви́дении – хрупкий, тонкий, щедрый, наполненный. Она призывает не только увидеть, понять, но и не разрушить, не навредить:

Нет, не переводи меня на свой язык,
Не стряхивай росу с сиреневых соцветий.
Звук тонок, невесом, как радужный пузырь.
Увертлив, как малек, неуловим соцсетью.
И вот еще, смотри, поденки тронь крыло –
И больше не взлетит. А ей и так недолго.
<...>
Пойми меня без слов об этом и о том...
(«Не переводи»)

«Пойми меня без слов...» Но в поэзии без слов не получится. Как раз в зачет идут найденные автором слова. Смотреть, слушать, думать, писать для себя, для людей, не останавливаться в движении – и вызывать отголоски, заставлять звучать тонкие струны в каждом из нас.

Мир стихов Натальи Возжаевой населен. Ее мир – это мир людей. Ее душа открыта, она тянется к человеку добрым, внимательным, неравнодушным взглядом. Кто герои ее стихотворений? Вот они – самый близкий круг. Как у каждого из нас – любимые, мужья и жены, сыновья и дочки, отец и мать, бабушки и дедушки. Они – в первом ряду. Потому так и близки нам чувства поэта, потому и трогают, что это все рядом, земное и родное:

И все-то знает, в сто раз умнее
Занудных взрослых, философ мой.
Смеюсь сквозь слезы, о боги, мне ли
Ее ругать – я была такой.

Сидит, поджав жеребячьи ножки,
Молчит, нахохлившись, как сова.
Такое вот «нехочунетрожьте»,
Какие тут подобрать слова?..
(«Переходный»)

...У него все просто – око за око и зуб за зуб.
Он готов порвать за боль мою, за слезу.
Нет нюансов, нет компромиссов,
удар на сдачу.
Милый зверь мой, да я потому и плачу.
Он пристроит лобастую голову на мои колени
И сжигает меня, как огонь в очаге поленья.
И уже не могу разобрать и понять
сквозь любовный дым:
Я нужна ему жизненно или он мне необходим...
(«Он такой...»)

Я уже сама два раза мама
И, как ты, единожды жена.
Но к тебе суюсь, как в детстве. Мало
Мне тебя. И ты со мной нежна.
Я прошу тебя теплей одеться,
Посидим на лавочке вдвоем.
Ты не любишь говорить о детстве –
Нахлебалась горя до краев...
(«Маме»)

...Что у меня от него? «Отпусти ручник!
Выжми сцепление, первую, жми на газ!
Руль выворачивай круче! Ну вот те раз!
Я ж говорил, что талантливый ученик!»
Что у меня от него? Что любовь как жизнь:
Дважды не выйдет, единожды – навсегда.
«Счастье не судят, нет для него суда.
Не торопись, ну а выбрала – так держи».
В маленьком садике тонкие деревца
Гибко и нежно гнутся, но не сломать.
«Ну и характер! – вдруг улыбнется мать. –
Что у нее от него? Да вся в отца!»
(«Что у меня от него?»)

А дальний круг в стихах Натальи Возжаевой несомненно шире. Их много, тех, кого достигает ее душевное зрение, кому нужны понимание, сочувствие, восхищение – ни в одном стихотворении нет просто созерцания, даже в стихах о природе. Везде или встроенность переживаний самого автора по разным поводам, или беда с кем-то другим, а может, и со всеми нами... Перечитайте в последнем ее сборнике стихи с «природными» заголовками «Ветра крутили пакостно и зло...», «Какой неповторимый выпал снег...», «Вьюнок», «Чуть потеплело» и много других – в каждом есть напряженная строка, через которую и пробивает болевой ток. В стихотворении «Астры» звучит тревога за наше будущее, язык, моральные ценности:

Тихий дом и опрятен, и светел,
Полон сад подмороженных астр.
Чешут в школу, чирикая, дети
Мимо астр, мимо дома и нас.

Краснощеки, громки и нарядны,
Чешут дети обоих полов.
И кидают друг в друга нещадно
Звонко бьющие камушки слов.

По дорожке из солнечных пятен,
Мимо сада с головками астр
Чешут дети, чирикая матом,
И глаза не отводят от нас.

Занят мир, совершенствуя атом,
Наступая на пятки богам.
Только дети ругаются матом,
Не читая еще по слогам.
(«Астры»)

В «Струнности ливней» есть яркие стихи о нашей Великой войне, в которой 80 лет назад страна защитила себя, выстояла, и о трагичных судьбах ее солдат уже после фронтовых испытаний («Повешены и...», «Соперница»). Продолжается эта тема и во втором сборнике – стихотворение «Надежда» поражает своей

открытой, резкой правдой о горькой жизни женщины, чье тело и душа искалечены войной:

Есть надежда у Надежды на завод.
Тот любую, даже битую, берет.
Ацетон, дубитель, полиэтилен.
Трудно Наде поднимать страну с колен.
(«Надежда»)

Много написано Натальей Возжаевой и о том, что пережито ею в родном городе Грозном в годы внутренних бурь нашего государства, о страшном времени потерь. К тем горьким временам возвращают стихи «Ампутация», «Грозный город», «Городкоторогонет», «Кап. Кап...», «Мне снится берег иногда...», «Сволочи» и др. Себя и своих однокашников она считает поколением, живущим с ощущением «ампутированной родины». Это один из сильнейших образов в ее поэзии, он придает особую остроту осознанию трагедийности свершившегося с людьми в тот исторический момент. И это незаживающая рана:

Посмотришь, мы здоровы с виду вроде бы,
Но мы-то знаем, друг мой инвалид,
КОГДА нам ампутировали родину...
Вот нет ее, а все болит, болит...
(«Ампутация». Выделено большими буквами Н. Возжаевой)

Тема эта неисчерпаема для автора, поскольку контакты, встречи с прошлым продолжаются. Поездка в Грозный через тридцать три года и посещение родного дома, в котором давно живут другие люди, очень волнительны:

Поднимаю ватную руку, стучу в ворота.
Завитушки кованые по краям.
За воротами речь знакомая, горловая –
«кто там?»
Отвечаю растерянно, односложно – «я».
А на мне косынка, платье в пол и слезы градом,
Я смотрю во двор и по-русски так: «Боже мой!»
И хозяйке нынешней объяснять не надо –
Понимает: я вернулась домой.
<...>
Тут был шкаф, где хранил свои
акварели мальчик.
Мой отец. Под тем железным настилом.
Пожилая чеченка обнимает меня и плачет.
– Ничего, – говорю ей, – ничего. Отпустило.
(«Русские кавказцы»)

С конца февраля 2022 года, когда всем нам было непросто, когда каждый день начинался сводками с СВО и каждый из нас определял свое отношение к событиям. О своей позиции Н. Возжаева заявила 8 апреля 2022 г. в 18:50. В личную переписку она прислала мне свою реакцию на ролик, который накануне был выложен в инет, – о пожилой паре украинцев, вышедших встречать украинских солдат с красным флагом, приняв их за бойцов российской армии. «Не выдержала. Порвал меня ролик о стариках на части. Я сейчас сюда кину, но скажу сразу, что не стихи. Позиция». Я возразила, что даже если стиль не ее, то она сама в этих строках есть: «Только ты можешь в нужный момент все припомнить и назвать словом».

Мы приводили к тебе упырей,
Жалких, убогих и духом, и телом.
Мы говорили тебе: пожалей.
Верила нам, привечала, жалела.
<...>
Высохшей, тонкой, но сильной рукой
Вынесла снова не красное знамя –
Сердце несла, наколов на древко,
Сердце и совесть: «Победа за нами».

Господи, больно, но вот она, здесь,
Немощной старости гордая сила.
Память, история – все, что мы есть...
Бабушка, в землю поклон от России.

Поразило то, что, публикуя свое, Наталья думала о других: «Не мое это. И стиль не мой. Но тут... может быть, это кому-то надо. В лоб... по-другому не смогла».

Иногда надо и в лоб. В тот же вечер мои друзья передали ей спасибо. Утром следующего дня стихи появились на сайте «Родной Кубани».

Как предательство оценена поэтом бурная праздная жизнь российских столиц в стихотворении «Я умираю в центре, на Тверской...», и связаны одной нитью памятники священных войн на Поклонной горе и Красной площади и гибель новых солдат России:

Я умираю в центре, на Тверской,
Они – на Угледарском направлении.
Москва, скажи, затеяно на кой
Тобой все это светопреставление?

Как ты могла забыться и забыть?
Тебе ли на крови гудеть и праздновать?
Я думала, одной с тобой судьбы,
Войны, Победы. Оказалось – разные.
<...>
Ну, маршал на холодном жеребце,
Что скажешь ты на это? Впрочем, надо ли?
И я читаю на твоем лице:
Предатели, предатели, предатели.
(«Я умираю в центре, на Тверской...»)

И, видимо, только прозой хотелось бы говорить Наталье Возжаевой о прозе войны... В такой форме представлены два произведения третьего сборника «Вернувшийся» и «Привет». Есть в них и ритм, и рифма – тут автор не может изменить себе, они внутренне держат текст. Но строки, не уложенные в стройные столбцы, берешь не глазом, а выбираешь главные слова по смыслу – и тем пронзительнее итог.

Первое произведение – показанные с изнанки, изнутри в их сегодняшнем значении блоковские строки: «О доблестях, о подвигах, о славе / Я забывал на горестной земле...». Друг, вернувшийся «оттуда», просит «Натаху» «спеть о любви» – почитать стихи:

«"Но только о беседке с тусклой лампой, о мотыльках, о жимолости спой, спой о песчаных пляжах под Анапой, и, может быть, и я спою с тобой".

Я пела, ну, вернее, я читала. Мелькал в беседке мотыльковый свет, а он сидел и в сад молчал устало.

Расцветший сад молчал ему в ответ».

Во втором произведении автор, вложив в форму эсэмэски прозаичность быта обывателей, то есть людей обычного образа жизни, каждого из нас, соединяет с ним горькие приметы нашего сложного времени:

«Привет! Дела? Да так. Дела. Весна – вскопать, забор покрасить. Шпалеру роза обвила и вниз стекает ярко-красным. Вот угольком в траве скворец, и горлица как щеголиха. Еще открыт ветрам Донецк, и в Горловке еще не тихо... <...> И пахнет скорбью и травой нестройный ряд тигровых лилий.

А что сосед? Да ничего. На днях его похоронили. Вот и дела. Да как... Никак. Смерть в море бросила монетку. Не поднимается рука в калитку постучать к соседке».

Так поэзия Натальи Возжаевой стала нервом и совестью наших дней, и последние пять лет моей жизни прошли под ее светом.

Разные люди, полюбившие непохожие по тематике и стилистике стихи Натальи Возжаевой, пишут об узнаваемости ее почерка и тонкости наблюдений. Сейчас, когда имя ее на слуху, когда больше двух с половиной тысяч подписчиков во «ВКонтакте» ждут обновления ее страницы и сверяют по ней переживания и радости, когда о ее творчестве сложилось у многих свое представление, когда она каждому заглянула в душу, писать о ней сложнее, чем когда ее стихотворный мир только открывался широкой публике.

Сейчас уже очевидно: Н. Возжаева – один из самых ярких, талантливых поэтов нашего времени.

Сегодня, в середине мая 2025 года, Наталья Возжаева опять в гуще событий: Калининград принимал поэтов на X Международном литературном конкурсе-фестивале «Русский Гофман». «Неповторимый, единственный, родной... Я счастлива, что являюсь частью истории этого прекрасного конкурса» [5], – написала Наталья в соцсети. Ждем ее возвращения в Новороссийск и Краснодар с новыми впечатлениями и творческими планами. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Березкина, Л. «Женщина, которая пишет стихи»: интервью с Натальей Возжаевой / Л. Березкина. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/gost-zhurnala/gost-zhurnala_16017.html?ysclid=mapwyt1v6x188193454 (дата обращения: 15.05.2025).

2. Возжаева, Н. В. Крабик улепетывает боком: стихотворения / Н. В. Возжаева. – Красноярск: ООО «Палитра», 2022. – 96 с.

3. Возжаева, Н. В. Соседка жарит лук: стихи / Н. В. Возжаева. – Москва: Издательство РСП, 2025. – 168 с. – ISBN 978-5-4477-0080-5.

4. Возжаева, Н. В. Струнность ливней: стихи / Н. В. Возжаева. – Краснодар: Федор Филев, 2020. – 224 с. – ISBN 978-5-6045394-1-5.

5. Наталья Возжаева. – URL: https://vk.com/vozzhaevan (дата обращения: 16.05.2025).

Архив Виктории Гуреевой

ВИКТОРИЯ ГУРЕЕВА

Родилась в 2005 году в Донецке. Студентка 3-го курса факультета журналистики КубГУ.
Живёт в Краснодаре.

Степь – бескрайняя, выжженная солнцем, пронизанная ветрами, что гуляют меж терриконами, как древние духи. Эти черные пирамиды – немые стражи Донбасса, символ его трудовой славы и тяжкой доли. Они сложены из пустой породы. Для местных – это часть пейзажа души, такая же неотъемлемая, как запах угля и гудки шахтерских смен.

Здесь люди славятся крепким характером, закаленным в темных лабиринтах шахт. Шахтер – не просто профессия, а призвание, наследственное и почетное. Их лица иссечены угольной пылью, словно морщинами самой земли, а руки знают цену каждому комку «черного золота». Они спускаются под землю, где время течет иначе, и возвращаются на поверхность с чувством выполненного долга, и понимают: Донбасс меняется.

Города здесь дышат историей и болью. Донецк – город роз, где когда-то цвели тысячи алых цветов, а теперь они пробиваются сквозь трещины в асфальте, будто напоминая: жизнь сильнее войны.

Земля здесь помнит все. Помнит грохот электровозов, везущих уголь из глубин, помнит звонкие голоса детей, бегущих по улицам Горловки и Макеевки после школы. Помнит запах горячего хлеба из местных булочных и терпкий дым заводских труб. Но больше всего она помнит войну.

С 2014 года Донбасс живет в двух измерениях. В одном – обычные люди ходят на работу, смеются, празднуют свадьбы, растят детей. В другом – каждый день может оборваться грохотом, и тогда привычный мир рассыпается, как старый кирпич от прямого попадания.

Города, которые раньше гордились стадионами, парками, дворцами культуры, теперь гордятся тем, что устояли. В руинах – школы, в которые больше не спешат ученики. Разбиты трамвайные пути. Они, словно шрамы, тянутся через пустынные улицы. Аэропорт Донецка, за который наши бились так отчаянно, теперь – лишь бетонные осколки и память.

РУССКИЕ РОЗЫ ДОНБАССА

«Мы всегда знали, что мы – Россия», – говорят здесь. Долгие годы Донбасс ждал этого момента. Так шахтер в забое ждет глотка свежего воздуха. Референдумы, каски ополченцев, Крымская весна, которая дала надежду, – все вело к одному.

И когда в 2022-м пришло официальное воссоединение, здесь не было бурного ликования. Была тихая, сдержанная радость, смешанная с горечью. Потому что слишком многое потеряно. Потому что не все дожили. Потому что война не закончилась в один день.

Сейчас здесь медленно, постепенно возвращается мир. Но некоторые вещи остаются пока пустыми. «Донбасс Арена», некогда сверкавшая, как символ новой Украины, теперь молчит. Ее сиденья покрыты пылью, экраны погасли. Может быть, когда-нибудь здесь снова зазвучит гимн, но уже другой, нашей страны. Гимн России.

Терриконы, как и прежде, дымятся на горизонте. Шахты работают. Степь шумит травой, будто пытается заглушить эхо взрывов.

Гуляя по Донецку сейчас, можно уловить странное ощущение – город словно замер между двумя эпохами. На некоторых домах еще висят выцветшие вывески с украинскими названиями, но рядом уже красуются новые таблички на русском. Ветер шевелит обрывки старых афиш, но на остановках – свежее расписание автобусов до Ростова и Краснодара.

Люди здесь привыкли к переменам. Они научились выживать в условиях, когда утром – мир, а вечером – воздушная тревога.

Уголь остается кровью Донбасса. Даже сейчас, когда многие шахты разрушены или затоплены, те, что работают, продолжают качать «черное золото» из недр. Только теперь вагоны везут его не на запад, а на восток – в Россию.

Старые шахтеры, те, что помнят еще советские времена, говорят: «Раньше мы кормили Украину, а теперь будем кормить Россию. Работа та же, только справедливость вернулась».

Но молодежь уже смотрит дальше. Многие уезжают – кто в вузы, кто на заработки. Те, кто остается, мечтает не просто о стабильности, а о новом Донбассе – где вместо полуразрушенных зданий будут парки, а вместо руин старых заводов – современные производства.

Несмотря на все перемены, война еще не стала прошлым. Где-то за горизонтом грохочет артиллерия, и даже в «мирных» районах люди вздрагивают от резких звуков. На окраинах остались блокпосты.

Но есть и другое. Есть бабушки, которые каждое утро выходят подметать двор, даже если на соседней улице – руины. Есть волонтеры, развозящие гуманитарку в самые отдаленные поселки. Есть учителя, которые в полуразрушенных школах рассказывают детям о Пушкине и Гагарине, словно пытаются вернуть им кусочек нормального детства.

Донбасс больше не ждет – он строит. Медленно, с трудом, но строит. Российские флаги развеваются над администрациями, рубль вытеснил гривну, а в эфире вместо украинских ток-шоу – российские новости.

Но главное – меняются люди. Они больше не «жители востока Украины», они – русские. Со своим особым характером, со своей гордостью, со своей памятью. Но все это – частица русского мира.

Когда-нибудь «Донбасс Арена» снова наполнится людьми. Когда-нибудь русские розы Донецка будут цвести не среди развалин, а в ухоженных скверах. Когда-нибудь война останется только в музеях и в наших рассказах. ■

Архив Лилианы Хашба

ЛИЛИАНА ХАШБА

Родилась в 2005 году
в городе Белореченске.
Студентка 2-го курса факультета
журналистики КубГУ.
Живёт в Краснодаре.

ИХ ВЫБОР – ДЕНЬГИ: «МОНОХРОМ» И ЦИНИЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ КО ДНЮ ПОБЕДЫ

В публичном пространстве все чаще звучат обвинения в адрес поколений Z и Y, названных американскими исследователями Нилом Хау и Уильямом Штраусом прагматиками. Их обвиняют в излишнем акценте на личной выгоде, карьерных амбициях и самовыражении, граничащем с нарциссизмом. Разумеется, подобное обобщение вызывает возмущение: судить о целом поколении по единичным примерам – путь, чреватый несправедливостью. Но что делать, если именно эти черты все чаще определяют облик так называемой «интеллигенции» XXI века, тех, кто формирует общественное мнение и задает тон в культуре?

Очередной скандал, в центре которого – основатели российского бренда одежды «Monochrome». Не успела общественность забыть бурную реакцию на «голую вечеринку», как новая волна хейта накрывает модный магазин. Но почему?

6 мая 2025 года в телеграм-канале российского бренда одежды «Monochrome» появилось объявление, которое, на первый взгляд, не выходило за рамки стандартных информационных сообщений: «Магазин на Большой Дмитровке 7 и 9 мая начнет работу не в обычном режиме, а с 14:00» [1], учитывая причину – празднование Дня Победы, это не должно было вызвать вопросов. Однако дальнейший текст, опубликованный администраторами канала, сложно назвать иначе, как проявлением вопиющего цинизма: «Потому что что? Правильно – парад. Потому что что? Правильно – всем плевать на бизнес чужой. Ноу комментс, как говорится» [1].

И сразу же в голове появляются следующие мысли: за этой нарочитой небрежностью и ироничным вопросом-ответом скрывается не просто неуважение к празднику, имеющему огромное значение для миллионов людей, но и демонстративное пренебрежение к общественным ценностям. Попытка прикрыть безразличие ко Дню Победы саркастической отговоркой, по сути, раскрывает мировоззрение, где личная выгода, успех бизнеса и потребительский комфорт ставятся на первое место, вытесняя собой историческую память и уважение к прошлому. Фраза «Ноу комментс, как говорится», вместо того, чтобы поставить точку в обсуждении, лишь подчеркивает глубину духовного кризиса, когда подобное отношение к важнейшим событиям истории становится нормой, а цинизм выдается за проявление остроумия.

Но и это еще не все... Кажется, что подобное сообщение и так уже является некой крайностью и показателем всего того, что нужно и не нужно, но администраторы решили не останавливаться на этом...

Реакция общественности на публикацию последовала незамедлительно. В комментариях к посту в телеграм-канале «Monochrome» развернулась бурная дискуссия, отражающая глубокое возмущение циничной позицией владельцев бренда. Клиенты выражали недоумение и возмущение, напоминая о цене, заплаченной за мирное небо над головой. «Один рабочий день – не очень большая плата за четыре года борьбы и миллионы погибших, чтобы вы сейчас жили и вели свой успешный бизнес. Давайте помнить», – справедливо отметила одна из подписчиц [1].

Однако тон ответа, полученного ею от представителей бренда, поражает еще больше, чем первоначальная публикация: «Если у вас память отшибает вместе с интернетом, то у меня память работает отлично, даже с работающим магазином. <...> Вас забыла спросить. Не нужно к нам приезжать» [1]. Вместо признания ошибки и попытки сгладить ситуацию, представители бренда,

по сути, предложили несогласным клиентам покинуть их аудиторию. Подобная реакция, безусловно, свидетельствует о глубоком моральном кризисе и ставит под сомнение ценности, которые лежат в основе деятельности бренда. Но не станем спешить с выводами и выясним все по порядку.

Спустя семь часов молчания под натиском общественного негодования в телеграм-канале «Monochrome» все же появился текст с извинениями. Вероятно, перспектива стремительно теряющей лояльность аудитории оказалась куда более пугающей, чем казалось изначально. На связь вышел генеральный директор ООО «Монохром» Николай Богданович, представившийся единоличным собственником бренда.

«Мы допустили колоссальную ошибку. Очень сильно и совершенно на пустом месте. Просто потому, что впервые в жизни не подумали над тем, что и как пишем», – заявил он. Однако искренность раскаяния вызывает большие сомнения. Возникает закономерный вопрос: разве в ситуациях, касающихся Дня Победы, вообще уместны «раздумья»? Разве уважение к памяти павших, к подвигу ветеранов не является аксиомой, не требующей каких-либо дополнительных обоснований? Предложение «не подумали над тем, что и как пишем» звучит как неуклюжая попытка оправдать непростительную беспечность [1].

Далее автор пытается убедить аудиторию в том, что компания всегда демонстрировала уважение ко всем праздникам в России, ставя развлекательные, религиозные и государственные в одну линию. Но подобное «уважение ко всему подряд» лишь размывает ценность каждого праздника в отдельности, превращая их в набор формальных поводов [1]. Создается впечатление, что в «Monochrome» попросту не видят разницы между Днем Победы, Светлым Праздником Пасхи и «днем св. Валентина», сводя все к единому знаменателю потребительской культуры.

Казалось бы, в произошедшем нет ничего, кроме констатации очевидного: ситуация с брендом исчерпала себя, обнажив глубину цинизма и духовного оскудения, свойственных его представителям. Однако стоит взглянуть на произошедшее и под другим углом, заострив внимание на личностях основателей бренда: Николае Богдановиче и Алисе Боха.

Особый интерес вызывает фигура последней. Алиса Боха, она же Алеся Матящук, – уроженка Липовецкого района Украины. Перебравшись в Москву, она долгое время работала стилистом, а после брака с Николаем Богдановичем приняла решение заняться собственным делом, что и привело к созданию бренда «Monochrome». Подробности ее карьерного пути, безусловно, интересны, но в контексте развернувшегося скандала первостепенное значение приобретает интервью, опубликованное в ноябре 2022 года на YouTube-канале* журналистки Мадонны Мур (сейчас заблокирован).

Уже в самом начале интервью Алиса Боха оговаривается: тема предстоящего разговора о СВО для нее тяжела и болезненна, поскольку касается ее семьи [2]. Казалось бы, это свидетельствует о трепетном отношении к родным и глубоком сопереживании происходящему. Однако дальше следует уточнение, которое несколько диссонирует с заявленным тезисом: оказывается, ни с кем из родственников, оставшихся на Украине, – отцом, бабушкой, дедушкой, она не поддерживает связь. Более того, на своей малой родине Алеся Матящук не была уже довольно продолжительное время.

Возникает вопрос: о какой боли и тяжести может идти речь, если ниточка, связывающая героиню с ее семьей и прошлым, фактически оборвана?

«Мне хотелось все бросить! Мне хотелось все закрыть, куда-нибудь сбежать», – признается Алиса Боха в интервью [2]. Эти слова, произнесенные в ноябре 2022 года, на первый взгляд, могли бы вызвать сочувствие, но, учитывая контекст и последовавшие события, они звучат, скорее, как циничная декларация о собственной беспомощности.

Прошло три года с момента записи этого интервью. За это время госпожа Матящук так и не поняла, что в России идет СВО. И это при том, что, по официальным данным, выручка «Monochrome» в 2024 году составила около двух миллиардов рублей. Так к чему же все эти напускные слезы и проникновенные слова, которые на поверку оказываются лишь ширмой, скрывающей банальное лицемерие?

Не задумывается ли Алиса о том, что сейчас российским солдатам, находящимся на передовой, в районе Троицкого в Донецкой Народной Республике, тоже хочется «все бросить и куда-нибудь сбежать»? Но они,

в отличие от Алисы, продолжают сражаться, движимые мужеством и ответственностью за свою страну. Что же движет госпожой Матящук, остается загадкой, учитывая слова, сказанные администрацией ее компании в преддверии 9 Мая.

Двенадцатая минута интервью с Алисой Боха приоткрывает еще одну любопытную деталь ее характера. «Чаще всего мне "прилетает" (то есть отрицательные комментарии. – Л. Х.) за мою резкость и неумение подышать», – признается она [2]. Это самокритичное замечание невольно наводит на мысль: не сама ли хозяйка бренда, известная своей прямолинейностью и импульсивностью, являлась автором тех самых скандальных комментариев, спровоцировавших волну негодования?

Конечно, нельзя утверждать это наверняка. Однако вполне возможно, что резкий и циничный тон публикации, посвященной Дню Победы, является отражением личных убеждений Алисы Боха. Впрочем, не исключено и другое: вокруг Алисы и ее мужа Николая сформировался круг единомышленников, разделяющих их взгляды и готовых поддерживать их в любой ситуации.

Ближе к финалу интервью с Мадонной Мур А. Боха делится сокровенным: она мечтает о том, чтобы ее бренд стал «чем-то семейным, масштабным и полезным» [2]. Эти слова, произнесенные, казалось бы, с искренним желанием, вызывают в сложившейся ситуации лишь горькую иронию.

В ответ на это заявление хочется напомнить: семейным и масштабным для миллионов россиян является не модный бренд, а День Победы – праздник, объединяющий поколения и символизирующий единство народа перед лицом общей угрозы. Полезными должны быть не дизайнерские вещи, а истории тех самых ветеранов, непосредственных участников войны, которых, к сожалению, остается все меньше и меньше. Теплом нас должны согревать не ваши худи за двадцать пять тысяч рублей, а воспоминания о бессмертном подвиге, как прошлом, так и нынешнем, о мужестве и самоотверженности тех, кто, не жалея жизни, защищал и продолжает защищать нашу Родину.

Увы, судя по произошедшему, владельцы «Monochrome» этого так и не поняли. Для них «семейным», «масштабным», а также «полезным» является только то, что приносит прибыль и укрепляет их личный бренд, а память о прошлом, уважение к истории и сочувствие к чужой боли остаются за кадром этой потребительской драмы. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. . МОНОХРОМ / телеграм-канал – URL: https://t.me/monochromebyalisa (дата обращения: 06.05.2025 г.).

2. Мур М. Алиса Боха о создании успешного бренда Monochrome и жизни после спецоперации / Ok.ru. – URL: https://ok.ru/video/4597375045236 (дата обращения: 07.05.2025 г.).

YouTube – запрещенная платформа на территории Российской Федерации.*

КУБАНЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

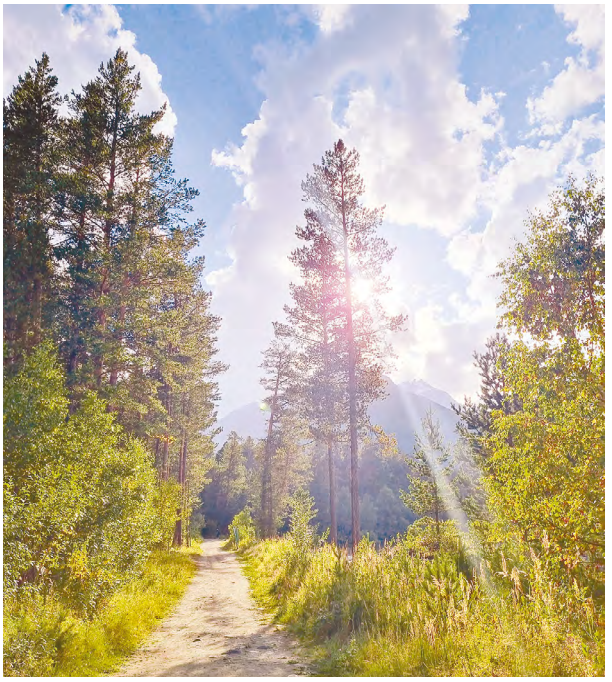
Поселок Витязево, весна 2025. *Фото Горяйновой Виктории.*

Красная Поляна, весна 2025. *Фото Дарьи Семененко.*

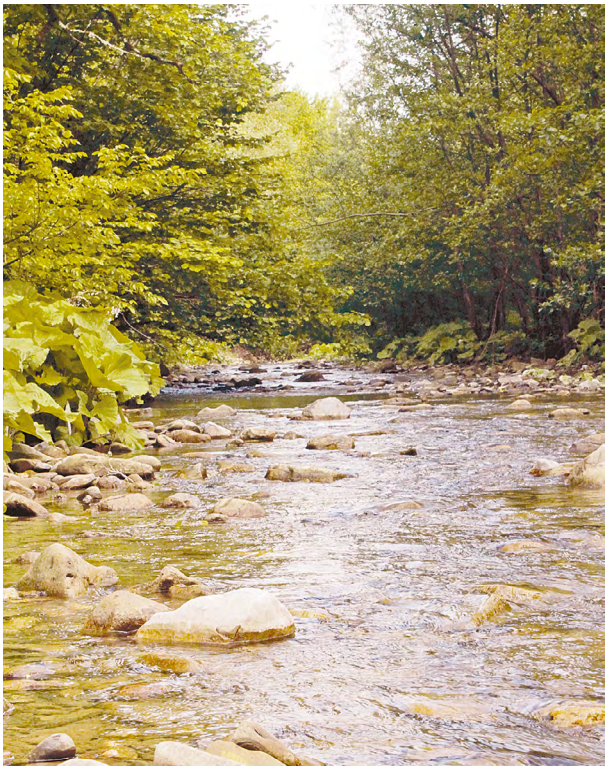
Набережная, Геленджик, лето 2022. *Фото Ангелины Любченко.*

Большой Сочи, весна 2025. *Фото Софии Максимовой.*

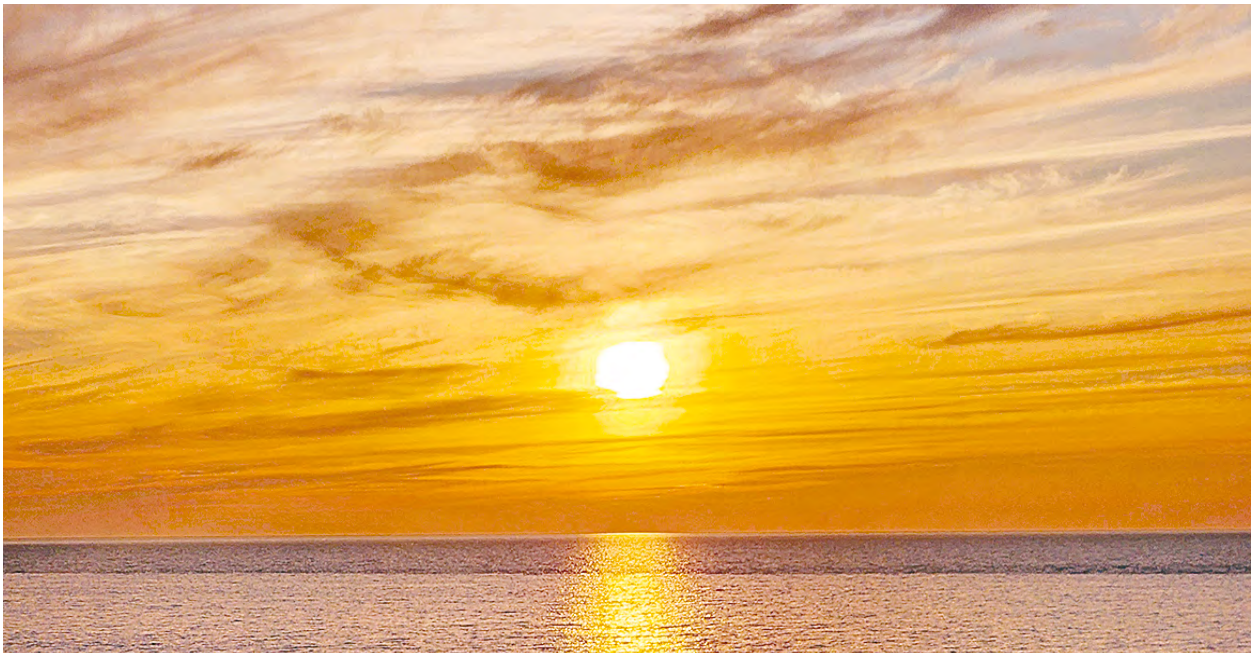
Красная Поляна, весна 2025. *Фото Дарьи Семененко.*

Подножье горы Псиф, Туапсинский район, весна 2025. *Фото Дарины Игнатенко.*

Геленджик, Андреевский парк. год 2025 *Фото Екатерины Бобровой.*

Сочи, набережная на территории Заполярья, зима 2025. *Фото Елизаветы Баевой.*